

Олег Слободчиков

СЫН ЛЕСА

1

Коль случилась беда — открывай ворота: принесла нелегкая в труднодоступное горно-таежное урочище боровиков — испоганили они ущелье, распугали зверя. Знать бы, когда уйдут — может быть и перетерпел бы год-другой, живший здесь в одиночку, молодой мужик. С одной стороны оно и ничего: понадобилось в город — почти каждый день машины туда ходят; кончились продукты — сходил в рабочий поселок и отоварился... Тут еще егерь привязался. Ни с того ни с сего лесник при встречах стал нос воротить — все они одной веревкой повязаны. Кто живет в лесу и без греха? Видно получили приказ выследить Алика и поймали на т

ом, чего раньше бы не заметили: подстрелил он свинью без лицензии, кто-то из боровиков проболтался, нагрянули разом и егерь, и лесничий, и инспектора какие-то, сделали акт об изъятии мяса, протокол о незаконной охоте, отобрали ружье и охотничий билет. Жди теперь, говорят, повестки в суд.

Ждать ее Алик не стал. Вещи, что поценней, спрятал, что получше из одежды — побросал в рюкзак и ушел через ледниковый перевал в город, посмеиваясь над зловредным егерем, который поджидал его у шлагбаума, осматривая выезжавшие попутные машины. По договору с заготконторой Алик числился сборщиком трав. Заготавливал и сдавал он на базу смолистую хвою эфедры, которая по-местному называется — *чикинда*.

Алик не был в городе больше трех месяцев — не то чтобы заскучал по нему, но, спустившись с гор, вдруг почувствовал знакомое и сладостное волнение. Красивые люди с рассеянными улыбками празднично хлопотали по своим радостным делам. Острый запах лопнувших почек и едкого выхлопного газа тек по прибранным улицам, свежий ветер трепал плакаты, транспаранты и кроны тополей. Втиснувшись в переполненный городской автобус, Алик ощутил себя частью этой безалаберной, ликующей жизни и, конечно, захотел выпить.

То что в «Травлекпроме» произошли перемены, он увидел издали: забор был заново выбелен, железные ворота выкрашены, на них намалеваны неверной рукой алкоголик с пионерским галстуком на шее и баба-яга в платочке шалашиком. Ниже крупным шрифтом оглашалось: «Граждане пионеры и пенсионеры! С пользой тратьте свободное время — занимайтесь сбором лекарственных трав. У нас за месяц можно заработать 300-500 рублей и даже больше».

Улыбаясь, Алик сутуловато постоял возле картины на воротах, по-волчьему дернул головой на заматеревшей шее, отбрасывая за спину отросшие до ключиц густые каштановые волосы, перекинул с плеча на плечо ветхий рюкзак и вошел в контору — старый одноэтажный барак, слепленный лет сто назад на скорую руку. Предстоял сложный разговор с управляющим. Нужно было проситься на новый участок, а просить, да еще начальство, Алик не умел. Он толкнул дверь в кабинет

с немытым тусклым оконцем, с облупившейся штукатуркой... В просиженном кресле сидел Саня Индейкин и желтым пальцем выуживал жирный окурочок из консервной банки, обрезанной под пепельницу.

— Ну, Индеец, в замы выбился?! — шагнул через порог Алик. Его волосы двумя пышными волнами опять болтались на груди, обнажая крепкий затылок. Он радостно рассмеялся. В прищуре глаз явно обозначилась примесь азиатской крови.

Индеец вздрогнул, отдернув руку. Его узко посаженные, как срез двустволки, глаза настороженно метнулись в сторону двери и залучились добрым светом, а в бороде расплзлась приветливая улыбка:

— Здорово, Алик, хрен моржовый! Какими ветрами? Траву привез? — Индеец пожал протянутую через стол руку, но в следующий миг с таким начальственным видом откинулся в кресле, что Алик, уже всерьез удивленный, шлепнулся на шаткий ободранный стул.

— Да ты чо, Индеец, в директора пошел?.. Ну, даешь...

Прежним управляющим «Травлекпрома» занималась прокуратура, его предшественник заканчивал срок в учреждении строгого режима. Слишком много соблазнов было у начальников неказистой этой конторы. Вот и Саня Индейкин — авторитет из старой чикинды хоть и при партийном билете — тоже голову потерял.

— То-то я думаю, ну кто, кроме Сани Индейкина, мог алкашей на воротах намалевать?

— Приказали закрасить! — Индеец отодрал полоску газеты, выпотрошил в нее «памирину», подсыпал просмоленного табака из размятых окурочков и стал сворачивать самокрутку. — Приехал инструктор из райкома, сказал — космополитизм! Не понял я почему «космополитизм», но замазать придется.

По понятиям Алика влип Индеец плотненько, но такой оборот упрощал личные проблемы чикиндиста. Он закурил, хмыкая и посмеиваясь, вытянул ноги в латаных-перелатаных штанах и рассказал о своих передрыгах. Индеец слушал чинно и терпеливо, как настоящий начальник, не суетился, не перебивал: входил в роль. Все строже становились его близко посаженные глаза. Одновременно сходил улыбка с лица Алика и по-азиатски хитроватый прищур глаз начал выстывать, превращаясь в пристальный и настороженный звериный взгляд. Будто прохладный ветерок, скатившись с горных вершин, повеял между друзьями, будто не загибались они от голода в Чулакских горах и не делили последние сухари, скитаясь по Джунгарским отрогам. Индеец почувствовал этот холодок отчуждения, спохватился:

— Да пошли ты их всех... Алик! Ты у нас первопроходец. Мы туда отправим другого бича — тебе осваивать новый участок. — Индеец вскочил с кресла, подошел к карте, занимавшей полстены: — Про Байсаур слышал? Там из наших еще никого не было. Смотри, — ткнул прокуренным пальцем. — Отсюда вверх по реке хоть до ледника — все твое... Забрось продукты, построй фанзу.

Индеец постоял у карты, вождистски вытянув руку, задрав бороду к одному ему видимой перспективе, и, возвращаясь к столу, деловито спросил:

— Сколько травы нарезал?

— Больше двух тонн!

— После обеда дам машину — вывози.

— Не-не-не! — замотал головой чикиндист, принимая роль баловня у своего начальника. — Пока пива не напьюсь — не поеду!

— Алик, надо! — положил на стол растопыренную ладонь управляющий. «Двустволка» его взгляда строго вперилась в лицо собеседника. — Квартальный план не вытягиваем... Я сам куплю тебе в дорогу ящик пива, но чтобы уехал сегодня... Что до егеря, так у меня теперь есть знакомства повыше: этому балбесу позвонят откуда надо и он тебя с травой выпустит. Может обыскать, так ты к тому подготовься.

Толкнув дверь, Алик сутуловато обернулся всем телом и сказал без тени насмешки:

— Саня, ты ведь до денег не жадный. Зачем тебе все это? Посадят ведь!

При всех своих достоинствах, Индеец слыл за человека, у которого временами «простреливала крыша». Вот и сейчас он взглянул на товарища — в глазах жертвенная гордыня.

— Кому-то ведь надо, Алик! — продекламировал новоиспеченный директор «Травлекпрома».

Алик вздохнул и вышел.

Груженная сухой хвоей эфедры машина вернулась в город на рассвете. Из сторожки, что возле конторы, выползла на костылях старуха, удивительно похожая на намалеванную на воротах бабу-ягу, и машина остановилась на территории «Травлекпрома». Алик выпрыгнул из кабины, стал посреди двора, раздумывая, с чего бы начать городскую жизнь. Кто-то окликнул его по имени, он сутуловато обернулся всем туловищем и увидел знакомого слесаря, зачем-то притащившегося на работу в этакую рань.

— Алик, друг, с возвращением!

Слесарь достал из-под верстака бутылку вина, скovyрнул пробку, почти всю вылил в желтую пол-литровую банку. Алик припал к посудине губастым ртом и зычными глотками осушил ее до дна. Крякнул.

— Алик, займи двести рублей?! Отдам через неделю... Сосед японские часы продает...

Алик закурил, хлопнул слесаря по плечу:

— Деньги сначала получить надо!

— Траву вывез — получишь!

Алик не ответил, увидел в углу чьи-то старые сандалеты, по-свойски сбросил заштопанные леской резиновые сапоги.

— Как на меня шиты, — сказал, примерив их и пинком отправляя под верстак старую обувь и грязные портянки: — А еще флакончика у тебя нет?

К обеду он сдал на склад вывезенную эфедру и без задержки получил почти полторы тысячи рублей трех и пятирублевыми пачками. День был солнечный. Алик скинул свитер, залатанный на локтях шинельным сукном, повесил его на забор, оставшись в рубахе без пуговиц и с оторванными рукавами, завязал узел на

животе и сунул за пазуху деньги. Вокруг уже вертелись знакомые и незнакомые мужики с похмельными лицами.

— В «Черном Ишаке» пиво свежее! — нашептывал кто-то.

Алик хрустнул пачкой, протянул несколько бумажек в чьи-то руки:

— Кто за водкой сбегает? — дал деньги еще кому-то.

Потом что-то пили, кого-то ждали и не дождались. Поехали в центральный универмаг одевать разбогатевшего бича, а попали в центральный гастроном. Бабенки, на которых Алик пристально поглядывал, шарахались брезгливо и испуганно. Но деньги были за пазухой и это не обижало.

Он ненадолго и только чуть-чуть отстал от толпы собутыльников и вот почувствовал на плече знакомую властную руку. Прошло всего три часа, как он получил деньги, а вот уже привезли в медвытрезвитель. За стойкой в белых халатах сидели злющая прокуренная старуха и молодой пухлый лейтенант. Его китель с погонами висел на спинке стула.

ЧикинDIST расстегнул булавку на единственном кармане, пришитом с внутренней стороны к рубашке, выложил паспорт и договор с «Травлекпромом». Лейтенант молча стал рассматривать документы, его розовые губки бантиком брезгливо скривились:

— Такой лоб — и травку собираешь!?

— А ты знаешь, что это за работа?! — от обиды Алик даже перегнулся через стойку. Сержант из-за спины привычно обхватил его жилистой рукой. Нашупав что-то подозрительное, ловко залез за пазуху. Не сопротивляясь, Алик обернулся. Сержант смотрел на деньги с таким лицом, будто вместо мандарина разжевал лимон. Зато лейтенант в изумлении вскочил со стула, подмигнул с восторгом:

— Кассу взял?

Но Алик тыкал скрюченным пальцем в номер телефона на договоре. Неохотно лейтенант набрал этот номер, спросил, работает ли Истинбетов и как он выглядит. Глаза его дрогнули, зад опустился и мягко облепил скрипучий стул, он положил телефонную трубку и протокольно поднял глаза:

— Уже протрезвел, Истинбетов? — и, обернувшись к старой морщинистой врачихе в халате, спросил: — Может отпустим? У нас вторые сутки бомж без денег сидит... За двоих заплатишь?

Алик не спеша затолкал деньги за пазуху, насмешливо взглянул на поникшего милиционера.

— Ходишь по городу в лохмотьях, нарушаешь порядок, — проворчал тот. — Одейся бы. Деньги есть.

— Плачу полсотни, если на своей «побирушке» отвезешь в ЦУМ!

Сержант оживился. Алик оставил на стойке тридцать рублей и вышел во двор. Сержант распахнул дверь камеры на колесах, шофер нажал на стартер.

— Садись, если за полсотни!

— Э-э, нет сержант! Я поеду в кабине, а ты — здесь! — Он отсчитал несколько синих пятирублевок из отощавшей пачки, протянул сержанту: — Аванс на руки!

Тот шмыгнул носом, полез в камеру-будку.

Машина остановилась возле магазина. Алик не спешил вылезать из кабины, поглядывая вокруг, наслаждаясь недолгим своим торжеством. Но шофер все

настойчивей выгалкивал его, а сержант уже открыл дверцу. Алик поймал на себе несколько любопытных взглядов прохожих, вздохнул: «Вот и вся награда», неохотно вылез на асфальт, откинул волосы с лица за плечи и зашагал в магазин — нескладный, оборванный. Никому в этой толчее не было до него дела.

Из ЦУМа он вышел выбритый, с модельной прической — на первом этаже оказалась парикмахерская — в джинсах, в новенькой рубашке со складками, в пиджаке. Под мышкой — коробка с транзисторным приемником. Пиджак — так себе, зато много карманов: ради этого и был куплен. Алик растолкал по ним документы и деньги. А душа все чего-то ждала, хотела праздника и чуда... Надо было объехать друзей, раздать долги, встретиться с людьми, которым обязан помощью в разное время. Он уже сел в такси и назвал первый из знакомых адресов... Но передумал:

— Шеф, заворачивай на семидесятый разъезд — плачу в оба конца!

С ревушим приемником в руке, приодетый и напомаженный, он небрежно хлопнул дверцей машины, подъехавшей к самым воротам «Травлекарстпрома». Подвывающей стаей навстречу ему выскочила из-под тополей озабоченная недопитием толпа потерявших его собутыльников. «Гульну слегка, а потом займись делами», — подумал Алик.

Раз двадцать он рассказывал, как везли его в магазин из вытрезвителя — надоело. И опухшие похмельные рожи — обрыдли, и чья-то грязная квартира... Алик умылся над заблеванной раковинной, сунул за пояс две бутылки водки, вышел, забыв транзистор. Уже на улице вспомнил про него, но возвращаться не хотелось.

Тусклое солнце маячило за колпаком накрывшего город дыма, подташнивало от едкого газа, которым были переполнены улицы. На переходах и перекрестках он метался как заяц от охотников: отскочил от «москвичонка» и угодил двумя ногами в грязный арык. Сплюнул, пробормотав: «Ну, мля, жизнь». Оглянулся с тоской — ни костерок развести, ни обсушиться — как живут здесь нормальные люди?

Хлюпя мокрыми ногами в туфлях, он пробрался сквозь толпу к остановке автобуса, но никак не мог понять — на котором из них и куда ехать. Взглянул на телевышку, вздымавшуюся над городом, и побрел на нее. Помнил, что где-то неподалеку есть узкие улочки и кривые переулочки старой «Нахаловки». А там он знал кого и где искать. К черту собутыльников — ему нужна была тихая комната без навязчивой музыки и без рева машин за окнами, нужна ласковая женщина. Такой сейчас представлялась Люська. Когда-то Алик прожил с ней почти год, пытаясь стать горожанином. Почти жена имела ветхий дом в тихом районе. И он, пусть не сразу, нашел его, постучал в окно, как когда-то, правда не очень-то надеясь застать ее дома. Но, откинув занавеску, выглянула и вправду она: то ли пополневшая, то ли опухшая — посмотрела на него как на чужого. Вышла на крыльцо.

— Давно приехал? — спросила, зябко подергивая плечами под легким платьем. В дом не приглашала, навстречу не шла.

— Замуж вышла, что ли? — напрямик спросил Алик.

Люська хмуро кивнула, разглядывая оттопыренный карман пиджака на госте, потом решительно тряхнула кудряшками:

— Заходи!

Алик прошел на кухню, сел за прибранный стол.

— Мужик на работе?

— Угу!

— У меня флакон, — хлопнул себя по карману.

— Наливай!

— Как же без мужика с замужней бабой пить? Нехорошо, — сказал он, но, поколебавшись, вытащил бутылку, бросил на стол пачку сигарет.

— Нехорошо! — согласилась Люська. Поставила два стакана, выпила, закурила, вздохнула: — Если придет трезвый — бить будет!

— Найди мне бабу, но чтоб с квартирой! — Алика вдруг развезло от четверти стакана, выпитого «на старые дрожжи». Глаза его плутовато прищурились, заблестели.

— Наливай! — скомандовала Люська и накинула демисезонное пальтишко. — К Римке отведу — она давно без мужика мается.

Алик свернул из куска газеты пробку, заткнул початую бутылку и закуражился вдруг:

— Она хоть какая из себя?

— Увидишь!

Шли темнеющими переулками, оказались в тесном сыром дворике, затем на холодной веранде с электрической лампочкой. Откуда-то появилась длинная женщина с недоверчивыми глазами, чем-то похожая на коромысло.

В чистой комнате, куда она не приглашала, было тепло и пахло углем. Бабенка, чуть подобрев, выставила закуску и прозрачные дорогие рюмки. Люська ее поторапливала. Алик выставил бутылку с затычкой, разлил водку. Люська, не дожидаясь, опрокинула рюмку, всхлипнула:

— Вздрючит Ванечка, это уж точно! — уронила голову на руки и захохотала: Римка, попробуй его — он в этом году еще не целованный. — И убежала, хлопнув дверью. Алик осторожно выставил вторую бутылку, кивнул ей вслед:

— Если б знала, что бухло есть, не ушла бы. Я ее знаю...

Немногословная женщина пристально посматривала на гостя, будто прикидывала, на какие работы его определить, пила мало и нехотя. Алику неловко было молчать. Он стал заводиться:

— У тебя среди чикинды знакомые есть?.. Ты узнай, кто такой Алик... Ну, что ты за баба? И разговор не получается.. Ты одна? Я тоже один. Может выпьем и упадем? Что нам, первый раз?

Женщина ничуть не смутилась, но взглянула на него строго. Алик нащупал в кармане деньги, отсчитал пять, но вытащил четыре пятирублевки:

— Дядя платит! До утра что хочу, то и делаю... Хочу и сплю... Кого колышет? Оплачено. — И вдруг он ухмыльнулся, не замечая, что глаза женщины становятся все уже и злей: — За бутылку из твоих вычешь, или пополам?

Хозяйка поднялась, будто коромысло распрямилось:

— А ну, вали отсюда! — у нее оказался голос пронзительный, как скрип двери в камере. Цепкой, ментовской рукой она сгребла мятые деньги, сунула Алику в карман, схватила недопитую бутылку, как градусник подоткнула ему под мышку, подталкивая к двери.

— Кочерга долбаная! — вполголоса выругался Алик и заковылял, шатаясь, к Люськиному дому.

На этот раз на крыльцо вышел плюгавенький, до синевы растатуированный мужичок и пророкотал луженой глоткой:

— Какого черта?

— Алик я! — непрошенный гость настойчиво наступал на хозяина, оттирая его от двери. — Поговорить надо с Люськой... И с тобой.

Новый муж обиженно зарычал и толкнул его в темные сени. Сжав за горлышко бутылку, Алик обернулся в полутьме.

— Может ты и хороший парень, но больше так не делай! — проговорил отчетливо. Шагнул в освещенную кухню. На столе красовалась ополовиненная банка с брагой. У Люськи по лицу видно — выкрутилась перед мужем. Алик поставил рядом с банкой свою початую бутылку, сел.

— Люська, рычи баклану — пусть сквозит! — как лист железа по камням, пророкотал прокуренным голосом новый муж. Но за стол сел. Глаза, будто вдавленные под низкий лоб, смотрели в сторону.

— Что он у тебя такой? — тоже к женщине обратился Алик. Потом резко обернулся к мужику, в упор глядя на него через стол: — Имею я право зайти к бывшей жене? Может еще не все вещи забрал? Может долги принес?!

Люську его слова тронули, она подбоченилась с независимым видом, кокетливо поправила локоны на растрепанной голове и громко икнула.

Новый муж что-то пробормотал, но уже миролюбивей. Положил на стол синие от татуировок руки. Алик разливал водку и рассказывал, как его вытурила Длинная. Люська заржала, икая и задерживая дыхание. Выпила, ругнулась, но икота не проходила.

— Ладно, к Тоньке отведу, помнишь?

Алик пожал плечами. Новый муж, подбрав, разлил брагу по стаканам.

— Забыл? Тонька, толстая такая, — Люська, как наседка крылья, раскинула руки, показывая объем бедер подруги. — Ты с ней в позапрошлом году жил. Она рассказывала.

— Дюймовочка?

— Вот, вот! Дюймовочка — сто килограмм костей и сала!

Пьяный гость решительно поднялся из-за стола:

— Веди!

— На посошок, — взялся за банку новый муж. Люська, покачиваясь, накинула пальто.

— В гости и без бухла? — вдруг спросила с недоумением, опять икнув. — Хоть браги возьми у соседей.

Алик выгреб из кармана деньги — сколько захватил пятерней. Люська, как лепестки с цветка, выщипнула две трешки, потом еще рубль, пояснила — за

посуду. Вернулась через пару минут. Глаза у Алика опять превратились в две ехидные щелочки:

— Соседка в твоём сарае живет? — кивнул на влажную банку с брагой. — С бывшего мужа втридорога...

— Всех не напоишь! — не смутилась Люська. — А труд должен оплачиваться. Бегаю, как наводчица, и все бесплатно?

Опять блудили по переулкам, теперь уже втроем, время от времени прикладываясь к банке. Стучали в чьи-то двери, ходили к каким-то соседям. Потом сидели в теплой просторной кухне. У Дюймовочки красовался румянец во всю щеку, с лица не сходила приветливая улыбка. Алик еще хлебнул из стакана и заклевал носом:

— Кого колышет? — пробормотал. — Оплачено! Что хочу, то и делаю! — Он начал устраиваться спать возле стола. Дюжая женщина легко подхватила его и положила на широкую кровать. На хмельном лице чикиндиста расплылась смущенная улыбка, он был тронут заботой. Алик проснулся среди ночи и почувствовал рядом с собой душноватое тепло женского тела. Дюймовочка с готовностью проснулась, придвинулась к нему полной грудью.

Он прожил у Тоньки три дня. Из дома не выходил. Она бегала в магазин, кормила, выстирала его рубашку, выгладила брюки. Ее румяное лицо неизменно улыбалось. И это начало раздражать. Подкатывала тоска. Алик выходил во двор. Сквозь запах оттаявших помоек, шлаковых куч и нездоровой земли пробивался дух набухающей зелени. Тяжелый смог висел над городом. Громко отхаркиваясь, он плевал под ноги и разглядывал копошащихся в сумерках людей. В отличие от них, обреченных, ему было куда бежать. Эта мысль приносила облегчение.

Утром он хотел отправить Тоньку за самогоном, вывернул карманы и нашел всего четырнадцать рублей.

— Деньги-то куда делись? — спросил озадаченно. — Рублей сто должно бы остаться.

— Пропил, — улыбаясь, как матрешка, заявила Дюймовочка. — Ну и я за свет уплатила, налоги... Что ж, совсем бесплатно хотел: и Тоньку, и хату, и щи с мясом?

— Раньше ты брала поменьше! — буркнул Алик, заталкивая мятые трешки в карман.

— Раньше и водка дешевле стоила!

Он выбрался в контору и столкнулся там со знакомым чикиндистом с дальнего участка. Тот не подал руки:

— Когда долг-то отдашь? Получил ведь деньги.

— Уже нету, — смущенно похлопал по карманам Алик. — Хочешь, джинсы забери? Стольник стоят, всего неделю проносил...

Джинсы и пиджак он продал у пивной. Расплатился с долгами. Снял с забора отсыревший свитер. В слесарке нашел чьи-то старые брюки и свои же сапоги с пересохшими, жесткими портянками.

Индеец денег в долг не дал, но сказал завскладом, чтобы тот отоварил продуктами под запись. Уже когда загрузили машину, он бросил в кабину слегка поношенный штормовой костюм:

— Осваивай новый участок, бичара!

2

Алик разгрузил машину недалеко от устья горного ручья, впадавшего в бурную реку Байсаурку. Здесь, через нее, был бревенчатый скотопрогонный мост, а в пади, из которой вытекал ручей, был лес. Как всегда после города, Алик рад был оказаться хоть на другой планете, лишь бы рядом не было людей и был лес. ЧикинDIST разумный и деловой — а в конторе были и такие — разбил бы лагерь прямо возле дороги и жилье построил здесь же, чтобы был подъезд к самому крыльцу. Но Алик перетаскал на себе добрую четверть тонны груза к первым елкам. Там поставил палатку, развесил на нижних сучьях деревьев мешки с продуктами.

Разбив лагерь, он развернул лист ученической тетради. На нем была схема, срисованная с карты в кабинете директора. Среднее течение горной реки походило на кривизну ятагана. Покрытый лесными массивами крутой правый берег был расколот двумя длинными ущельями. Левый же берег был скалист и лыс: несколько коротких и крутых падей на схеме казались зазубринами клинка.

Прежде чем строить избушку, надо было осмотреться.

Ночью дул ветер с ледников, трепал палатку. Попискивали мыши возле продуктов, ухала в скалах сова. Алик курил, выглядывая из-за полога, осторожно стряхивал пепел в спичечный коробок. Немного жаль было пропитых денег, чуть-чуть неприятно вспоминался загул. Но он был в горах. И от сознания, что в город потянет не скоро, на душе было легко и спокойно.

Сквозь шум ветра и клокотание ручья он вдруг уловил странный звук, похожий на приглушенный человеческий голос. Осторожно вылез из спальника, откинул полог палатки, взглядываясь в ветреную темень, прислушался. Мерцали размазанные облаками звезды, луны не было. Звук повторился. Хрустнула ветка, светлячком мигнул вдали луч фонарика, потом еще раз, уже ниже. Кто-то переходил ручей. Алик сплюнул от досады: вот тебе и тихое место — даже по ночам какие-то проходимцы шляются.

Он проснулся в сумерках от далекого хлопка выстрела, и тут же громынуло совсем рядом у скал эхо. Кашляя и зевая, вылез из палатки. Весенняя свежесть пахнула в лицо, зябко потекла под одеждой. Прозвучал еще один выстрел, затем охнуло эхо в той стороне, где ночью ухала сова. Алик вытащил из-под одежды двенадцатикратный бинокль, чуть поднялся по тропе, волоча за собой меховой жилет, сел на него, упершись локтями в колени, стал осматривать склон. Двое охотников копошились у кромки снега, возле одинокой ели. Кого-то они там подстрелили. Алик спустился к лагерю, выплеснул из котелка остатки вчерашнего чая, зачерпнул воды из ручья и стал разводить костер. Позавтракав, закурил, откашлялся и вернулся к меховому жилету, на котором лежал бинокль.

Двое вверху тоже развели костер. Алик представил себе булькающий котелок с мясом, и его рот наполнился слюной: давно не ел свеженины. В общем-то, он мог спланировать сегодняшней разведывательный маршрут и через этот костерок. Если возле него сидят браконьеры — на несколько килограммов дичины можно рассчитывать. Ну а если это охотинспекторы или егеря — так при нем ничего незаконного нет и документы в порядке.

Алик сунул в рюкзак жилет, котелок, пачку чая, полбулки хлеба, повесил бинокль на шею и перепрыгнул ручей. На склоне он быстро нашел ночные следы: один в литых сапогах, другой в рифленках — странная компания. Его заметили метрах в трехстах от костра. Снизу уже без бинокля было видно, что двое сидят возле убитого марала. Алик поднял руку, заверяя в добрых намерениях. Но тот, что был в литых сапогах — высокий и худой — стал перезаряжать ружье стволами в его сторону. Второй поднялся и тоже подхватил дробовик. Совсем невоспитанные ребята — не лесные люди.

Повода уходить в сторону пока не было. И все же поведение незнакомцев настораживало... Какого черта они лежат возле туши третий час, так и не сняв шкуру?

До костра оставалось метров двести. Худой встал, с ружьем наперевес подошел к дереву, крикнул сипло:

— Кто такой? Чего надо?

Алик остановился, тяжело дыша, закричал срывающимся голосом:

— Я здешний травник, хочу перевалить в соседнюю падь.

Худой обернулся ко второму, о чем-то переговорил с ним. Алик выругался, закурил и зашагал вдоль по склону, не набирая высоту и не спускаясь вниз. А когда вышел на седловину, разделявшую два распадка, увидел тех двоих, поднимавшихся к перевалу. У елки, там, где они сидели, еще дымился костер и беспомощно стыла брошенная туша. Алик постоял, раздумывая, и направился к ней.

Марал-рогач лежал на боку. С окровавленной головы были срублены панты, живот вспорот, взята только печень. Чикиндист подкинул хворост на тлеющие угли и вытащил нож — не пропадать же добру.

Он провозился часа три: ободрав и расчленив марала, уложил мясо в шкуру, спрятал все в камнях возле снежника. Пока работал, сварился полный котелок сочной мякоти с ребер, а на углях испеклась грудинка. В полдень Алик наелся душистой весенней маралятины, разлегся на солнце, лениво прикидывая, что нужно сделать, чтобы не пропало мясо.

Чуть кровоточил палец, порезанный при шкурении. Алик отхватил ножом манжету новой рубашки — зачем летом длинные рукава? — присыпал рану золой и туго перевязал.

Пора было что-то делать, но не хотелось. Лежать бы вот так, рядом с мясом, дремать, снова есть и опять впадать в дрему, как хищнику в благополучные дни после удачной охоты. Алик с усмешкой подумал: «Угораздило же родиться человеком!» Нехотя поднялся, собрал рюкзак. Прихватить с собой ляжку или лопатку марала не решился: места были незнакомые, охота запрещена.

Наверное, в сознании каждого зверя есть представление об идеальном логове и об идеальном месте для него. Есть нечто необъяснимое в том, что заставляет медведя устраивать берлогу там, где никогда не выберет логово волк или рысь. За последние десять лет жизни в горах Алик строился трижды и каждый раз искал одно и то же: сухую поляну возле ручья, где лес и скалы. Распадок, куда он перевалил, вполне подходил для жизни и заработков, но Алик даже не стал спускаться вниз: прикинул сколько там можно нарезать эфедры, и пошел по склону к реке, чтобы ее берегом опять выйти к лагерю. Здесь лес был слишком далеко от устья ручья, а жить на солнцепеке среди колючих кустарников и осыпей ему не хотелось.

У реки Алик остановился возле каменного прижима. Козья тропа уходила вверх. Но он не стал карабкаться по ней, а попробовал обойти прижим по воде. Выглянув из-за скалы, отпрянул назад: возле скотопрогонного моста стоял «уазик». Два казаха в гражданском курили возле машины, у одного на плече висел автомат Калашникова.

Не первый раз за день Алик выругался про себя: то ли места непутевые, то ли просто не везет... Скинул рюкзак, вареное мясо бросил в воду, штормовку с пятнами крови утопил в заводи и придавил тяжелым камнем. Он еще раз внимательно осмотрел штаны, рюкзак, сапоги и полез вверх по тропе. Его заметили. Автоматчик поднял ствол и крикнул по-русски:

— Стой!

Шофер вытащил из-за водительского сиденья еще один автомат. Из салона вылез пожилой азиат в милицейской форме. Алик по-волчьи всем торсом обернулся, сжал зубы и, сутулясь больше обычного, заковылял прямо на стволы, исподлобья поглядывая на вооруженных людей.

— Руки! — кратко скомандовал стриженный круглоголовый парень в сером костюме.

Алик показал мозолистые ладони и опустил их. Пожилой шагнул на мост, козырнул и на чистом русском языке представился:

— Майор Сегизбаев, начальник РОВДа.

— Травник Истинбетов! — в тон ему ответил чикиндист.

Головастик опустил автомат, зашел сбоку, ловко освободил задержанного от рюкзака, ощупал одежду, даже голяшки резиновых сапог, повертел в руках бритвенной заточки складной нож — не придерешься, такой в любом магазине купить можно. Майор внимательно изучал документы. Даже оттиск печати на договоре вычитал.

— Какой дурак тебе паспорт выписал?

— Знал бы того ишака, сам бы в глаз плюнул, — ответил чикиндист с самым серьезным видом.

Майор вперился взглядом в глаза задержанного. Тот выжидательно выдержал этот взгляд.

— Смотри! — начальник насмешливо протянул паспорт круглоголовому. — Истинбетов Алик Кошибаевич — русский! — Ткнул пальцем в раскрытый документ.

— Говорят какой-то пьяный чабан Кошибай меня в лесу нашел и в приют сдал... Будто его об этом просили! — настороженно пошутил Алик, проглотив оскорбление.

— Ладно! Где оружие? — спросил майор, как бы между прочим, снова опуская глаза к документам.

— Не имею! — так же коротко ответил Алик.

— Врешь! Мы возле твоей палатки патроны нашли. — Промаяхнулся майор: патронов у Алика не было.

— Что молчишь? — резко вскинул он глаза.

— Я патронов в палатке не оставлял.

— А где оставил?

— Ищите...

— Почему кровь на рукаве? — схватил его за руку Круглоголовый.

— Палец ободрал на осыпи, — злорадно сунул майору под нос руку Алик.

— Врешь, да возиться с тобой некогда, — майор нехотя вернул документы. Алик сунул их в карман, старательно заколол его булавкой, стал собирать в рюкзак разбросанные по мосту вещи и продукты. Обыскали его умело и на совесть.

— Проходил здесь кто-нибудь? — дружелюбней спросил майор. — Может что заметил? Кассира на ферме парень вроде тебя застрелил и ушел в горы.

Стволы автоматов с кривыми обоймами смотрели в землю, по-свойски болтаясь на плечах водителя и круглоголового. Последний даже подмигнул:

— Дело серьезное! Может быть, вчера что заметил? Должен же ты нам помочь?!

«Помоги вам, — подумал Алик, — потом затаскаете». И все же клянул на байскую ласку, поганенько скривил рот в ответной улыбке, был бы хвост — непременно вильнул бы им, и ляпнул:

— По этой дороге двое прошли вверх: мужчина и женщина.

— Во что одеты? — впился в него глазами майор.

— Он в клееных сапогах сорок второго, она в кроссовках.

— Как одеты, спрашиваю? — нетерпеливо перебил майор.

— Я только следы видел!

— Откуда знаешь, что женщина? Может подросток?

— Так аккуратно ступают только городские женщины...

— Так, так! — процедил Круглоголовый, и черные раскосые глаза его снова подернулись ненавистью: — Ничего не видел, ничего не знаю... Мы на дороге никаких следов не заметили, а он по походке горожан от аульных отличает...

«Дур-рак!» — выругался про себя Алик, багровея и опуская глаза. Закурил, отвернувшись от сверливших его взглядами.

— Можно идти? — спросил, поскольку его больше ни о чем не спрашивали.

— Иди, пока! — нехотя разрешил майор.

Алик, сутулясь, закосолапил по бревнам моста. Зубами скрипел: как юнца поймали на слове. Хоть говорили как со скотом...

Уазик, резко развернувшись, пополз вверх по заросшей травой дороге, но она заканчивалась в полусотне метров от моста, переходя в широкую конную тропу.

Машина снова развернулась и запыхала вниз по ущелью, в обратную сторону. Алик сел, подождал, когда она скроется за поворотом, скинул рюкзак и пошел за берегом за утопленной штормовкой. Жаль было выброшенного мяса.

Мышей в лагере прибывало. Всю ночь они лазили по натянутому тенту палатки, шелестели полиэтиленовыми мешками, мешали спать. Из-за них толком не выпался. Утром сложил палатку и стал набивать рюкзак. Путь предстоял по левому берегу реки. Хотелось обследовать все пади, выйти к границе участка, затем переправиться через реку, обследовать два притока правого берега. Эфедры там не могло быть, но свои места надо знать.

Алик залил костер. Солнечные лучи уже скользили по лесистому северному склону хребта. Сверкали белые выбросы лавин, подмытые течением реки. Свежий ветер нес запахи снега и талой земли. Отшагав по тропе километров пять, он остановился возле ручья. Падь, из которой ручей вытекал, поросла густым кустарником, но немного выше было то, что надо: скалы и лес. Алик стал продираться к ним сквозь колючки, выбрался на склон и еще издали узнал место своего будущего жилья, как, наверно, зверь узнает будущее логово. Поросший можжевельником склон обрывался к ручью отвесной гранитной скалой, под ней была площадка. Чистый ручей огибал ее и водопадом скатывался в небольшой природный бассейн. Алик опустился перед ним на колени, напился и сел, поглядывая по сторонам. До реки минут пятнадцать ходьбы, до моста — полчаса. Эфедры поблизости нет, сухостоя мало — трудновато будет строиться, забрасывать продукты и ходить на работу. Но избушка будет скрыта от чужих глаз и без нужды никто не придет в гости. Ощущение защищенности и покоя, перевешивало здравый хозяйский смысл.

Алик посмотрел на склон противоположного берега реки, крутой, покрытый лесом, на вершине его вздымались красноватые, отвесные скалы с каменным куполом странного вида — будто это башня или старинная крепость. Из-под купола тонкой змейкой тянулся узкий кулуар, распаханый многолетним сходом лавин. Его выброс из снега, камней и выкорчеванных деревьев лежал почти на берегу реки. Вот бы где устроиться — уж там-то никто не потревожит. Правда, путь из дома до рабочего места занимал бы весь день и вода там вряд ли есть поблизости. Если только построить лифт и водопровод... И завертелись в голове глупые несбыточные мысли об устройстве неприступной крепости, о теплом доме, полном детей, о любимой женщине. Алик спохватился, когда представил семерых крепких парней, сидящих за столом в том неприступном доме. Усмехнулся. Сплюнул. Только что из города, а уже понесло...

В чистом майском небе застрекотал вертолет, сделал круг над той самой скальной башней, завис над ней, резко снизился и пропал. Впрочем, через пару минут он взмыл с того же самого места. Похоже, что высаживал кого-то. Выходит, что и там покоя нет. Алик встал, поправил на плечах лямки рюкзака, на ходу просматривая в бинокль противоположный берег реки. Верхняя граница его участка проходила где-то здесь: выше резать эфедру нет смысла — все равно не вывезешь. Но он поднялся еще километров на семь, вынул из кармана измятую схему. Та падь, где он нашел подходящее место для жилья, называлась Жим-Жирт

— мертвая тишина в переводе с казахского. Алик хмыкнул, название ему нравилось. Теперь он стоял у устья другого распадка — Аурулы, но прохода туда не видел — может быть, врала карта?!

Алик переправился через реку, слегка зачерпнув воду сапогом. Возле устья притока Байсаурки был молодой ельник, среди деревьев kloкотала прозрачная горная речка. ЧикинDIST стал подниматься по ней, вкрадчиво заглядывая в омуты и ямы. Под водопадами среди камней лениво изгибались крупные рыбыны.

Алик сбросил сапоги, вырезал удилище, настроил удочку, поймал мельтешившую муху, насадил на крючок, подвел к самому носу одной из непуганых рыбин, она, изогнувшись упругим телом, брезгливо оттолкнула наживку.

— Ишь, какая разборчивая, — пробормотал он, снял с крючка мокрую, хрустнувшую в пальцах муху, вытер руку о штаны. Покрутил головой, осматривая траву и кустарник, накрыл ладонью зеленого кузнечика. И опять рыба отвергла наживку.

— Чего ж тебе надо, стерва? — сплюнул в воду Алик, толкнул пяткой камень на сыром песке. В утрамбованной лунке под ним забегали черные муравьи с крыльями. Насекомое задергало на крючке полудюжиной тонких ножек, и не успела наживка коснуться воды, как одна из рыбин схватила ее, в дугу согнув удилище. Вскоре на берег вылетела еще одна.

Алик развел костерок на плоском камне, насадил на прутик выпотрошенную рыбину, испек ее. Форель почернела, потеряв свой радужный блеск, расщеперила жабры и обгоревшие плавники.

Перекусив, он наловил муравьев в спичечный коробок, вытряхнул из чехла палатку, сложил в него рыбу и пошел вверх по речке, время от времени забрасывая удочку. Он поднялся километров на пять и поставил палатку: слишком много времени он потратил на рыбалку, а надо было поторапливаться, чтобы сходить к куполу и посмотреть, зачем туда садился вертолет: может быть там геологи стоят?

Проснулся Алик поздно. Торопливо вылез из палатки, развел костер, повесил над огнем котелок и стал укладывать рюкзак. Ночлег на хребте, через который он собирался перевалить в другой приток Байсаурки, не привлекал: спальник был ветхим и палатка потрепанной. Переход же предстоял, должно быть, долгий и нелегкий.

Алик так и не дошел до верховий речки. Он не выбрался еще из зоны леса, а солнце уже покатилося к западу. Слева в речку впадал ручей, устье которого заросло барбарисом. Узкий вход в распадок в любом случае должен был вывести к альпийским лугам, а там уже проще сориентироваться, где и как спуститься в соседнее ущелье... Была не была! Алик три раза плюнул через плечо, застегнул на все пуговицы штормовку и стал продираться сквозь колючий кустарник.

Падь оказалась крутой, как каньон, и извиистой. Много лет назад ее склоны обрушились, скорее всего, от землетрясения, обнажившись жесткой сухой глиной с мелкими острыми, как щебенка, камнями. Возле воды склон был скользок.

Каждый шаг давался с трудом. Солнце давно ушло. В пади посмурнело. Желудок посасывало, напоминая, что вечер близок.

Наконец оползни кончились, падь постепенно расширялась. Справа были скалы и осыпи, слева травянистый склон. Кто бы мог подумать, что у этого мелководного ручейка такое длинное ущелье?! На первой же лужайке возле воды Алик остановился. Место было неудобное, открытое, но и здесь ночлег приятней, чем на продуваемом хребте.

Он бросил рюкзак на землю, покрытую мхом и травой. Огляделся, прошел вперед. Часто бывало, разбивал лагерь где попало, а в ста метрах — отличное место. За скальным прижимом открылась целая панорама: лесистый склон, слишком крутой, чтобы ночевать на нем, болотистая долина. Ручей раздваивался: один приток ниткой водопада скользил по скале, другой уходил в каньон с отвесными гранитными стенами. По этому каньону, скорее всего, можно было выбраться к куполу на хребте.

— Вот тебе и маленькая падь! — присвистнул чикиндист.

Прикинув, где будет удобней завтра подняться на хребет, он вернулся к рюкзаку, натаскал сушняка для костра и поставил палатку, закрепив растяжки камнями. В сумерках заварил чай. Ужин готовить не надо — оставалась печеная рыба. Места были укромные, без тропы. Оттого спокойно было на душе.

Проснулся Алик опять поздно: палатка нагрелась от солнца. Он лениво вылез на поляну, жмурясь, потянулся. Сбросил рубаху, зачерпнул воды в котелок и развел костер. Поплелся опять к ручью, поплескал в лицо холодной водой... Вдруг подобрался, резко выпрямился и насторожился от странного звука: будто палкой ударили по подушке. Обернулся — палатка завалилась, шнур растяжки был порван.

Капли воды еще висели на небритом подбородке. Алик лихорадочно соображал, что произошло. Вдруг котелок сорвался со своего места, плеснув водой в огонь, забренчал, всем законам вопреки катясь вверх, к осыпи. На его черном боку белела продолговатая вмятина. Выстрелов слышно не было, но явно стреляли с той стороны, где над скалой висело солнце.

— Эй ты, козел! — закричал Алик. — Чего тебе надо? — В ответ котелок, дернувшись, звякнул еще раз, и в воздухе порванной струной запела пуля, отрикошетившая от камня. Ругаясь, Алик стал сворачивать палатку, укладывать вещи в рюкзак: его прогоняли. Стрелок терпеливо ждал. Взвалив поклажу на плечи, чикиндист двинулся вверх по пади. Раздраженно завывали три пули, пущенные одна за другой в скалу перед ним. По шлепкам и промежуткам между выстрелами Алик понял, что стреляют из мелкокалиберной винтовки. Повернув назад, он полез вверх по осыпи. Пуля шлепнулась впереди, в зеленый клочок земли.

— Черта лысого! — прохрипел Алик, упрямо поднимаясь на склон: — В обратную сторону все равно не пойду!

Стрелок хотел заставить его вернуться тем же путем, которым он пришел. Будто засомневавшись, он выпустил еще одну пулю и нехотя согласился с упрямым путником. Не отдыхая, Алик вылез на скалистый отрог хребта. Солнце висело уже высоко и не мешало смотреть в ту сторону, откуда стреляли. Он вытер

рукавом пот с лица, вытащил бинокль и стал внимательно разглядывать противоположный склон: скалы, пятаки еловых колков. Где-то там прятался стрелок и наблюдал за ним. Их разделяло километра полтора — попасть в него из мелкокалиберной винтовки с такого расстояния было невозможно. Алик встал в полный рост, надеясь спровоцировать стрелка на выстрел. Но стрелявший затаился.

Можно было пройти по верхам отрога к водораздельному хребту и спуститься к ручью, который он видел снизу вчера. Можно, скрываясь за скалами, выбраться к куполу той самой Чертовой башни, возле которой приземлялся вертолет, а уже оттуда спуститься по каньону, в который его не пустили утром. Но был уже полдень, хотелось пить. Стоило ли именно сейчас лезть под пули из любопытства? Стрелок мог быть заскучавшим шутником или сборщиком мумие, не желавшим раскрывать свои места. Но мог и убить.

Алик закурил, сунул бинокль в рюкзак, посидел на теплых, нагретых солнцем камнях и стал спускаться в ущелье Байсаурки.

Прошел день и другой. Настроение было паршивым. Не принимала Алика территория. Но снаряжение, продукты были уже заброшены, и все в долг, под будущие заработки. По-хорошему, нарезать бы машину травы и бежать отсюда. Но у эфедры как раз период цветения — не примут ее в конторе. Надо было ждать до июля, а строиться сейчас: потом будет некогда. Да и куда бежать? В бригаду? С ее вечными беспорядками, грошовыми разборками, с пробивающимися в руководство жлобами и бездельниками, со злобой и завистью. Уж лучше здесь остаться и потерпеть. А там, глядишь, и освободится какой-нибудь отдаленный участок.

Сидел он у костра, думал: хочешь не хочешь, а придется до весны пробывать здесь. Возле кострища без него опять кто-то побывал, наследив рифленным альпинистским ботинком сорок шестого размера. Отпечаток был знакомым — в прошлом году в «Спорттоварах» были такие ботинки из двойной кожи, со сменной привинчивающейся подошвой. Но дороговаты были ботинки — на туристском жаргоне — вибрамы, да и ни к чему: литой резиновый сапог все равно лучше. Алик осмотрел вещи и продукты — ничего не было тронуту, похоже, даже не рылись в них. Но двойные вибрамы внимательно изучали его стоянку, заглянули в палатку. Такого осторожного обыска ему еще не устраивали.

Несколько дней Алик таскал вещи и продукты в Жим-Жирт, где присмотрел место для избышки и почти утешился мыслью, что чабаны и туристы вряд ли будут его беспокоить, даже когда узнают про его жилье — это же надо делать крюк от прямого пути. И снова он смотрел на вершину хребта, где высилась, как крепость, скала. После каждой ходки с грузом садился, закуривал и смотрел на нее. Вот бы там обосноваться... Однажды он захватил с собой бинокль, сел и стал осматривать лавинный кулуар напротив.

Алик хорошо помнил его. Но сейчас он выглядел иначе: было много земли и камней, снега не видно. Там, на поляне, где недавно лежал снежный выброс, поблескивало водой озерцо — почти лужа. Видимо, на днях по этому месту сошел селевой поток. Неужели наверху озеро? Алик не поленился, переправился через

реку, поднялся к низовьям селевого выброса. Что-то желтело между камней. Он подошел и поднял детский надувной круг в виде лягушки. Где-то возле Башни бывали люди. Не так уж далеко от нее прятался стрелок.

Алик обошел выброс и хотел уже возвращаться, но вдруг пригнулся, как собака, взявшая след. Несколько отпечатков двойного вибрама нацеливались носками прямо в кулуар. «Там-то что ему надо?» — удивился он и тоже полез краем, поглядывая вверх: как бы чего не упало на голову. Следы вывели к толстой ели, потоптались возле нее. Здесь Двойной Вибрам посидел, покурил, а потом... Исчез. Метрах в тридцати выше елки по крутому склону была отвесная скала. Алик добрался до нее: если бы даже Двойной Вибрам полез по стене, он должен был оставить под ней след. Но следов не было.

Алик озадаченно спустился к ели, вновь осмотрел ее. На коре со стороны реки, на уровне человеческого роста, была натерта или пропилена глубокая канавка. ЧикинDIST стал спускаться вниз по кулуару, осматривая другие деревья, но только зря потратил время. Так, ничего не поняв, он выругался и зашагал в старый лагерь. До вечера можно было успеть сделать еще одну ходку с грузом.

Через месяц Алик построил избушку. За это время несколько раз приезжали чабаны, подолгу смотрели, как он укладывает бревна сухостоя в сруб, пили с ним чай, с детским любопытством выспрашивали: как так, молодой мужик и собирается жить один. Ни жены у него, ни детей. Иди к нам в село, говорили, дом получишь, женишься, человеком станешь.

Алик посмеивался: «Построю дом, заработаю на калым, приеду за невестой». — «Где ж ты найдешь такую, чтоб без людей жить согласилась?» — смеялись гости. «Объявление в газету дам!»

Было дело: и он когда-то серьезно подумывал об аульчанке: какая разница какой национальности его невеста, если там, за первыми детскими воспоминаниями был черный провал. Он — первый в роду и за ним право выбора, по какому пути идти потомкам, на каком языке говорить. Но чабаны были правы: та самая аульчанка, которая и за безродным женихом кинулась бы в город, никогда не поедет в еще худшую глухомань. Что ожидало самого Алика в ауле он уже знал наверняка: только правнукам перестанут припоминать, что они потомки безродного *кызылбаши*. Лишь город, в котором живут почти все, такие же безродные как он сам, принимал его на равных. Только там можно найти невесту. Но до сих пор нормальных не попадалось: или пропитые, прокуренные мымры, которые без мата двух слов сказать не могут, или двинутые на удовольствиях и развлечениях шлюхи с завидующими глазами.

Вечерами Алик поднимался к скалам, смотрел в бинокль на реку. Почти каждый день в касках, в спасжилетах летели вниз по течению сосредоточенные плотогоны. Чуть ли не каждую неделю тащились вверх-вниз по тропе потные ватаги туристов. И снова он радовался, что построил избушку в стороне от тропы. Допекли бы хуже мышей городские шаромыжники с рюкзаками и гитарами.

Жилье получилось на славу: одна стена скальная, три других и крыша — из бревен. Вход в избушку был на два метра выше ручья. Алик сделал высокое

крыльцо и бревенчатую лестницу до воды. Пора было резать траву: местами эфедра уже отцвела. Пора было браться за серп.

В один из теплых вечеров в конце июня он забрался на свою смотровую площадку. Выше того места, где обычно отдыхал, был еще один скальный балкон. Ужин был готов, времени до темноты оставалось уйма. Алик поднялся выше и опять наткнулся на следы «двойного вибрама»: площадка была вытоптана им. «Двойной вибрам» приходил сюда много раз, наблюдал сверху за строительством. Что ему надо? Почему он прячется и следит?

На опушке елового леса у поляны разбили лагерь альпинисты. В ярких одеждах они сновали из палатки в палатку, жгли костер. Не похоже, чтобы «двойной вибрам» был одним из них: его след появился раньше, чем альпинистский лагерь.

На следующий день еще до восхода солнца Алик вышел на склон, поросший эфедрой. Вытряхнул под куст десяток пыльных мешков, спрятал под камень обед и флягу с водой. Альпинисты спали. Это хорошо. Первый в сезоне выход на работу всегда был торжественным событием и сопровождался особым ритуалом. Свидетелей этого ритуала Алик стеснялся.

Солнце поднялось из-за хребта. Первые лучи брызнули на склон. Он ждал этого момента. И вот встал, щурясь от света, поднял над головой отточенный серп, повернулся спиной к солнцу, лицом к склону, где предстояло работать, «помогай мне!» — прошептал лесному духу, опустил руки, захватил пучок смолистой хвои — не затвердевшие еще стебли хрустнули под острием серпа — и началась работа.

Часам к десяти склон раскалился под солнцем, от жаркого духа эфедры кружилась голова. Разомлевшие альпинисты внизу лениво вылезали из палаток. Через час двое из них с ружьями, крадучись, стали пробираться вдоль берега. «Чего это они? — подумал чикиндист и вынул из рюкзака бинокль. — Фу-ты, ну-ты! У одного карабин, у другого браунинг. И где только спортсмены достают такое оружие?»

Двое вышли к селевому выбросу, скрываясь за кустарником, затаились. Вскоре над лагерем взлетела зеленая ракета, оставив за собой дымную полосу, и толпа спортсменов пошла вдоль склона. Загон? В полдень? На склоне? Алик рассмеялся и снова принялся за работу: засада была в таком месте, куда никогда не пойдет здоровый зверь... Дуркуют ребята!

Мыши заедали. Как ни прятал, ни подвешивал на деревья продукты — пробирались, грызли, портили: рис перетаскали в сахар, горох в муку. Белки были еще пакостливей. С ними Алику прежде не приходилось иметь дело. Ночью в избушке стоял писк и гвалт: мыши дрались, носились, гремели посудой, прогрызли капроновую флягу с подсолнечным маслом. На мышей поползли змеи. Два щитомордника поселились под крыльцом, мышиный разбой чуть приутих, но теперь каждый раз приходилось осматривать и перетряхивать постель, чтобы не лечь, не сесть на змею. Нужна была кошка.

Пришлось идти в село. Появился там один приятель из чабанов, киргиз Богутек, тоже одинокий и чужой среди местных. Он не раз приходил в гости, сносно говоря по-русски, любил порассуждать о вольной жизни, понимал Алика и рассказывал, где его дом.

Богутека Алик не застал. В доме была только его временная жена-казашка. Она не понимала по-русски. Про Алика слышала от мужа.

— Алик — друг, Алик — гость! — повторяла женщина, с трудом вспоминая русские слова.

— Мысык надо... Берше! — не лучше, чем она объяснил Алик. — Мышь заел... Вот черт, как же мышь? А, да! Тышкан коп, мысык берше. — Алик запустил пальцы в длинные волосы, пошевелил ими, как ножницами: — Волос тышкан рвет по ночам на гнездо!

— Ой-бай! — посочувствовала, поняв или не поняв, женщина. — Алик — друг, Алик — гость! — пробормотала снова, накрывая низкий столик-дастархан.

Богутек приехал вечером. За отарой смотрел его помощник. Загостевался Алик, задержался в селе. Занял у чабана деньжат, купил хлеб, сигареты, чай и отправился обратно пешком, хотя Богутек предлагал лошадь. За плечами рюкзак, в руке мешок с мяукающей кошкой. С умыслом он пошел вверх правым берегом реки: хотелось побывать у альпинистов. Слегка мутило после гостевания. Погуляли. Сорок километров за день в таком состоянии не пройти. Переночевал он в ельнике, привязав «нерусскую» кошку шнурком к дереву. Ей это было привычно: в юртах их держат на привязи.

Альпинисты встретили Алика гостеприимно. Слышали от лесника и от чабанов, что живет поблизости бич-одиночка. Высокомерно похлопывали по плечу, натянуто восхищались: жизнь среди природы — красота.

Бич он и есть бич — налили ему полстакана спирта. Алик отказываться не стал, выпил, но и свой интерес не забывал: поглядывал на обувь спортсменов, на следы вокруг палаток, искал отпечатки двойного вибрама.

Альпинисты спрашивали его про охоту. Алик отмалчивался — мол, этим не занимаюсь, рассказывал о рыбалке в апреле и мае. Приставала с умными разговорами бабенка в очках, похожая на учительницу:

— Неужели не надоедает такая жизнь? У каждого нормального человека должно быть стремление жить в комфорте, иметь семью...

— Значит, я ненормальный? — ухмылялся Алик. Спирт брал свое.

— Я этого не говорила.

— Зачем же вы в горы ходите?

— Мы ходим в свободное время, в отпуск...

— А у меня вся жизнь — отпуск!

— А как же старость? Ведь нельзя не задумываться над тем, что будет, когда ослабеете? Останетесь без средств и близких?

Алик кашлянул, закурил. Вот язва, и чего пристала?

— Чудные вы, горожане, — сказал, раздраженно смеясь, — не успели родиться — уже о старости думаете. И от этого своего страха всю жизнь как в оглоблях... От инфарктов загибаетесь... И до старости мало кто из вас доживает, а все равно... Духа у вас не хватает жить по судьбе. А у меня хватает!

Альпинисты, сидевшие кружком, притихли, удивленно переглянулись, кивая на оборванца. Не ждали от него философии. Алик понял, что ляпнул лишнего, прикинулся захмелевшим.

— Съела? — рассмеялся руководитель группы, полнеющий мужик лет сорока. В горах люди с такой комплекцией встречаются редко. Учительница как-то полиняла лицом и незаметно исчезла.

— Спортом занимаетесь, значит? — пролепетал Алик, заполняя недоверчивую тишину. — И что, все вершины вокруг облазили?

Старший стал терпеливо объяснять, что поблизости «категорийных» вершин нет. Есть скальные стены да ледовая лаборатория выше по притоку реки — на них спортсмены и тренируются.

Алик, сделав кислую мину, разочарованно покрутил головой:

— Выходит, вон, торчит скала на хребте, — указал на Чертову Башню, — поблизости тропа проходит, а на нее, может, не ступала нога человека?

— «Не ступала» — это относительное понятие, — посмотрел на скальный купол Старший: — Там стенка всего-то метров двадцать, а снаряжение тащить по крутизне больше двух километров. К тому же вершина некатегорийная, не зачтется. Это дело геодезистов лазить на каждую возвышенность.

— Понятненько! — пробормотал Алик, теряя к ним интерес и собираясь в путь. Примолкшая было кошка в мешке опять хрипло замыкала.

— Измаялась, бедолага. Ничего, скоро будем дома.

3

Был сухой, знойный июль. Алик старался выходить на работу с рассветом, почти до полудня резал траву, потом прятался в тень и пережидал зной. На осыпях сохли мешки с эфедрой. И так, изо дня в день, тянулась безрадостная монотонная работа. К середине августа он наработал почти четверть годового плана. Еще два десятка мешков, и можно ехать в город заказывать машину для вывоза заготовленного, заодно и отгуляться: женщины навязчиво снились по ночам, уже с юмором вспоминались прежние загулы и не было в душе прежнего отвращения к ним. Мечталось о чистом и возвышенном, о встрече с той, к которой втайне стремился всякий раз, покидая горы.

Как всегда, он вышел из дома в сумерках, подошел к склону, сел. Нужно было лезть вверх, а не хотелось, хоть плачь. «Может плюнуть на работу и сходить на рыбалку?» Алик вытряхнул из рюкзака пустые мешки под куст и зашагал берегом реки туда, где были спрятаны удочки. Не прошел он и десяти минут — снова сел и нехотя закурил новую сигарету. Посмотрел вокруг, растер окурок о камень и повернул домой. Накатило хорошо известное всем одиночкам состояние. Так с ним бывало два-три раза в год, если, конечно, не успевал вовремя выехать к людям. Он заваливался на нары: не топил печь, не готовил пищу, просто лежал, тупо пережидая приступ лени и тоски, время от времени впадая в недолгий сон.

В снах приходил город с его обманными посулами и страстями. Было самое время отгуляться, чтобы вновь затосковать по одиночеству и лесу. Но перед тем как ехать за машиной, надо было спустить затаренные мешки со склона, перетаскать их к мосту, переправить через реку. Работы на три дня. К тому же,

чтобы не зря платить за неполную машину, надо было нарезать еще двадцать мешков. Эх, не вовремя накатила нелегкая.

В грязных кальсонах, в свитере на голое тело Алик лежал в избушке вторые сутки, перечитывая измятый газетный лист. Внизу на осыпи сорвалось несколько камней, потом послышались шаги. Зверь или человек? Алик нехотя сел на нары, сунул голые ступни в опорки.

— Эй, — прокричал задыхающийся от бега голос. — Есть кто?

Алик открыл дверь, высунулся с кислой физиономией, щурясь от солнца. На другой стороне ручья стоял крепкий парень лет тридцати в городской одежде. Пот ручьями тек по его лицу. В руках у него был шерстяной ком свитера. — Ты один? — пристально взглядываясь в глаза чикиндиста, спросил горожанин.

Алик кивнул:

— Заходи!

Парень вытряхнул из свитера перетянутый шнурком полиэтиленовый пакет, швырнул через ручей, и Алик механически поймал его.

— Спрячь, — прохрипел, переводя дух, — я в долгу не останусь. — Беглец воровато оглянулся и побежал вверх по чуть приметной тропе.

Алик повертел в руках сверток, сдернул шнуровку. В первый миг ему показалось, что это мумие. Он пожал плечами, недоумевая, понюхал, и дремота вмиг прошла. Это был опий. Внизу заржала лошадь, цокнули по камням подковы. Алик торопливо вытряхнул черный комок в ручей, осмотрелся, куда бы забросить пакет со шнуровкой, бросил его в печку и, подрагивающими пальцами, стал торопливо разводить огонь.

Верхами подъехали трое в гражданском. Впереди — Круглоголовый с тяжелой кобурой на поясе. Алик уже знал, что он здешний участковый. Верховые крикнули: «Алик!». Чикиндист в кальсонах вышел на крыльцо и неторопливо сбросил свитер.

— Был здесь кто-нибудь? — спросил Круглоголовый.

— Не видел!

— Чего свистишь? Вот его следы, — кивнул участковый под ноги своему коню.

— Я бы и вас не увидел, если бы не орали.

— Ладно, доставай ширево...

— Что это такое? — усмехнулся Алик.

— Дурь, опиуха, тебе лучше знать как вы эту дрянь называете!

— Сам достань, если такой умный! — хмуро проворчал чикиндист, прикуривая сигарету. Пальцы его дрожали. Участковый заметил скрываемое волнение, что-то сказал по-своему — двое спешили, один вошел в избушку, другой стал рыскать вокруг нее. Алик спустился с крыльца, сел на траву, подумал: «Эх, ментяра! Был бы ты повежливей, может быть и в капитаны выбился». Участковый, считая себя повелителем этих мест, не мог снизойти до вежливости с бичом. Прикидывал, наверно: если скупщик спрятал опий поблизости, то нет смысла за ним гнаться. Бич не убежит — найди товар, и порядок. Какая разница, кто сядет: за тем, приткым еще бежать надо, а этот здесь. Между тем купец уходил все дальше и дальше.

Искали старательно, заглядывали в каждую щель, прощупывали каждую тряпку. Ничего не нашли.

— Знаю, сеешь мак! — пристально глядя в глаза, процедил участковый. — Анашу куришь, по морде вижу...

— Ищи! — пожал плечами Алик.

— Найду когда-нибудь, не отвертись!

Трое сели на лошадей, стали подниматься по тропе, куда ушел купец.

Алик вернулся в избушку. Вещи и продукты были разбросаны, жалобно мяукала кошка. Он вспорол банку тушенки, выковырнул кусок мяса, бросил на пол, сам пожевал. Запить бы хоть водой, но чайник оказался пуст. Спускаться к ручью не хотелось. Алик поправил спальный мешок на нарах и снова улегся.

Приступ прошел так же неожиданно, как и начался. Однажды в полдень Алик проснулся, ощущая сильный голод, наварил кастрюлю супа, прибрал в избе, а на следующее утро вышел на работу с твердым намерением резать траву дотемна, не меньше десяти мешков в день.

Деньги были нужны: прикупить продукты, приодеться к зиме — штормовой костюм висел на нем лохмотьями, у рубахи один рукав до локтя, другого вообще нет. Сапоги, и те — рванье, заштопанное суровыми нитками. Неделю Алик работал на совесть: заготовил недостающее и перетаскал на берег. Оставалось всего ничего — перебросить мешки через реку, и он решил прийти домой пораньше.

На крыльце сидели двое. Купца он узнал сразу и мгновенно оценил обстановку. Надо было бежать или нападать первым. Но купец добродушно улыбнулся, протянул руку.

— Здравствуй, брат! Круто мы с тобой ментов нагрели. Молодец, почти на час задержал их...

Ударить первым дружелюбно улыбающегося человека Алик не смог.

Второй, сухой и психованный, видно — наркоман, тоже протянул вялую руку.

— Верни товар, а за мной не заржавеет! — хлопнул себя по карману купец. — Пять бумаг твои: товар — деньги, у нас кредитов не бывает.

— Нет у меня ничего! — хмуро пробормотал Алик, понимая, что заваривает кашу не в свою пользу.

— Не шути так. Я ведь точно знаю, что у тебя ничего не нашли, — вокруг глаз купца паутинкой напряглись морщины.

— Потому и не нашли, что в ручей бросил, — как можно спокойней сказал Алик. Но голос его предательски дрогнул, и он, злясь, заговорил громче: — Ты меня спросил, хочу ли я ввязываться в это дело, когда пакет подкидывал? — Голос его зазвучал уверенней: действительно, какого черта?

Он следил за каждым движением купца, жалел, что при себе нет даже серпа, и не заметил, как второй, плюгавенький, зашел сбоку и ударил по почкам. Даже прикрыться не успел. Охнул. Купец тут же саданул кулаком в живот. «Дурак, надо было бить первым!» — задыхаясь, подумал Алик. Очухался, понял, что сидит под елью. Руки были связаны за деревом — ловкие ребята. Перед глазами мельтешил свежий спил обреза и синяя пачка денег.

— Выбери! — скалился купец.

Внутри короткого ствола был виден заводской пыж в завальцованной картонной гильзе, виднелась даже циферка номера дроби. «Полбашки снесет, если в упор», — пронеслась в мозгу глупая мысль.

— Ну? — ткнул стволом в лоб купец.

У второго лицо было белое, как рыбе брюхо, глаза красные. Опять, пес, зашел сбоку и молча пнул в челюсть. Рот наполнился кровью, потемнело все. И вдруг заломленные за елку руки опали к земле. Алик открыл глаза: обрез со взведенным курком лежал на траве, поверх него стояла нога в тяжелом двойном вибране сорок шестого размера. Дохляк, схватившись за живот, корчился у ручья, купец лежал пластом. Высокий, широкоплечий и даже слегка дородный парень щелкнул лезвием складного ножа и опустил его в карман. Подмигнул Алику:

— А ведь могли и пристрелить!

Он был рус и белолиц, на щеках курчавилась рыжеватая бородка, любопытно поблескивали прозрачными камушками славянские глаза, в которых, как погода в горах, легко и быстро меняется выражение, а порой могут вспыхнуть разом и смущение, и доброта, и лютая жестокость.

— Могли, — прошепелявил чикиндист, встал на подрагивающих ногах, пошатываясь, подошел к наркоману, пнул раз, другой, третий: в лицо, в живот. Тот утробно хекал.

— Не убивай! — Двойной Вибрам вынул патрон из обреза, хотел повернуть его на указательном пальце на ковбойский манер. Тяжелый обрез сорвался, он подхватил его двумя руками и рассмеялся с льдинкой в голосе. В его непринужденных и ловких движениях было что-то кошачье. Он легонько ткнул ногой лежащего неподвижно купца, тот поднялся на четвереньки, сел. Двойной Вибрам взвел курок, приставил обрез к его лбу и нажал на спусковой крючок. Обрез звонко щелкнул. Купец был бел, голова старчески тряслась.

— Отсыревшим патроном зарядил? — забавляясь, как кот с мышкой, спросил он, добродушно поглядывая на свою жертву. Снова взвел и снова спустил курок.

— Что с ними делать будем? — обернулся к чикиндисту.

— Утопим в реке, пусть плывут ко двору участкового, тот давно ищет с ними встречи, — Алик нагнулся над ручьем, плеснул в разбитое лицо холодной водой, розовые струи, извиваясь, потянулись по течению. Краем глаза он видел, как Двойной Вибрам наклонился к купцу и, улыбаясь, проговорил что-то вполголоса. Алик услышал лишь конец фразы: «...хин друг».

На купца его слова подействовали ошеломляюще, он затравленно взглянул на чикиндиста, поднялся, перекинул руку дружка через плечо и поволок его вниз по тропе.

— Придут ведь кодлой?! — вопрошающе взглянул Алик.

— Не придут, — твердо сказал странный гость. — Если хочешь, догони и добавь... Не убивай только.

— Да пошли они...

— Я тоже так думаю!

Прихрамывая, ощупывая языком вспухшие десны, Алик отпер дверь, вынес посуду, разложил возле ручья костер и поставил на огонь чайник.

— Как зовут-то тебя?

— Виктор!

— А меня Алик!

Гость кивнул и снова принялся разбирать и ощупывать обрез. Пальцы его подрагивали, хотя лицо было непроницаемым. Станный тип. Алик не мог понять: нравится ему этот человек или нет.

— Я не мент, чтобы выспрашивать, — сказал он через силу, поглядывая на тяжелые ботинки: — Но ты хоть кто? Откуда взялся?

— Живу там, — не поднимая глаз, Виктор махнул рукой куда-то в сторону верховий реки. — Что-то вроде егеря.

Алик помолчал, глядя на огонь, сунул в рот палец, потрогал качающийся зуб, сплюнул:

— Знаю я и егеря, и лесника, и лесничего... Не хочешь говорить — твое дело... Хреново бы мне пришлось, если бы не ты.

От ночлега гость отказался. Поговорил о всяких пустяках, протянул обрез:

— Возьми, сгодится!

Алик замотал головой:

— С такой штукой мне опасней, чем без нее: от шпаны проще уберечься, чем от ментов.

Виктор спорить не стал, пожал плечами, сунул обрез за пояс.

Из пустячного разговора Алик извлек, что его гость — алмаатинец, в горах недавно, ориентируется только в ближайшем районе: даже в соседних не бывал.

Засветло выкатилась на хребет полная луна. Виктор отправился к себе один. Кому голову морочил... Чтобы ходить по лесу и в горах ночью — надо очень хорошо знать местность. Хоть и лунная была ночь, но далеко, как намекал гость, он уйти не мог. Мелькнула у Алика подлая мыслишка посмотреть утром следы, но он стыдливо подавил в себе любопытство.

Хоть и побаливало еще тело после побоев, пришлось браться за работу и таскать мешки через скотопрогонный мост. Был бы напарник — натянули бы трос над водой и перебросили груз за день. Одному же, с мешками, ходить и ходить. «Принес бы черт хоть какого-нибудь туриста в помощь!» — только подумал так Алик и заметил, что сверху кто-то шагает с тощим рюкзаком. Это был Виктор.

— В город собираешься? — спросил он, поздоровавшись.

Алик раздраженно ткнул кулаком в тугой мешок:

— Сначала перетаскать надо, а уж потом идти, машину заказывать.

— Сколько рейсов будет?

— Один!

— Сюда машина порожней пойдет? — снова спросил Виктор.

— Хорошо бы загрузиться продуктами на зиму — дело к осени. Только вряд ли получится.

— Что так?

— Как всегда, — безнадежно усмехнулся Алик, — вырвусь в город, получу деньги, загуляю...

Он ждал обычного в таких случаях совета: а ты не пей! Но его не последовало. Виктор что-то прикинул про себя и сказал:

— Если даже не запьешь, в машине останется, наверно, место, чтобы прихватить и мой груз: триста килограммов. А я тебе помогу загрузиться. Пойдет?

— Какой разговор? — радостно подскочил Алик. — Ты меня снова выручаешь.

К обеду они натянули трос. Теперь уже спешить не было смысла. Решили переждать жару в тени.

— Ты рубаху порвал, — сунул палец Алик в прореху на рукаве Виктора. Снял кепку-афганку, отогнул козырек и протянул иголку с ниткой. Виктор отмахнулся:

— Дома Людмила зашьет! — сказал, и спокойные глаза его дрогнули — проговорился.

На следующий день к обеду они переправили через реку последние мешки. Начали собираться в город. Вместе дошли до села, Алик заглянул в аптеку, потоптался возле витрины и купил десять флакончиков настойки пустырника. Сбиваясь, стал объяснять, что ему надо задержаться в селе. Виктор уехал один рейсовым автобусом. Алик же очухался среди ночи возле сарая Богутека. Хозяина дома не было. А просить у его жены денег взаймы, когда не отдан прежний долг, он постеснялся. ЧикинDIST напился из ручья и зашагал вдоль дороги, надеясь на удачу и бесплатную попутку.

В городе удалось занять деньги под невывезенную траву. Может быть, благодаря настойке пустырника Алик не запил, а, получив деньги, купил зимнюю куртку, шапку, джинсы, две пары резиновых сапог, пару капроновых бочек под грибы, мешок соли. Забросил все в машину, уже загруженную Виктором. Заглянул в кузов и ахнул. Да тут жратвы на целую роту: пять мешков муки, два — сахара... Рожки, горох, фляга подсолнечного масла. Двоим всего этого не на один год хватило бы.

Машина с продуктами и вещами пришла к скотопрогонному мосту, возле которого штабелями были сложены мешки с сухой эфедрой. Шофер был сердит на плохую дорогу, на то, что расплатиться Алик обещал после получения денег. Он поторапливал с погрузкой и возвращением. Алику пришлось попросить Виктора перетаскать привезенные им для себя вещи и продукты в избушку, да покормить кошку, а сам уехал в город с травой, не зайдя в дом.

На обратном пути шофер хмыкнул, мотнув головой:

— Ну и напарнички! Что-то не врублюсь: тот про тебя спрашивает, да и ты, как понимаю, его не знаешь? А продукты вместе... Кто это такой был?

— Егерь!

— У, е... Предупреждать надо. У меня мультик за сиденьем! — возмутился шофер.

Алик помнил, что сдал траву и получил деньги, помнил, что с долгами рассчитался, а потом пришлось заканчивать веселье одеколоном. От ватного одеяла без пододеяльника несло мочой. Под боком храпела, заливаясь, потрепанная жизнью бабенка. Она вчера просилась в горы, и Алик, пьяный, думал: «А может взять? А что, баба как баба, все при ней: и лепех напечет, и постирает».

Рассветало. Нет перегара зловонней, чем от одеколона. У бабенки изо рта с прокуренными зубами несло, как из отстойника. Сетка морщин с утра глубже обозначилась на обрюзгшем лице. «И как могло прийти в голову — жить с ней?» — подумал Алик и почувствовал, что отгулялся. Он оделся и вышел на пустынную улицу. Над городом высилась величественная гряда гор. Чистая утренняя прохлада стекала с белых ледников, струилась по тихим улицам. Алик пошарил по карманам, деньги на транспорт еще были.

Он уехал из города рейсовым автобусом. Потом добирался попутными машинами, затем еще два дня пешком. Вернулся он в Жим-Жирт трезвый и веселый. Принес рюкзак. В нем сухари, рожки, сало, чай и капканы. Что еще надо лесному бродяге?

Ключ от избушки лежал в условленном месте. Почуввав хозяина, где-то под нарами заорала кошка.

Капроновые фляги стояли возле печи, там же был мешок с солью. Купленная одежда — на полке. К матице был привязан мешок. Алик ощупал его: сахар, мука, горох, крупа... Сел, закурил, подумал: «Мне бы такого компаньона!»

Пришла теплая осень с грибными дождями. Алик поднялся вверх по притоку Байсаурки, туда, где еще весной заметил грибные места. Действительно, на замшелых тенистых склонах было много груздей. Он быстро наполнил ими рюкзак и наткнулся на свежий медвежий след. Зверь недавно ушел на хребет, в те самые места, куда весной его не пустили. На траве и кустарнике еще держался его резкий запах.

Алик оставил рюкзак под деревом и стал подниматься на хребет. На влажной топи альпийских лугов медвежьи следы были отчетливей. Медведь пошлялся по ложбине, вышел на перемычку между хребтом и скальным гребнем отрога, спустился по осыпи. Внизу было озеро. Широкую лощину вокруг него покрывали невысокие каменные столбы и плиты с зеленым лабиринтом лужаек между ними. Алик увидел медведя сверху. Опустив голову, тот неторопливо вышел на берег озера и скрылся за камнями.

С медведями ему не приходилось сталкиваться. Он знал наверняка, что ни один нормальный зверь не тронет человека, если вести себя правильно. Его давно интересовали медведи, с которыми прежде не доводилось встречаться. Не хотелось упускать случай понаблюдать за ним. Стараясь не шуметь, Алик спустился к скальнику и стал пробираться лабиринтом к воде. Это были монолитные каменные глыбы, торчащие из грунта. Самые высокие из них поднимались над почвой на десяток метров. Между скалами были то узкие, то широкие коридоры с зеленой поникшей травой. Чикиндист осторожно выглядывал из-за каждого поворота, крадучись шел дальше.

В очередной раз, высунувшись из-за скалы, он разинул рот, вытаращил глаза и замотал головой с дурными глазами: в двух метрах от него стояла женщина, кравшаяся ему навстречу.

Он не раз встречал вот так, неожиданно, туристок, альпинисток, просто отдыхающих — на них был знак гор — грубоватая одежда, обгоревшие лица. Эта же, в махровом халате, с голыми ногами будто вышла из уютной квартиры на

лестничную площадку. Или она появилась из снов: не испугавшись, не удивившись незнакомцу.

— Ты медведь? — прошептала подкрашенными губами и шагнула навстречу, протягивая руки. Алик увидел сверху загорелую ложбину едва прикрытой груди. Женщина зажмурила глаза, откинула голову и положила ему руки на плечи. Опуская ее на траву, он боялся проснуться именно в этот миг, лихорадочно соображая что-то, приходя в себя и снова впадая в бредовый восторг. Она вытянулась, чуть слышно застонав, открыла проясняющиеся и какие-то ненормальные, искрящиеся глаза:

— Так ты не медведь? — спросила, отстраняясь двумя руками от его груди.

— Ты кто? — прохрипел он, тяжело дыша, и подтянул брюки.

Она раздраженно запахнула халатик. И тут Алик словно увидел себя со стороны: резиновые сапоги с подвернутыми голяшками, драные штаны в заплатках, один бахромящийся рукав рубахи едва прикрывает плечо, другой спускается до локтя...

Стрелок не был садистом, обладая здоровым юмором. Он выждал. Отрикошетив от скалы, три пули запели в синем небе.

— Беги! — оттолкнула его женщина. — Они убьют тебя вместо медведя.

Алик снова пристально всмотрелся в ее странное лицо с чуть подкрашенными веками.

— А ты? — спросил, держа ее за руку.

— Ты откуда взялся? Здесь только что был медведь! — она сердито вырвала из его ладони свою руку. Что-то нездоровое было в ее лице, в резкой перемене мимики.

Снова пропела отрикошетившая пуля. Осколки камня брызнули сверху. Стрелок, угрожая, взял прицел ниже.

— Да беги же! — она, как собачонка, оскалила остренькие зубки.

Алик встал, не прячась, начал взбираться по осыпи, постоял на перемычке и поднялся на хребет. Там он сел, рассматривая далекое озеро. Один раз показалось ему — мелькнул на берегу халатик и исчез. «Ну и дела!» — хохотнул, сомневаясь в реальности происходящего.

На обратном пути он еле отыскал рюкзак с грибами. Потом сбился с тропы и спускался напрямую по крутому склону, ободравшись в зарослях барбариса. Даже возле избушки все валилось из рук: навязчиво стояла перед глазами женщина. Алик помнил ее глаза, чуть вздернутый нос, тонкий аккуратный рот, розовую мочку, острый сосок на груди и не мог представить всю. Да что там всю — даже ее лицо.

Засолив кое-как помятые грибы, он упал на нары — хотел утром отправиться туда же и все выяснить. Стрелок опасен, когда ты о нем не знаешь. Когда знаешь, что он есть, его можно обмануть... «Но почему меня опять заметили? Поджидают, что ли? А если за мной следят!?» — вслух сказал он. «Черт?! — осенила догадка. — Не может ведь снайпер в безлюдном месте с утра до вечера сидеть на посту». Но если они видят его постоянно? Если всегда знают, куда он пошел... Тогда все просто... Тогда наблюдают за ним с Башни.

Утром Алик решил запутать снайпера, дав круг, обойти его и появиться неожиданно за его спиной возле самой Башни. На этот раз в рюкзаке вместо выварки был спальный мешок, бинокль и продукты.

Он остановился на левом берегу Байсаурки в чуть заболоченном лесочке напротив пади Аурулы, в которой так и не побывал весной. Когда-то здесь была долгая стоянка туристов: чернело сложенное из камней кострище, груды ржавых банок лежала среди камней. Где-то в этом месте был вход в скрытую от глаз падь, увиденную весной с вершины хребта.

Наверно, он бы и не нашел его, если бы не причудливая осыпь, запомнившаяся весной. Осыпь эта была двух цветов: серые и коричневые полосы сыпучего камня спускались за лесом почти к воде.

Алик бросил на туристской стоянке свой рюкзак и стал подниматься вверх. Вскоре он увидел прерывистые стежки тропы, которой не пользовались много лет. Она завела в непролазный кустарник, исчезла там. Воды в пади не было, но осталось поросшее мягким мхом старое русло ручья.

Вот снова появилась чуть приметная тропа. Алик продрался через чащобу и остановился ошеломленный. Оскалив желтые клыки, прямо под ногами у него лежал мертвый волк. Его голова была неестественно задрана к спине, отчего мощная шея выгибалась, как колено. На сером боку зверя темнела огромная черная куча медвежьих экскрементов.

Алик присел на корточки, потянул волка за ухо. Еще не застывшая голова легко откинулась к окровавленной спине. У зверя был переломлен позвоночник. Чикиндист обследовал местность вокруг побоища, наткнулся на медвежьи следы в старом русле. Похоже, что медведь бежал здесь во всю прыть, и сорванный когтями мох висел на кустах. Алик долго шнырял среди бурелома и кустарника, пока не нашел наполовину съеденную тушу марала. Потревоженный рой зеленых жирных мух и обленившееся воронье поднялись над ней.

Теперь все стало понятно: медведь задрал марала, припрятал мясо, а волчишка повадился ходить к чужой добыче. Разъяренный медведь подстерег волка, свернул ему шею и в сердцах испражнился на вора: пусть все знают, чье мясо лежит.

Мелькнула у Алика подленькая мыслишка — ободрать волка. За полторы сотни можно не побрезговать постирать шкуру. Да только стыдно стало: в медвежьих глазах он бросал тень на весь человеческий род. Конечно, скорей всего, медведь и думать-то не умеет, все равно стало стыдно от житейской корысти.

На желтой хвое под ветвями раскидистой ели Алик прожил двое суток, все откладывая дело, ради которого пришел сюда. Место было удивительное. В падь спускались горные бараны, по-местному — теки, и маралы, а царил в ней лохматый медведь: он азартно раскапывал сурчиные норы, обсасывал с кустов одрябшую кислицу.

Алик просидел бы на скале и еще сутки, хотя иссмолил последний окурок, но с юга потянуло холодом и сыростью. Тяжелые облака вылезли из-за хребта, пришлось возвращаться домой. На полпути его прихватил ливень.

Почти не переставая, дождь моросил неделю. Чикиндист валялся в теплой избушке. Все реже вспоминалась ему странная женщина у озера. «Было ли?» —

снова спрашивал он себя и чувствовал, как разливается в груди томительное тепло несбывшихся снов.

Зима началась рано: в начале октября выпал снег на северных склонах и уже не таял. Алик любил эту пору года. Каждый зверь теперь оставлял свой след, а он мог часами бродить, разбирая путаную вязь отпечатавшейся жизни леса, и читать рассказы о рыси, волке, кабана или медведе.

В ноябре приморозило. Ручей возле избушки застыл толстыми голубыми наплывами льда, под которыми журчала теплая черная вода. Что всегда раздражало Алика зимой, так это заготовка дров, которых уходило в холода много. Но пока еще рядом с избушкой были сушняк и хворост. Пока тепло доставалось малым трудом.

В долине реки было много волчьих следов. У лесника каждый год пропадал скот, и он обещал Алику восстановить его в Союзе охотников, лишь бы тот уничтожил хищника. На этот раз и в этом месте Алик был под надежным прикрытием, хотя браконьерствовать опасался, стараясь не нарушать законы, даже если они глупы. Осмотрел места, выварил и расставил петли.

В конце ноября в гости пожаловал Виктор с тяжелым рюкзаком и двустволкой.

— Не ждал? — спросил, посмеиваясь и поглядывая на присыпанную снегом избушку.

— Не ждал! — признался Алик. — Думал, с холодами свалил в город на зимнюю квартиру... Да и что я о тебе знаю: появился — исчез!

— Узнаешь еще! — сказал Виктор таким тоном, словно предупреждал, что это знание не сулит ничего хорошего, и при этом как-то странно усмехнулся.

— Живи! — радовался Алик. — Вдвоем веселей. Только дуру спрячь, — кивнул на ружье, вдруг инспекция...

— У меня все по закону! — успокоил его Виктор. — Взносы за год оплачены, две лицензии на кабана в кармане. И даже отмечены у лесоинспектора.

Весь вечер они пили чай, беседовали. На этот раз Двойной Вибрам был разговорчив и даже весел.

— Ты наверно и сам все понял, — говорил неторопливо, с таким видом, будто наблюдал за Аликом последние два месяца, которые они не виделись. И этот тон чикиндисту не понравился. Но он ничем не выдал свое раздражение.

— Надоело играть в индейцев? — усмехнулся.

— Охотник из меня хилый, но я профессионально занимаюсь фотографией. Художник. Не говорил?

Алик мотнул головой в темноте:

— Ты мне ничего не говорил.

— Скоро год как я живу здесь, и ни одного приличного кадра: одни пейзажи.

— Понятно! — зевнул Алик. Верил, но не совсем. — Волка и рысь я тебе обещаю. Хоть в пасть влезь со своим аппаратом, если не боишься. Можно и кабана. Только хрюша — парень очень серьезный. Если верить старым охотникам, то при охоте на него травм и неприятностей бывает больше, чем в стычках с медведем... — А медведя ты не снимал? — как бы невзначай спросил, помолчав. — Тут неподалеку один все лето шлялся.

— Снимал, только издали. На слайде пятно получилось. Ты-то, конечно, с медведями бывал в самых близких отношениях? — чуть уловимая насмешка прозвучала в его голосе. Алик бросил настороженный взгляд. Показалось, что в глазах товарища еще искрились игривые лучики. Может быть, только показалось. Он с кошачьей вальяжностью растянулся на нарах, чистоплотно подложив под голову пуховку, аккуратно разгладив рукой ворот свежей рубахи. И кошка эдак по-свойски приткнулась к нему и смежила веки.

Алик заволновался. Соскочил с нар, подбросил дров в печь. Вспомнил, что не ответил на вопрос Виктора, переспросил и что-то ляпнул невпопад. «Неужели он знает о том случае, у озера, неужели между ним, стрелком и той женщиной есть связь? Кто она Виктору? Жена, сестра, подруга?» Так и не решившись спросить об этом напрямую, он полез в спальный мешок.

На охоту они пошли только на четвертый день, после снегопада. Алик, с дубиной в руках, вынюхивающий, высматривающий следы и метки, шел впереди. За ним следовал Виктор с ружьем на плече и с громоздким кофром на боку.

Они спустились в пойменный лес. Несколько ворон, терпеливо нахохлившись, сидели на верхушке дерева, в небе ястреб делал круг за кругом.

— Кажется, кто-то есть! — оживился Алик. Прислушался, каменея лицом. — Слышал?

— Нет!

— Вроде треск, — он прошел вперед, остановился, нагнулся и выпрямился, разглядывая что-то за деревьями.

— Сидит... Живой... Ты мой хороший! Первый в этом году и в этих местах.

Алик торопливо зашагал, проваливаясь в снег. Изжелта-серый волк лежал под деревом. Поняв, что замечен, он встал, рванулся. Петля держала его за живот. Чикиндист, сверкая глазами, остановился метрах в десяти от него.

— Фотографировать будешь?

Виктор передал ему ружье и открыл кожаный футляр камеры, блеснувшей холодом хирургического инструмента.

— Петля ненадежная, — предупредил Алик. — Перекручена вся... В каком стволе пуля?

Виктор пружинисто подошел к зверю метра на три, неуверенно припал на колено. Волк отступил, насколько позволял поводок. Овчарка и овчарка, показалось Виктору в первый миг. Но вот зверь в упор взглянул на него тяжелыми светло-коричневыми глазами. Лисья пронизательность чуть приметными светлыми полосами была выписана на его узкой морде. Спокойная, не собачья истерично-боязливая, готовность дать отпор была в этом взгляде. Зверь с молчаливой угрозой показал клыки. Это был звериный оскал.

Виктор щелкал и щелкал камерой, все больше увлекаясь и продвигаясь вперед. Ему хотелось спровоцировать зверя на выпад и снять его в броске. Никогда и ни у кого он не видел такого кадра. Волк прыгнул, вытянув вперед лапы. Было мгновение, когда петля должна была подсесть его, но этого не случилось. Прогорклый запах псины и костлявый удар сквозь шерсть пришелся прямо по лицу. Виктор кувыркнулся через голову, выпустив из рук фотоаппарат. И только

тут ему в ноздри ударил едкий дух пороха, а по перепонкам пронзительно хлестнул звук выстрела.

Алик привстал с колена и, глупо хихикая, спросил:

— Я тебя не задел случайно? Картечью стрелять пришлось.

Виктор взглянул на него круглыми, как у кота, глазами. Распахнувшаяся пуховка горбатилась на нем вздыбленной шерстью. Алик захохотал.

— Ты чего? — растерянно спросил Виктор.

— Да показалось, что ты сейчас на дерево сиганешь!

И только тут его взгляд упал на волка. Зверь, изогнувшись, вцепился зубами в рану на боку, хрипло тьякнул и вытянул в судорогах лапы. Его желтоватый бок со свалывшимся мехом опал в выдохе.

Виктор встал, стряхнул снег с лица, дрожащей рукой вынул сигарету из помятой пачки Алика.

— Осмотрись, не задел ли я тебя картечиной? — еще раз настороженно спросил Алик. — Сгоряча можешь не заметить... — Он перезарядил ружье.

Виктор выковыривал снег из пазов фотокамеры. Сигарета дергалась в его губах. Парила свежая кровь зверя, протаяв красное отверстие в снегу.

— Что, не нравится? — перехватил взгляд Виктора чикинDIST. — Привыкай, если хочешь стать охотником.

Наспех ошкурив добычу, вырезав желчь и внутренний жир, они бросили тушу заждавшемуся воронью. Перекусили возле костерка. Алик то и дело поглядывал в бинокль на южный склон. В очередной раз, отставив в сторону кружку, приложил окуляры к глазам:

— Ну, наконец-то! — пробормотал радостно. — Уж боялся, вдруг что случилось... — Передал бинокль Виктору, указывая пальцем на далекую скалу. — Секач до снега там бичевал. Думаю, куда делся, а он вверху теперь шляется.

Виктор с трудом отыскал темный крап следов, среди белых полян и камней.

— Далековато лезть придется! — прикидывал Алик и, так как Виктор не отказывался от охоты, вытряхнул из котелка заварку, сунул его в рюкзак.

— Пора выходить!

Они долго лезли вверх по склону, обходя залегшего секача. Снизу в бинокль не разглядели, что здесь у расщелка почти отвесные склоны. Не спустившись в него, не удалось бы незаметно подойти на выстрел. Пришлось снова лезть вверх. Но зато они высмотрели лежку под скалой, где отдыхал кабан. Увидеть ее можно было только сверху.

— Карабин бы! — шепнул Алик. — Или хотя бы мелкашку с оптикой. Отсюда бы уложили хрюшу. Неужели нет нарезнухи у твоих друзей?

Виктор никак не отреагировал на его вопрос. Вздохнул, мол, чего нет, того нет. Пришлось заходить на выстрел издали да еще выходить под ветер.

Подошли они к залегшему кабану метров на пятьдесят. Лежка была закрыта скалой и кустарником. Кабан виден был только с одной стороны, куда он и вытянул острую морду со свиным пятакoм. Зверь дремал. Алик показал знаками — стреляй! Виктор замотал головой и передал ему ружье. Хотел было снять с пояса патронташ, но Алик остановил его, вынул пару патронов из гнезд — картечь и пулю.

После выстрела кабан вскочил на ноги, но, не удержавшись на полке, круша кустарник, соскользнул вниз к стрелкам. Слышно было, как с утробным хеканьем он ударился о землю. В следующий миг затрещал кустарник. Виктор, мгновенно запрыгнул на огромный валун посреди поляны. Алик с десяти метров выстрелил картечью по острой клыкастой морде, отскочил в сторону. Стремительная машина как торпеда пролетела рядом с ним, промчавшись метров пятнадцать по ходу. Он выстрелил кабану в спину, затем снова картечью по лопаткам. Зверь осел на задние ноги, волоча на передних мохнатое туловище, развернулся и пополз на стрелка.

За спиной были колючие кусты и скала, слева — сыпучая осыпь, справа — обрыв. Виктор на четвереньках стоял на единственном валуне и путь к нему был отрезан. «Хвастун долбаный!» — выругал себя Алик. Если бы он взял патронташ, как предлагали, успел бы перезарядиться.

Он швырнул ружье с прострелянными гильзами в сторону товарища на стелющийся можжевельник, выхватил нож и кинулся к осыпи, но далеко по ней взбежать не смог, забуксовал на мелких сыпучих камнях, поехал вниз, прямо на клыки ползущего секача, который, как парикмахер ножницами, застучал челюстями. Пугал. Но его маленькие, глубоко запрятанные глаза пылали бешенством. Алик не услышал дуплета. Кабан вдруг опал и поехал вниз, увлекая за собой охотника.

— Ишь, какой шустрый попался! — пропыхтел чикиндист. — Чуть не вдул мне... потоптал только! — Он съехал вниз, к полоске снега под скалой. В правом сапоге как-то странно хлюпнуло: голяшка была распорота, словно бритвой. Кабаний клык разорвал портянку и штанину, пробороздил неглубокую царапину. Алик приложил к ней зарозовевший снежок. Виктор неловко топтался возле туши.

— Давай хоть чистым платком перевяжу?

— Пустяк! — Алик пожевал хвою эфедры и плюнул на рану. Оторвал грязный подол рубахи, стал перетягивать ее. — Пустяк! — пробормотал снова. — Прикури-ка мне сигарету! — глубоко затянувшись, спросил: — Мясо куда потащим?

— Половину тебе, половину нам.

— Вам это в какую сторону? — Алик почти не сомневался, что его жилище возле Башни.

— К лавинному кулуару, где сегодня проходили. Где весной ты по моим следам лазил.

— Вот оно что?! Так вы там трос натягиваете?.. Хитро... Значит так, к кулуару, под горку, хряка дотянем волоком. А вот как выволочь к елке, вверх, это уж ты думай... Забирай всего, целиком. Мне бочок с ребрышками — пока и хватит, а свою долю я возьму со следующего. У тебя ведь две лицензии.

— Как хочешь.

Кабану на клыки накинули петлю, туша легко заскользила вниз по склону. Под кулуаром Алик прикинул расстояние до елки с меткой. — Тут надо десять человек, чтобы тушу в гору выволочь.

— А мы и не будем надрываться: закажем лифт! — загадочно промурлыкал Виктор.

Алик прищелкнул языком: у них еще и лебедка?! Все правильно он сделал, не спросив о женщине у озера. Налегке они подошли к той самой елке с отметиной на коре. Виктор отодвинул сухую хвою у корней. Обнажилась, поблескивая черным пластиком, электрическая кнопка. Он нажал ее. Они подождали пару минут, и Виктор раздраженно заворчал: «Опять у Лехи батареи сели», сунул в рот пальцы, пронзительно свистнул. На скале появился человек. Размахнувшись, он швырнул вниз прочный тонкий шнур с грузом. Виктор выбрал его, наматывая на локоть, потянул тонкий стальной трос с карабином на конце и, держась за него, заскользил вниз по склону к кабаньей туше и к рюкзакам. Обернулся на ходу:

— Как махну рукой два раза — нажмешь на кнопку!

Внизу он накинул трос на клыки кабана, перебросил через плечо ремень ружья и подобрал рюкзаки. Алик нажал кнопку — трос поднялся над склоном, напрягся и потянул секача. Виктор с ружьем сидел на туше и улыбался. Алик постучал пальцем по лбу: вши на кабаньей щетине с клопа, почешется потом, котяра.

Туша подползла к ели, Виктор просигналил, остановив лебедку, скинул трос с клыков и пристегнул его к дереву в том самом месте, где был на коре след. Трос опять напрягся струной, и по нему съехал навесной блочок с беседкой. Беседку отстегнули, короткой петлей подтянули к блочку тушу, и она поплыла по воздуху, глядя в небо незрячими глазами. Вскоре блочок вернулся, и Виктор пристегнул беседку.

— Ты — первый! Счастливого полета! От скал ногами отталкивайся. И до встречи в колхозе имени товарища Ярилы, — в его голосе звучал смех.

Алик пристегнулся. Трос, привязанный к блочку, напрягся и потянул беседку вверх, к Чертовой Башне, не дававшей ему покоя с самой весны.

4

Алик несколько раз задел ногами скалу, снова завис в воздухе и въехал в узкий, круто наклоненный книзу ход, который невозможно было рассмотреть с противоположного склона, потому что был прикрыт карнизом. Беседка остановилась в небольшой пещерке, освещенной маленькой тусклой лампочкой. В полутьме какой-то мужик с испариной на лбу вращал ворот лебедки. Едва глаза привыкли к сумраку, Алик отметил, что лебедочнику около тридцати лет, он невысок, сухощав, в модной, яркой шерстяной шапочке, в альпинистской пуховке нараспашку, на ногах его спортивные ботинки сорок первого-сорок второго размера. Таких следов Алик не встречал в округе.

— С прибытием, мужичок-лесовичок! — дружелюбно рассмеялся лебедочник, обернувшись светлым, чисто выбритым лицом. — Проходи в наши хоромы... — Взглянув на ноги чикндиста, насмешливо кивнул: зимой и в резиновых сапогах? Современная медицина не рекомендует: к сорока годам ревматизм наживешь.

Алик не успел сообразить, что ответить, как парень опять спросил:

— Знаешь, из какой ткани лучше всего шить одежду для гор?

Алик взглянул на него с недоумением и пожал плечами.

— Эх ты, сын леса! — рассмеялся лебедочник, показывая золотые коронки. —
Смотри, — похлопал ладонью по ляжке в просторных штанах со множеством карманов.

— Нам лишь бы не спадало, — Алик шагнул к стене из венцов, перегораживающих пещерку. В этой стене виднелась неказистая, но плотно подогнанная дверь из тесаных жердей. Потянув на себя ручку из причудливого березового сучка, он вошел в небольшую комнатку, вернее в такую же пещеру, с двух сторон перегороденную деревянными стенами. Окон в ней не было, в углу тихо гудела печь, работающая на солярке. Над тушей кабана сосредоточенно склонился парень лет двадцати пяти и неумело снимал шкуру, брезгливо придерживая нож тремя пальцами.

— Помочь? — шагнул к нему Алик.

Парень улыбнулся, отчего его глаза на вполне европейском лице превратились в две щелочки, перекинул окровавленный нож в левую руку и протянул правую, ничуть не запачканную кровью.

— Малик! — представился он.

— Алик! — в тон ему сказал чикиндист и, опустив глаза, отметил, что «хирург» в клееных резиновых сапогах, а след их похож на тот, весенний, возле скотопрогонного моста, когда его обыскивали милиционеры. «Давненько бичуешь здесь, парень... с девицей в кроссовках!» — подумал он.

— Помогать не надо, сами управимся. Иди прямо по коридору и отдыхай. Мы через десять минут вам баню организуем.

Парень этот понравился Алику. Он осторожно толкнул следующую дверь и, разинув рот, вошел в зал.

Мать честная! Сколько раз, там, внизу, глядя на Башню, он пытался представить дом на этом самом месте, но на такое у него не хватало воображения. Зал был огромен: метров семь на пять. Двумя стенами ему служила чисто промытая скала. Стена напротив была набрана из отструганных бревен. В ней была вполне городская дверь и два больших светлых окна. Слева, в углублении скальной стены, искусно выложенный камнями, горел огромный камин. Из дальнего угла за ним вверх, за потолок, шла лестница из строганных и лакированных досок. Видно, дворец был в два этажа. Пол был застлан двумя вышарканными красными паласами. И скала, и бревенчатые стены, лавки, сам камин — все это было грубовато, даже топорно, но в грубости этой был какой-то шик, будто делалось так нарочно, а не от недостатка денег и материалов. Вид немислимой в горах чистоты и роскоши потряс Алика. Он испуганно посмотрел на свои сапоги, с тающим снегом на голяшках, торопливо скинул их, но не нашел куда поставить. Подхватив сапоги в одну руку, портянки в другую — прошел на середину зала.

Две деревянные стойки напротив камина поддерживали балку потолка. На одной стойке, лицом к огню, в полный рост вырезана была голая женщина с тяжелой грудью, с чуть отвислым животом, с глазами и улыбкой блудницы. За ее спиной на том же чурбане была вырезана тоненькая девушка, почти подросток: широко открытые, наивные глаза смотрели в скальную стену с детским восторгом. На другой стойке был вырезан лохматый, бородатый мужик. Рот его скалился в диком, яростном крике, глаза лезли из орбит.

Вдоль стоек тянулся длинный стол из досок, покрытый пластиком. На полке, прикрепленной к скале, поблескивал дорогой стереомагнитофон с усилителем, с большими колонками. Несколько изящных кресел стояли вдоль стены. Их было шесть, а седьмое, еще не обтянутое обивкой, стояло в дальнем углу. Если бы не оно, Алик никогда не догадался бы, что кресла самодельные. Он подвинул одно из них к камину, сел, разложив у огня сапоги, развесив портянки. Они запарили.

Как всякому бездомному человеку, ему часто приходилось жить в чужих домах и семьях. Он легко приспособивался к незнакомым людям и обычаям, быстро усваивая, какая роль ему отведена. Подавив невольное смущение, он раскованно, почти нагло, вытянул босые ноги, вытащил из кармана помятую сигарету, закурил, обдумывая странное свое положение. Прошло минут пять. Алик бросил окурок в огонь, бесшумным плевком цыкнул за каминную решетку. Над его головой скрипнула лестница, зацокали женские каблочки. Алик задрал голову, увидев черное платье, голые ноги, сдернул теплые портянки и засунул их в сапог. Куртка валялась у ног. Повесить ее было некуда.

С лестницы спустилась молодая женщина в платье с длинными рукавами, с глухим кружевным воротничком. Модная стрижка, подкрашенные глаза. Алик встал: не из вежливости — это получилось само собой. Он узнал ту, которую встретил на берегу озера и оторопело уставился на нее.

— Здравствуй! — болезненно улыбнулась она, и Алик засомневался: да та ли это загадочная незнакомка, до сих пор являющаяся в снах? Ее глаза были не то чтобы холодными или безразличными, они были пустыми.

— Подвинь кресло. Пожалуйста.

Алик поставил у огня второе кресло, тоже сел, застенчиво улыбнувшись. Этого он не хотел, так как передние зубы были поколоты в драках и дочерна прокурены.

— Меня зовут Аня, — выталкивая из себя каждое слово, вымученно сказала она: — а тебя?

— Алик!

В ее глазах появилась какая-то мысль, она обернулась, принуждая себя внимательно взглянуть на гостя:

— Альберт или Олег?

— Алик! — глупо хихикнул чикиндист, радуясь, что появился повод для разговора. — Так и записано в паспорте. Всех нормальных детей в капусте находят, а меня чабан Кошибай в лесу нашел... На морду глянул — ни мамбет, ни орыс, ну и сдал в приют...

Старое, отработанное вступление обычно вызывало к нему интерес слушателей. Алик уже раскрыл рот, чтобы «молотить» дальше о своей удачной доле... И озадаченно закрыл рот. В глазах Анны не было ни искорки интереса к нему. Алик осекся — ничего общего не было между этой и той, возможно приукрашенной воображением, женщиной, которую он встретил на озере. Мгновенная растерянность сменилась злостью. Что-то дерзкое уже хлопотало в его горле. К счастью, дверь распахнулась и вошел Виктор с румянцем во всю щеку, скинул ботинки, босиком прошел по залу, подхватив обувь. Алик с удовольствием отметил, что поступил со своими сапогами правильно и свободней зашевелил большими пальцами ног.

— Лапы у тебя, как у медведя! — сказала Аня.

— Все детство босиком, — глядя на широкие ступни, буркнул Алик.

Виктор подошел к камину, положил руку ему на плечо:

— Потом наговоритесь. Баня готова. Пойдем, покажу, где будешь жить, — во взгляде, в усмешке и в этом жесте была либо предопределенность будущей связи между Аликом и Анной, либо Виктор знал о том, что произошло у озера.

Гость встал, подхватил куртку и сапоги, он был рад, что товарищ оборвал неловкую встречу. Но в душе саднила какая-то обида. Он молча зашлепал вслед за Виктором босыми ногами по ступеням лестницы. Аня сидела у огня не шелохнувшись, будто не заметила его ухода.

— Что она такая? — спросил Алик.

— Отличная женщина, — улыбнулся Виктор. — Рекомендую... Но заскоки бывают, — вдруг мотнул головой с похолодевшими глазами: — Где их взять, баб без заскоков? Пройдет.

На втором этаже узкий, как на кораблях, коридор делил помещение на две половины: четыре комнаты в одной, три — в другой. Слышно было, где-то в конце помещения, за переборкой, шумели дети.

— Вот твоя комната, — толкнул легкую дверь Виктор.

Узкая, как каюта, каморка. Дверцы шкафа в стене, между ним и топчаном проход в полметра, узкое и длинное, как в камере, оконце под потолком. Алик открыл фанерную или картонную дверцу — пусто. Бросил в шкафчик куртку и залатанный свитер, увидел надпись, откинул дверцу так, чтобы на нее падал тусклый свет окна и успел прочесть нацарапанное на деревянной планке шариковой авторучкой: «Ментуете, суки». Снова появился Виктор, в шлепанцах, уже голый по пояс, хорошо сложенный.

— Пошли?

Алик взглянул на него и сбросил грязную рубаху. Они спустились в зал. Аня, сидя в той же позе, даже не обернулась.

По обе стороны от двери, через которую Алик впервые вошел в жилое помещение, были еще две узкие и низкие двери. Вошли в левую. Просторная прихожая с цинковым корытцем у стены, три медных крана над ним, как в казарме. Виктор скинул с себя всю одежду, распахнул следующую дверь. Теплое облако пара вырвалось из-за нее и растеклось по потолку.

Алик оглянулся, разыскивая крючок, — не нашел. Тоже скинул одежду, бросил на облупившуюся стиральную машину и шагнул следом.

«Мать честная!» — опять подумал он. Два прямоугольника ванн вдоль стен, оклеенных или завешанных клеенкой; облупленных, пожелтевших, но настоящих городских ванн, которые затащить на эту высоту можно только вертолетом или лебедкой, в них булькая, набиралась вода. Над ваннами, на изгибающихся стояках висели рассеиватели душа. Виктор уже лежал в воде, блаженствовал, задрал длинные ноги, которые не умещались в ванной.

— Прощу! — указал на соседнюю. — Пара пока нет. Леха обещает сделать настоящую русскую баньку, да все руки не доходят.

Алик с восторгом опустил в воду. От ее обилия и блеска кружилась голова. Он обычно довольствовался детской ванночкой, оставшейся на старом месте по

наследству от прежнего чикиндиста. Минут десять он лежал молча и неподвижно, ощущая, как потеет давно немытое тело, вспоминая подробности такого удивительного дня. Потом не спеша стал намыливать густые, отросшие и нечесанные волосы. Последний раз он стригся весной.

Дверь распахнулась, в ванную комнату непринужденно вошла высокая и очень стройная женщина в шортах, в белой майке. Алик от неожиданности занырнул под растекшуюся по воде мыльную пену. В движениях женщины была странная грация нескладного подростка, еще не вполне овладевшего своим телом. Где-то он видел это лицо. Вспомнился истукан возле камина: формами тела вошедшая женщина походила на блудницу, лицом — на девочку, глядящую в противоположную сторону.

Она улыбнулась Виктору, повесила на крючок два полотенца. Остатки улыбки, предназначенной другому, скользнули и по лицу Алика. Женщина вышла, высоко, как гвардеец, неся голову.

— Моя жена, — сказал Виктор и рассмеялся, отплевываясь водой. — Что глаза по тарелке? Понравилась?

— Ничего, — ответил Алик. В чужом доме не следовало удивляться нравам семьи. В этом смысле опыт у него был большой.

Мылся он долго, не спеша: когда еще выпадет такой случай в горах? Виктор его не поторапливал. Распаренные, они вышли в прихожую с казарменными умывальниками. Вытирая полотенцем голову, Алик вдруг завертелся.

— Вы чо? — спросил раздраженно. — Штаны-то куда дели? И трусов нет.

Виктор захохотал, откинув голову. Подал не новый, но аккуратно подштопанный и чисто выстиранный трикотажный костюм: брюки и майку. Под ним лежал целлофановый пакетик с белоснежными узкими как ленточка трусами.

— Ну, уморил! — все еще срывался на хохот Виктор. — Не пропадут твои штаны. Выстирают, починят и вернут: у нас машина, — похлопал рукой по обшарпанному стиральному агрегату.

Алик оделся, всем телом чувствуя чистоту кожи, свежесть одежды. В зале было уже полно народа. Первым подскочил к нему тот, что вертел лебедку.

— Вроде познакомились, а представиться забыл: Алексей — основатель и технический руководитель колонии... А это Света, Свет Иванна, — обнял молодую женщину с грудным ребенком. — Моя супруга. На руках у ей дите — наша дочь. — Алексей, посмеиваясь, коверкал слова. Ему это шло. С юмором мужик. «Скорей всего он и стрелял», — отметил про себя Алик.

— Малика ты уже знаешь, — говорил он. — Это его жена Таня. Ишь какая!

Кукольно красивая юная женщина с модной пышной прической смотрела на Алика зеленоватыми глазами. В них, как в калейдоскопе, меняя узор, мелькали, то детское наивное любопытство, то циничный холодок сознания своей власти.

— Это Сергей, наш философ, идейный папа, потому и на попа похож, — продолжал Алексей.

Перед Аликом стоял мужик лет тридцати, в очках, с длинной холеной бородой, с прямыми волосами до плеч, эдак вежливо, испытующе и даже настороженно поглядывая на гостя.

— Его жена... — Алексей назвал имя, тут же выветрившееся из головы Алика. За спиной Сергея тенью стояла «учительница» тоже с холодными лучиками в очках, с учительским узлом волос на затылке.

— Остались главные колонисты — Борис с Глебом!

Два крепеньких мальчишки юлой подскочили к Алику, схватили один за правую, другой за левую ногу, будто расстались с ним полчаса назад и залепетали, смеясь:

— Дядя, подними нас!

— Люду ты знаешь... — Алексей рассмеялся, сморщив маленький носик. — Видно об их знакомстве шел разговор. Люда лишь чуть-чуть смутилась, но даже в этой невольной тени, промелькнувшей на ее лице, было что-то необходимо надменное, царское.

Тут Алик обратил внимание, что в зале все ходят босиком, даже дети. Малик — в одних джинсах, Виктор тоже гол до пояса. На Сергее косоворотка с распахнутым воротом. Женщины — кто в шортах, кто в брюках. Не было Ани в ее строгом платье. Но вскоре и она вышла из кухни с горячим казаном. Алексей подхватил его из рук женщины и вывалил парящее мясо на большое блюдо:

— Леди и джентльмены, ужин готов!

Аня была в обрезанных под шорты джинсах и в красной рубашке с длинными рукавами. Женщины засновали из кухни в зал. На столе появился желтый пенящийся напиток.

— Брагулька? — прищелкнул языком Алик.

— Квас! — разочаровал его Алексей. — Спиртного не держим: папа Сергей не велит, да и высокогато... Хотя под мясо я бы не прочь.

Застучали вилки и ножи. Алик рукой выхватил с блюда кусок грудинки. Людмила положила ему в тарелку тушеной картошки.

— Картошечка! М-м! — азартно стал дуть на ложку Алик. — Давно не ел. Хранить негде, не закупил с осени.

— Вот уж чего у нас в достатке, так это картошки. Родится на диво! — с гордостью заявил с другого конца стола Сергей. — Кроликов держим. Хлеб сеем. Правда, пока мало, но на праздничный каравай хватает... Теряют люди вкус к жизни. А ведь это подлинное счастье и высшее творчество — есть хлеб, выращенный собственными руками, воспитывать детей...

Он хотел еще что-то сказать, но Алексей, спохватившись, снова взял инициативу:

— Что там про землепользование слышно? Ты в городе давно был? Газеты читал? По радио не очень-то новости узнаешь. Всякую туфту гонят сутками.

— В городе мне не до газет — других дел много, — усмехнулся Алик, входя в привычную роль. — Напиться надо, похмелиться... Еще хозяйские дела, — его так и подмывало смутить эту чистенькую компанию, для чего-то скрывающуюся от людей. Но Алексей, пропустив сказанное мимо ушей, переменял тему.

— Вот такая у нас колония: воздержусь назвать ее коммуной, пардон-пардон, слово слегка скомпрометировано, — взглянул на Сергея. — Повел вилкой, указывая на стены вокруг: — Все своими руками... Годы потрачены. Шесть лет назад я работал в этих местах начальником геологического отряда. Случайно

вылез сюда и ахнул — в скале полость, как футбольное поле. После хожу на тупую и бесперспективную свою службу, а в голове одно — как жить можно, как жить, только бы найти единомышленников и послать к черту всех городских умников... Заразил этой идеей Сергея. Он с москвичами в то время организовывал дачный вариант коммуны.

Я как раз развелся с первой супругой, хотел квартиру купить, деньги на кооператив держал. Но дома с каждым годом дорожали, а деньги дешевели... Не будь дурак, на следующий же год я оформил экспедицию в эти места. Сергея взял рабочим. Сухостой мы выписали в лесхозе за копейки, лесорубы стояли неподалеку, лесопилка у них была. Взрывник нам тут хорошо помог: работу сделал и не понял для чего... Потрудились, короче. Я пять тысяч в это дело вбухал. Но зато, сам видишь...

Сергей за несколько лет до этой авантюры в аспирантуре учился, издал философский труд. Его покритиковали, да так, что руки за спину и в психушку, где будущая жена практику проходила. Она хотела подлечить его, но заразилась сама великими его идеями... Как видишь, не зря — родила двойню и счастлива.

Потом присоединились к нам Малик с Таней. Он, кстати, врач, она закончила нархоз, управляет нашей экономикой. Я уже с работы собрался увольняться и уходить сюда бирюком — встретил юную студентку, — обернулся он к Светлане, — она свой политех бросила и пошла за мной в горы. Свете дурацкое образование ни к чему: из нее талантливая жена получилась.

Заметив смущение на лице жены, Алексей, смеясь, вытер сальные губы:

— Ой, ты моя хорошая, дай поцелую... Вишь, — обернулся к Алику. — Девчонку здесь зачали, здесь родили под техническим руководством Малика. Правда, с оформлением документов пришлось побегать по городу...

Потом Аню переманили и Витю с Людой. Витя нам вырезал Лелю с Ладой, — Алексей ткнул вилкой в стойку с изображением женщины и девушки. — И Ярилу, — показал на другую стойку. — Ты видел, на чем стол держится? Загляни!

Алик послушно нагнул голову и поперхнулся, закашляв, тяжело вдохнул в себя воздух. Алексей застучал ладонью по его спине. За столом дружно хохотали.

— Вы чо? У вас же дети! — вытирая слезы, сказал Алик. Нет, не удалось ему сохранить невозмутимость. Но что странно, даже Люда и «учительница» непринужденно смеялись.

— Пушай растут со здоровым юмором, без комплексов и всяких пошленьких догадок. У животных нет возрастных тайн, потому и извращений нет.

Вите попало с бревном с сучком в полтора метра. Мы ему советы стали давать. А он свое — на то, говорит, и Ярило, чтоб быть с преогромной правилой. Вырезал все как надо. Повернули мы Ярилу сучком к камину — ходим, спотыкаемся. Борька шишку набил, орет... Решили его божье достоинство под стол упрятать, пусть подпирает вместо кронштейна.

Хохот стих. И Сергей, давно желавший высказаться, заговорил, поблескивая очками:

— Пока нам приходится скрываться: время в стране подлое, всех хотят пронумеровать и заставить жить по команде. Деревни, стоявшие тысячи лет, и те кончили, сволочи, чтобы из народа промышленных рабов сделать. Ты нас,

конечно, понимаешь, потому что сам живешь вдали от этой мерзкой помойки, называемой городом, — говорил Сергей немного торопливо, как бы опасаясь, что его перебьют. — Потому и приходится скрываться... Кто потерпит на своей территории никому не подчиненных людей? Но время работает на нас: появляются уже первые фермы, появляются коммуны на базе совхозов. Нам нужно выжить и выждать, прежде чем заявлять о себе. Тогда мы расширим поля и будем не только обеспечивать прожиточный минимум, но и прибыль иметь.

— Купим генератор, сделаем водяную электростанцию и ветряк для страховки. Уж ветров-то у нас хватает. Цветной телевизор купим, — застрекотал, перебив Сергея, Алексей.

— Да, конечно, — согласился Сергей и снова обратился к Алику. — Наше отшельничество вынужденное. Мы не отказываемся быть гражданами своего государства, мы просто не желаем, чтобы общество регламентировало наш образ жизни. К тому же для нас всех имеет смысл только жизнь среди природы... Ты нас конечно понимаешь.

Алика убеждали, его втягивали в этот теплый дом, в колонию. Колония! Это слово шестнадцать лет висело над ним, как кара за непослушание и своеволие. То и дело из интерната уходили туда: в «малолетку», в тюрьму.

Красиво говорили. Умно. Алику бы слушать и ума набираться. Куда ему спорить. Но он по натуре своей волчьей не мог этого делать:

— Я, наверно, потому и живу в горах после армии, что по уши хватил вашего коллективизма, — заговорил, уловив первую паузу в наскоках Сергея и Алексея. — Двадцать лет — общий сортир, умывальник, на обед строем, подъем по звонку... И сельхозработы я с детства ненавижу. Нас ведь учили отдыхать с пользой: как каникулы, тяпку в руки и на поля. План тебе... Воспитатель в тени сидит весь день, похмельем мается, а тебя погоняет: два рядка — умри, но дай.

— У нас нет насилия! — снял очки Сергей. Погасли холодные искорки: глаза его были беззащитны и близоруки. — Не нравятся сельские работы — занимайся охотой, рыбалкой. От каждого по способности, по таланту, наконец.

— Хватит трепаться! Поживем — увидим! Правильно, Алик? — оборвал назревавший торг Виктор, молчавший до сих пор. — Включили бы музыку.

— Это мы мухой! — вскочил Малик, безучастный к разговору за столом, щелкнул кнопками магнитофона, сел на пол, подвернув под себя ноги, с огромными наушниками на голове.

Светлана, жена Алексея, встала, прижав к груди одной рукой спеленатого ребенка, другой подталкивала к лестнице двух бесенят, Борьку с Глебкой. Детям была пора спать. Виктор, как сытый кот, прижимался к Людмиле, танцуя с ней посередине зала, широкими ладонями гладил ее прямую спину. И она улыбалась ему, как богиня с иконы. Сергей топтался на месте с женой, не замечая ее, весь в своих мыслях. Еще за столом Алик решил, что при такой близорукости он не смог бы с трехсот метров попасть в растяжку палатки, подсел к Алексею, любезничавшему с Татьяной.

— Если хотите запастись на зиму мясом, надо поторапливаться: после нового года зверь жир потеряет и пойдет одна постнятина. Этот кабан и то уже не самый лучший. Достать бы мультук с оптикой, я бы вас мясом обеспечил.

— В геологии работал — была у меня ТОЗ-16... — вздохнул Алексей. — А знаешь, почему у спортивных винтовок ствол такой толстый и длинный?

— Не можешь достать мелкашку? — перебил его Алик, внимательно глядя в глаза.

— Здесь где ж я ее достану? В городе можно было бы поспрашивать у знакомых. Приедет Ленька — поговорим. У него везде связи.

— Здесь не все?

— Есть еще один, — хмурясь, ответил Алексей. — Живет наездами, но человек нужный.

— Чернявый такой? — наигранно воскликнул Алик. — Наверно, его я встречал в Кудалау в конце сентября?

Алексей качнул головой:

— Он светловолосый и уехал в середине лета.

Таня схватила Алика за руку:

— Пойдем потанцуем, — вытащила его на середину зала, обернулась. — Малик, сделай что-нибудь повеселей... Ой, да ты совсем не умеешь танцевать. — Глаза ее лучились, как у проказливого ребенка. — Но танцы — это еще не главное. Мужчина должен быть страстным. — Она прыснула от смеха. — С тобой, наверно, шутки плохи: девица и подумать не успеет — кто такой, а уже обманутая и соблазненная... Не руки, а лопаты!

Алик со спокойным лицом снял ее руку с плеча, нащупал пульс, как это делали воспитатели в детдоме, и, пристально глядя в большие глаза, спросил:

— Ты стреляла?

Пульс трепыхнулся, она вырвала руку.

— Дикарь!

— Откуда знаешь, как я встретил Аню?

— Да она же и рассказала,пусти, — Таня скрылась за дверью кухни и вскоре вытащила за руку Аню. — Танцуй со своим медведем, а я уберу посуду. Да осторожно, он мне ноги отдал.

Сугуловатый, с густыми волнистыми волосами, которым могла бы позавидовать любая женщина, Алик чувствовал себя чистым и красивым. Аня послушно положила руки на его плечи. Близость женщины волновала. И верилось в то, что было осенью у озера, и не верилось. «Может быть, она придет ночью, — подумал Алик и в груди его защемило сладостно и тоскливо. — Какая путевая музыка у них...»

Первыми исчезли Виктор с Людой, потом Алексей поднялся наверх и не вернулся. Как-то незаметно пропала Аня. В зале погасили свет. Лишь угли в камине освещали деревянные лица идолов. Таня шепнула Алику: «Дай сигаретку!» — и ушла с Маликом, пряча ее в кулачке. Он остался в зале на пару с Сергеем. Сидели у тлеющего огня.

— Уютно у вас, — сказал Алик, прикуривая от уголька. — Хорошо, да надо идти домой. Не думал, что так задержусь, даже кошке лепех не оставил... А кто раньше в моей комнате жил?

— Леонид Иванович... Тимофеев, — ответил Сергей и снял очки.

— Кто такой?

— В сущности, подонок! — неожиданно резко сказал Сергей. — Но вложил в строительство две тысячи. Как только мы сможем отдать ему долг — спрашиваемся.

— А он на вас — донос! — ухмыльнувшись, поддел Алик.

— Побойтся! — жестко произнес Сергей. И Алик подумал: «А черт знает этих очкариков, может быть, и он стрелял». Спросил ленивым голосом:

— Я не его встречал в конце сентября в Кудалау? Белобрысый такой, Лехой зовут...

— Леней! — поправил колонист. — В это время его здесь не было.

Камин затухал. Мрачнели, становясь таинственными, деревянные идола. Разговор, которого хотел Сергей, не получался. Он зевнул и предложил:

— Не пора ли спать? Завтра поговорим! — разворошил, разбив кочергой угли, выгреб их на жестяной лист и, распахнув дверь, за которую Алик не выходил, вышвырнул их в снег. Из-за двери пахнуло холодом.

Алик лежал в чистой постели. Он уже не помнил, когда последний раз спал на белье: разве в медвытрезвителе и то без пододеяльника. Не спалось. Он курил, стряхивая пепел в спичечный коробок. А в голове прокручивалось: «Лехин, Танюхин, Сергея, Малика... Ленин? Ленкин...» Нет, он точно помнил «х». Виктор сказал тогда купцу «Лехин друг» и этим напугал того до полусмерти.

Уснул Алик поздно, смирившись с тем, что Аня не придет. «Вот стерва!» — подумал, зевая.

Проснулся он от стука в дверь. Вошла Аня, все такая же равнодушная, бросила на одеяло чистое полотенце.

— Все уже позавтракали, а ты спишь. Пойдем, накормлю.

Алик встал, надел трико, перекинул полотенце через плечо — спустился в зал. Опять пылал камин. За столом сидели Виктор с Сергеем, и о чем-то оживленно беседовали. Алик отметил про себя, что с ним Виктор никогда не разговаривает так азартно. Когда он вышел из умывальной — за столом никого не было, с краю стояла тарелка с завтраком.

Отворилась дверь в бревенчатой стене. Облако холодного воздуха растеклось по паласу. Показался краснощекий Алексей с охапкой дров. Он стряхнул снег с унтов, вывалил дрова в корзину возле камина и, не раздеваясь, подсел к Алику.

— В электротехнике петришь? — спросил.

Алик мотнул головой.

— Жаль. Но все равно, хочешь посмотреть электростанцию?

Алик хотел видеть все, что было за той дверью, по ту сторону Башни. Ведь именно оттуда стреляли.

Дверь выводила в дворик размером поменьше зала, но все равно просторный. Со всех сторон он был закрыт скалами — это была часть той пустоты, которую использовали для строительства дома. По стенам, в несколько ярусов стояли клетки с кроликами. Квадрат неба над головой был затянут маскировочной сеткой. «Вертолетов опасаются!» — отметил про себя Алик. Сквозь скалу был выход в виде трещины шириной около метра. За ней расстилалась альпийская равнина с видом хребтов и скал, запорошенных снегом. Здесь, в шалаше, пристроенном к

скале, трещала чабанская переносная электростанция в полтора киловатта мощностью и отвратительно портила горный воздух.

На высокогорной ложбине были видны борозды от вымерзших ручьев, которые текут здесь летом. По законам природы, вода эта должна была обойти скальный хребет, похожий на спину динозавра, и уйти к перемычке, а оттуда к озеру. Но колонисты прокопали арык и направили воду в искусственный водоем возле Башни. Из него по лотку вода подавалась на старательно замаскированное, большое, обмерзшее льдом, дюралевое колесо. Рядом была выкопана и обшита изнутри досками камера с генератором.

Весной здесь скопилось слишком много воды, дамбу прорвало и поток хлынул в лавинный кулуар. Его-то и видел Алик с противоположного склона.

— Ну как? — не скрывая гордости, спросил Алексей.

— Так ведь не работает! — усмехнулся Алик.

— Вода перемерзает зимой. Приходится эту трещотку заводить, — он махнул рукой в сторону работающей электростанции. — Ничего, сделаем настоящую станцию, еще и обогреваться будем электричеством, и поливать огороды.

— А где ваши огороды?

Теперь рассмеялся технический руководитель, наморщив маленький носик:

— Да ты же прямо возле них Аньку сгреб.

Алик смущенно сплюнул на снег — все, все знали. От Башни по хребту в сторону каньона шел узкий скальный гребень. И Алик торопливо ориентировался. Гребень этот заканчивался массивным скальным жандармом, скорее всего разделявшим расщелок, по которому он выбирался с озера в каньон. Недурное место для стрелка — оттуда должны были просматривается все подходы к Башне. Но пройти по самому гребню было делом непростым, а сделать это незамеченным — невозможно. «И если есть там наблюдательный пункт, об этом должны знать все», — решил Алик. Но это никак не вязалось с той логикой, по которой его пригласили сюда.

Скорей всего, стреляли из разных мест, стреляли случайно.

По вытаявшей кромке Алик с Алексеем обошли занесенную снегом ложбину, вышли к одному из ответвлений каньона. Здесь был обрыв, метров на пятнадцать отвесно уходящий вниз. Каньон узкой щелью, поросшей елями, извиваясь, тянулся в сторону Арналау. Впереди были видны еще несколько его распадков, по которым можно спуститься вниз, но они были далеко. Именно здесь был ближайший от Башни спуск. У ног из скалы торчал металлический прут арматуры.

— Мы с Маликом на всякий случай сделали этот ход покруче. Попотели, — пояснил Алексей. — Но теперь любопытные, вроде тебя, к нам без лестницы не поднимутся.

— Почему? — спросил Алик. — Ведь можно и в другом месте подняться на хребет.

— Можно, — подтвердил Алексей, — если знаешь, зачем сюда идешь. А так... Бредет чудака, любит красивые места, но вот впереди стена. Что же, он будет возвращаться к устью каньона и подниматься другим ходом? Нет, конечно. Повернет назад, и все дела. Психология.

Впереди внизу виднелась осыпь, возле которой Алика обстреляли в первый раз. Он вспомнил, как летел котелок. Отсюда стрелять не могли. Скорее всего, стрелок все-таки сидел на жандарме. Именно им заканчивался скальный гребень, похожий на спину динозавра.

Они вернулись к застывшему водяному колесу. Алик обошел Башню справа, перед ним открылось знакомое ущелье. Как на ладони, виден был его маленький домик, прилепившийся к скале. «Ну и устроились! — позавидовал он. — Всякая сволота еще только к леснику подъезжает, а здесь уже все известно».

Вернулись они к обеду. Женщины накрывали стол. Аня стала чуть оживленней, чем вчера, но все равно упорно держала дистанцию, хотя все колонисты с явным азартом подталкивали их друг к другу. «Рвануть домой прямо сейчас, что ли? — раздраженно подумал Алик. — Если спуститься по кулуару, засветло уже не успеть». И тут пришла в голову дельная мысль. Он отодвинул тарелку.

— Ну, спасибо! Накормили, квасом напоили, помыли, обстирали — пора и честь знать.

— Живи! — предложил Сергей, поглаживая окладистую бороду. — Места хватает.

— Кошка у меня брошена голодной. Начнет по лесу шляться — беркуты сожрут или рысь задерет... Да и траву резать надо... Каньоном, что ли спуститься, — будто раздумывая, небрежно сказал он. Зевнул. А сам внимательно следил за лицами сидящих — будто не расслышали или не поняли они его. Только Алексей хмыкнул и стал отговаривать:

— Намучаешься, в каньоне снега по пояс. И ради чего?

— Свины там должны быть, посмотреть надо.

— Ну, как знаешь... Тогда уж гости до утра — день короткий... Подумай. А то спустили бы тебя на лебедке прямо на поляну, а там до дома рукой подать...

— Двадцать четвертого декабря будем ждать, — сказал Сергей. — У нас праздник зимнего солнцестояния.

После обеда Алик прилег, уснул. Очнулся в сумерках с тяжелой головой. Не для него такая жизнь. Утром Алексей вызвался проводить его до каньона, принес веревку и сбросил конец вниз. С ними пошел и Виктор, которого об этом попросил сам Алик: кто знает, не полоснет ли этот говорун ножом по веревке? Виктору он больше доверял. Они прощались на несколько дней. Охота на кабанов продолжалась.

— От нас твоя крыша хорошо видна, — сказал на прощанье Виктор. — Если срочно понадобится, поставь на нее кастрюлю или ведро!

— Договорились! — протянул ему руку Алик.

Перекинув веревку через спину, отталкиваясь ногами от скалы, он быстро спустился, задрал голову. Двое стояли вверху, махали руками. Алексей начал выбирать веревку.

Каньон был удивительно красив — глубокий, лесистый — местами от одной до другой скальной стены было не больше двадцати метров. И снега здесь было не так уж много. Где-то под коркой льда клокотал ручей. Алик шел, внимательно осматривая все вокруг. Заглядывал под густые ветви елей, в трещины скал — ничего подозрительного. Почему его не пускали сюда? Но ведь почему-то же не

пускали? Алик присел на поляне, где весной был обстрелян. Вспомнил, как стояла палатка, как летел котелок. Стреляли с жандарма. Теперь он не сомневался в этом.

К избушке Алик добрался засветло. Кошка была жива и здорова, даже толком не проголодалась, мышкуя, и встречала его радостно, настойчивым мяуканьем как бы упрекая за отсутствие. Запас продуктов — по крайней мере на месяц. Избушка еще не успела промерзнуть и быстро наполнялась теплом. Вроде бы все хорошо! Но тошно было на душе. Алик знал признаки той самой тоски, что подступала к горлу. Лучше голод: захочешь жить — прокормишься, бывало комбикорм просеивал, чтобы испечь лепешек, бывало, и на одном мясе жил. Лучше похмелье — как ни плохо, а знаешь, что это пройдет. Но когда вся прежняя жизнь кажется кучей дерьма, а будущая такой же кучей, которую предстоит сожрать, вот тогда бывает по-настоящему плохо одному, даже в теплой избушке, в лесу, возле чистого ручья и с запасом продуктов. Запить бы, загулять, и паскудная, безысходная эта пустота вскоре превратилась бы в похмельные муки, а они все равно пройдут.

Слава богу, был самогон. Перед охотой пить безнадежное дело — поэтому он и не предложил Виктору. Алик налил полную кружку, припал к ней губастым ртом. Холодная до вязкости жидкость легко вошла в нутро, затеплилась там, отогревая душу. Заскучавшая кошка, мяукая, терлось спиной о резиновый сапог. Алик подхватил ее на руки, прижался щекой к пушистому тельцу и пробормотал вдруг:

— У, су-уки! Нашлись тоже... Жены не скандалят, мужики не грызутся...

Не помогла кружка. Алик все громче ругался, чувствуя, что хочет туда, в тот обманный мирок, сладко зовущий теплом, людской добротой и заботой о ближних, к Аньке, воспитанной, чистенькой, беззлобной...

Булькала кабанятина в кастрюле. Есть не хотелось. Алик наспех замесил тесто в кастрюле, комками наложил его на край плиты, абы как испечь. Опять налил из фляги.

— Чудотворцы! Траву они не режут, не браконьерят — а живут на что? — ворчал. — Праздники у них! — Плюхнулся на нары, угодив задом в сковороду с белым говяжьим жиром.

Помнил, налил еще. Помнил, закурил... Проснулся от дикого вопля кошки, будто на хвост ей наступили. Избушка была наполнена едким дымом, и только керосиновая лампа, так и не погашенная, светилась далеким желтым пятном. Дым колко входил в грудь, разъедая легкие. Алик закашлял, сперва подумав, что горят лепешки. Тяжело встал, распахнул дверь, жадно вдохнул свежий воздух. Печь давно остыла. Выстыло и мясо в выкипевшей кастрюле. Тесто обуглилось и закаменело. Он присел на пол, свесив лохматую голову — не мог понять, откуда дым. Случайно коснулся матраса и отдернул руку: вата тлела. «Неужели уронил окурок?»

Алик выкинул в снег дымящийся матрас, залил его водой из чайника, закоченев, вошел в проветрившуюся уже избушку, ощупал со всех сторон спальный мешок — вроде бы не тлеет — залез в него, прижал к животу успокоившуюся кошку и уснул. А когда открыл глаза — еще в потемках, с тяжелой головой — ему вдруг стало страшно: только тут он осознал, что чудом остался жив и мог бы истлеть

заживо. Встал, растопил печь, начал готовить завтрак: надо было кормить кошку. Если б не она... Сгорел бы, позорной пьяной смертью закончив свою жизнь.

Погода установилась теплая, солнечная, Виктора все не было. Лицензия уже была просрочена. «Хороши работнички, — посмеивался Алик, — но как живут!?» — снова шевельнулась в душе поганенькая зависть. Тоска уже отпускала. Алик снова стал регулярно ходить на склон, резать траву. Как-то заметил движение возле Башни. Сунул за пояс серп, вынул из рюкзака бинокль. Со скалы спускался Виктор с ружьем и рюкзаком. Через полтора часа он подошел к склону, свистнул.

Алик рад был встрече. Ему нравился этот здоровый сильный мужик, спасший летом жизнь. Но свист раздражал: за ним следили сверху, там знали каждый его шаг. Мало приятного ощущать себя на мушке и у хороших людей. Он не спеша зашил последний мешок, уложил его на осыпи, подхватил рюкзак и стал спускаться к реке.

— Что задержался? — протянул руку товарищу.

— Дела, — замялся тот.

— Понятно. У меня тоже. Сам видел: каждый день на склоне, шесть-семь мешков за выход. Рублей триста за это время заработал.

— Ого! Куда ж ты деньги девать будешь?

«На что ты живешь?» — подумал, но не произнес Алик. Усмехнулся, показав побелевшие, отдраенные порошком и содой зубы.

На этот раз добыча досталась трудно. Кабаны исчезли: даже в верховьях Арналау не было их следов. Вставали охотники затемно, возвращались ночью. Виктор принес с собой кусок вареного мяса, но оно быстро кончилось. На макаронах да на лепешках с сахаром уже к обеду чувствовалась усталость. А тут, по закону подлости, даже зайцы куда-то пропали.

Только на третий день, после обеда, они вышли на свежий кабаный след. Часа через полтора только высмотрели, где он пасется. Красться на выстрел было поздно.

Домой шли медленно. Виктор попытался вырваться вперед при своих длинных сильных ногах. Алик его осадил, сказав, чтобы он шел метрах в двадцати сзади, а сам внимательно рассматривал в бинокль склон, долину реки, подолгу топтался на месте, и это очень раздражало спутника, спешившего к печке. Но Алик увидел в реке марала с одним рогом. Он стоял посередине не застывающего русла. Алик подумал, что рогач переправляется на другой берег и уже потерял было к нему интерес, но вдруг что-то мелькнуло у самой воды. Он присмотрелся. Белорудый волк, опустив голову и хвост, вышел на берег, упал на открытом месте в песок. Марал же остался на середине реки.

Алик махнул рукой Виктору, стоявшему на ветру с хмурым лицом, протянул ему бинокль, указывая вниз:

— Трехлинейку бы с оптикой... А не подойдет вам маралытина вместо кабанятины?

— Зачем? — не понял Виктор.

— Это ко мне в любой день инспекция может залезть в кастрюлю. А вам чего бояться?

— Марал? — удивленно пробормотал Виктор замерзшими губами.

— Кажется, больной: брюхо какое-то ненормальное. — Алик снова взял бинокль, сел, закурил. — Хрюшу еще добывать надо, а тут верное мясо...

— А что не пойдет? — веселя, пробормотал Виктор. — Мы поможем маралу безболезненно погибнуть, а волкам быстрее пропитание добыть, и честно с ними поделимся...

— Идет? — плутовато рассмеялся Алик.

Виктор пожал плечами, кивнул, соглашаясь. Когда они спустились к реке, солнце уже зашло за гору. Зимой сумерки недолги. Излучина реки, где волчья стая терпеливо ждала свой ужин, скрылась за полосой пойменного леса. Охотники вышли к намеченным ориентирам. То ли они ошиблись, то ли марал поднялся выше по течению, но вышли они к реке ниже, чем надо. Прячась за кустами и деревьями, стали подбираться на выстрел к добыче. Справа из кустарника выскочил волк, не оборачиваясь, огненной искрой, пронесся вдоль берега. Виктор даже ружье не успел вскинуть — он бесшумно исчез. Охотники, пригибаясь, пробрались к поваленному дереву. Виктор положил стволы на ветку.

Марал, с глупо торчащим в сторону рогом, настороженно поглядывал на оба берега реки, не находя там волков. Он осторожно вышел на галечник прямо на стрелка. Виктор выстрелил пулей по лопаткам. Рогач поднялся на дыбы и рухнул на землю, обломив единственный рог. Виктор опустил было ружье, но зверь вскочил и бросился в воду. Охотник с двустволкой наперевес выскочил из укрытия. Беспомощно кося на него круглым глазом, марал поплыл по течению. Виктор выстрелил, не целясь, прямо в этот глаз, где последний раз полыхнула искорка жизни и надежды. Туша застряла среди камней на перекате. Черпая сапогами студеную воду, Алик бросился к ней и потянул к берегу. Товарищ аккуратно положил ружье на гальку, осторожно вошел в воду, насколько позволяли сапоги, ухватился за копыто и стал помогать вытягивать добычу.

На задней ляжке марала была большая зализанная рана. Живот был странно подтянут. Мокрая туша производила брезгливое впечатление болезненности.

— Ведь доброе дело сделали, так? Только облегчили ему гибель, — тяжело дыша, говорил Виктор и брезгливо стряхивал с ладоней колючие шерстинки.

Алик сплюнул, морщась:

— Брюхо вскроем — ясно станет: был он болен или ранен.

Они вернулись к избушке затемно, хорошенько прожарили мясо. Алик выпил стакан самогона и развесил мокрые портянки возле печи. Виктору все мерещился темный круглый глаз, а в нем мерцание слабеющей надежды — выжить. Он рассуждал вслух, подбрасывая дрова в печь:

— Выходит, мы с волками участвовали в одной охоте, а значит, гармонично живем в природе?

Алик плутовато захихикал. Глаза его превратились в азиатские щелки:

— Честно — нечестно! Заявится завтра инспекция — докажи свою честность: как самый гнилой браконьер убил, вырезал лучшие куски и бросил остатки. — Его веселила щепетильность компаньона.

— Волки ночью должны поработать над тушей, — возразил Виктор.

— Они кинулись вверх по реке, а там тоже наши следы. Сзади выстрелы. Подумали — облава и до сих пор бегут. Надо бы столкнуть все, что там осталось, в воду. — Алик зубами оторвал кусок мяса с кости и подумал, что теперь можно выкопать ружье. Кем бы ни был Виктор — уже не донесет.

Рано утром колонист затопил печь и вылез с биноклем на склон. Вернулся он смурной — остатки марала лежали нетронутыми. Молча позавтракали, прихватили на обед по большому куску мяса, вернулись к остаткам туши. Алик проверил волчьи петли в лесу, прошел по следу стаи. Ночью волки сделали большой круг, обошли лес и отправились в гости к леснику, у которого много скота. Остатки марала, не пригодные для еды, он тайком сбросил в воду — не хватало ему, чтобы инспекция нашла их неподалеку от избушки. Алик не стал говорить об этом Виктору: пусть тешит себя, интеллигентик, что можно жить в добрососедстве с волками. Вчера вечером они договорились вместе охотиться на них. Зима выдалась снежная, капканы проверять надо часто. Алику нужен был помощник, Виктору — деньги.

Маралатину переправили колонистам, Виктор вернулся к своим. Прошла неделя. Алик сходил в село и дал телеграмму в контору, чтобы прислали машину. Зашел в аульную библиотеку и нашел много интересных книг на русском языке, которых здесь не читали. Библиотекарша радостно записала его в читатели и выдала книги под обещание когда-нибудь прописаться в ауле.

На последние деньги он купил чая, сигарет. Резать траву не хотелось, мясо было — зачем шляться с ружьем? Пару дней он провалялся в избушке, читал. Машины все не было, и он стал тоже собираться в Башню — его ведь приглашали.

Алик даже приоделся: выстирал портянки, вынул из мешка одежду, в которой ездил в город. Наварил для кошки кастрюлю макарон — кто знает, на сколько придется задержаться — наложил кошачью еду в две банки из-под тушенки. Поискал, куда бы еще высыпать корм — вытряхнул остатки макарон в свою миску, поставил на нары — пусть жрет. Вроде бы, все было собрано. Алик посидел, подумал и сунул в рюкзак восьмисотграммовую флягу с самогоном.

В полдень он был возле елки. Откинул хвою, нажал на выпуклый холодный пластик, снова замаскировал. На скале кто-то показался, кажется, Малик, увидел его, поднял руку, исчез и появился снова, размахнувшись, бросил шнур. Алик поднялся к упавшему концу, выбрал трос, пристегнулся, дал знак — готов! Трос стал выбираться и потащил его вверх, оставалось только упираться в скалу ногами.

Малик подал руку, помог освободиться от беседки.

— С прибытием, охотник, — крикнул Алексей, возясь возле лебедки. — Газеты не читаешь?.. А жаль: по радио такое говорят — жить хочется. Глядишь, скоро рассекретимся.

На этот раз Алика встречали как своего. Он вошел в зал и сбросил сапоги. Застучали торопливые шаги на лестнице, навстречу выбежала Аня в тех же шортах и в отглаженной рубашке. Глаза ее блестели, как тогда, у озера. Движения были то порывисты, то заторможены. «Неужели поддателя?» — подумал Алик.

Она положила руки ему на плечи. Не обняла, а всего лишь придвинулась, мимолетно коснувшись свежей рубашкой и чистой кожей его пропахшей кострами куртки. Что-то несбывшееся заныло под сердцем, не доверяясь, он подумал, с привычной волчьей настороженностью глядя в искрящиеся глаза: «Спиртным не пахнет... Колес наглotalась, что ли?»

— А дымом, а табаком пропах... Хочешь ванну?

— Хочу и ванну, — улыбнулся Алик. Хотел добавить: «И ванну, и Анну», но не посмел.

— Что это на тебе? — капризно и кокетливо воскликнула она.

Алик опустил глаза. На его ногах были коричневые женские чулки, зашитые черными нитками по носку. Он ругнулся про себя, но выставил ногу.

— А что? Чулки по семьдесят копеек. Очень удобно. Стирать не надо. Отрезал грязную часть, зашил конец, и порядок: они же длинные — на месяц хватает.

— Ужасно! Раздевайся — и в ванну. Я все приготовлю.

Алик вдруг вспомнил, что ходит в тех самых дареных трусах. Из белых они стали серыми. Вдруг Аня заскочит в ванную, когда он будет раздеваться...

Подошел Сергей в одних трикотажных штанах. Его глаза без очков были беззащитны и добры.

— Рад встрече. Надеюсь, на этот раз удастся поговорить.

Когда Алик, мокрый и растрепанный, вышел из ванной, Сергей, уже в косоворотке, подхватил его под руку, повел за собой. По лестнице вниз летела Аня. Сергей крепче сжал локоть гостя:

— Он мне нужен на полчаса, не больше. После ужина Алик твой. Пожалуйста!

Аня, сверкнув глазами, пролетела мимо, коснувшись чикиндиста плечом. Сергей пропустил его в ту же комнату, где он провел две ночи в прошлый раз, поморщился от дыма сигареты, заговорил медленно, обдумывая слова.

— Ушел ты от нас и, конечно же, подумал — развлекаются ребята?!

Алик скосил глаза на столбик пепла, чуть пожал плечами, поняв, что о нем здесь много говорили:

— Сейчас не помню, о чем думал.

— Итак, кто мы? — ровным мягким голосом заговорил Сергей. — Община. Колония. Или вообще группа, которой нет названия. Разве это важно?! Все мы чувствуем: что-то меняется в мире, в нашей стране. Не берусь утверждать, в хорошую сторону или в плохую... Но то, что во всем мире, не только у нас, теряются связи между близкими людьми, между людьми и матушкой-природой, это — факт! Я, например, верю, что, уходя от общества, мы не обособились от него, потому что надеемся всем указать пусть к спасению. Он — в единении. А единение — если хочешь — это любовь: и братская, и супружеская. Семья — это, конечно, прекрасно, но она разрушает общину. Человеку, чтобы выжить, всегда превыше всего нужна была община — круг близких, надежных и любимых людей. Так было от сотворения мира, и только последний век все разрушил... Потому, что некто все это старательно стремится разрушить. Еще будучи студентом я понял кто и для чего... Но об этом потом.

Мы, не разрушая семьи, превыше ее ставим свою общину. Иначе и быть не может. Мы допускаем даже временный обмен женами, совместное воспитание детей... Так было встарь, не мы это придумали...

Алик, слушавший заумные речи с невозмутимым лицом, не выдержав, хмыкнул.

— Желательно без сексуального контакта, — добавил Сергей голосом, уже слегка сбитым с прежнего тона.

— На кой же черт тогда ими меняться, — откровенно расхохотался чикиндист, — если без контакта?

— А я тебе объясню, — запальчиво заговорил Сергей. Он тряхнул лохматой головой, и в глазах его появился упрямый холодный блеск: — Чтобы не было порабощения личности семьей, чтобы семья не разрушала общину, работая только на личный интерес! Может быть, через тысячи лет, другими, повзрослевшими и разочарованными цивилизацией, мы возвращаемся к родным, вечным, языческим пенатам: к культу земли, солнца, обнаженного тела, к культу рождения и зачатия жизни... Я вижу, ты опять усмехаешься, думаешь, игра?! Зря. В конечном счете общинная любовь — единственно подлинная и разумная — ведет нас к природе-матери. Только через любовь природа обретет живую душу, сердце и разум, и нашими руками сможет восстановить и спасти себя.

Убийство — грех, но мы не отрицаем разумное убийство — охоту и даже должны разумно убивать животных. Ты больше нас жил среди природы, знаешь ее, ты на голову умней нас в этом деле и образованней. И потому ты нам нужен.

— Я школу и ту не закончил — гепетеушник, — усмехнулся Алик. — Мало что из твоей речи понял... Но ты интересно начал про контакт, про жен! — раздавил он окурок. — Я несколько раз брал баб в горы — уже два года, как зарекся.

Последняя сильно бухала, но бичовка была, что надо. Как-то ушел я в город за продуктами, ну и запил. Возвращаюсь, думаю, или сбежала, или сдохла. Прихожу — изба протоплена, мясо вялится, полная кастрюля свеженины на плите.

— Она не подошла тебе? — смущенно и растерянно спросил Сергей.

— Подлюшничать стала, как все. Я, как человек, ей условия поставил: плачу сотню рублей в месяц за поварские дела и стирку. Любовь и продукты — бесплатно. Хочешь заработать на эфедре, все, что нарежешь — твое. И двадцать процентов с продажи шкур. Так она пару куниц продала, деньги пропила и заявляет: «Женись, или заложу. За браконьерство тебя посадят». Я ей говорю: «Ты же сама к этому причастна и меха сбывала». А она: «Я — женщина, меня пожалеют, а тебе хана».

Алик помолчал, насмешливо зыркнул на Сергея. Тот поймал его взгляд, так и не поняв, серьезно с ним разговаривает гость или разыгрывает.

— Вывел я ее на перевал, помог надеть рюкзак, дал пинка под зад, так любовь кончилась... Так что насчет насилия над человеком это я хорошо понимаю.

Сергей долго молчал. Думал. Алик успел раскурить новую сигарету. Колонист тряхнул лобастой головой, заговорил уверенно:

— В сущности, ты стремишься к тому же, к чему и мы, только определяешь границы в отношениях людей и в их правах договором, а не традицией, как мы. Ты идешь к цели принципиально иным путем — путем индивидуализма.

Но, поживи у нас и, возможно, поймешь, что между нами много общего... И еще: не хвались своими восьмью классами. Образование — дело наживное. К тому же оно у тебя есть, только иное.

Сергей встал:

— Не все сразу... Еще не раз поговорим. Пойдем вниз, тебя ждут.

Ближе к полночи в скальном дворике развели костер. Дети уже спали, все взрослые расселись вокруг огня. Алик привычно вытягивал к огню руки с толстыми мозолистыми пальцами. Анна сидела рядом, чуть слышно напевала какую-то мелодию. Отблески огня метались по мрачным выступам скал. Красными угольками светились глаза кроликов за сетками клеток.

Обнявшись, сидели Виктор с Людой. Алексей, без жены, оставшейся с детьми, шутливо жался к Тане, что-то нашептывая ей на ухо. Она прыскала в меховой воротник тулупчика. Малик, с торчащими из-под шапки наушниками, смотрел на огонь слепыми глазами, качал головой, по крайней мере при Алике он почти не разговаривал; был вежлив и улыбчив, но сторонился всяких попыток наладить дружеские отношения.

Круглая фляга с самогоном приятно холодила живот. Алик встал, шагнул в темень, сделал пару глотков и сел на место, шепнув на ухо Анне:

— Пить будешь?

Она почувствовала резкий запах и неприязненно отпрянула:

— Фу!

В одиночку пить не хотелось — не для того же тащил он сюда флягу. Алик повернулся в другую сторону к Тане, шепнул ей на ухо:

— Бухнешь?

— А есть? — шепотом отозвалась Куколка, едва не коснувшись губками его уха. — У нас сухой закон.

Алик взял ее ладошку, сунул себе за пазуху, где лежала потеплевшая алюминиевая фляжка. Таня с озорными огоньками в глазах, с лицемерно скучным лицом, переждала полминуты, не отвечая на шутки Алексея. Потом встала:

— Принесу чайник! Алик, пойдём, поможешь!

На кухне она вынула из шкафа две чайных чашки. Алик до половины наполнил их самодельным напитком.

— С наступающим!

Таня сделала глоток, другой, сморщилась, передернула плечиками:

— Какая гадость! — просипела перехваченным спазмом голосом. —

Шампанского бы или водки... — Покурить бы еще?! Ладно, потом. Только ты никому, — вытаращила и без того огромные глаза.

Они вышли к огню со своей маленькой тайной, сблизившей их. Горел костер, и падал снег. Не видно было неба, затянутого маскировочной сеткой и снежной пеленой. Сергей, в овчинном полушубке, в высокой цигейковой шапке, какие вышли из моды еще когда Алик был в детдоме, сидел и держал бубен на коленях. Его пальцы постукивали по тугой белой коже, издавал гулкие таинственные звуки.

— Солнце ушло в дальние дали, и закончился год, чтобы начаться снова: любой конец есть зарождение начала!

— Маленькая поправка, — азартно перебил его Алексей. — Солнцестояние есть момент времени, в который солнце проходит по небесной сфере либо через самую северную, либо через самую южную точку эклиптики, что-то плюс-минус около двадцати трех с половиной градусов...

Будто не расслышав его, но с приметным раздражением Сергей продолжал:

— Прошел еще один год нашей жизни в горах. И вскоре начнется следующий. Что принесет он? Нам нужен обильный урожай и дети. Без детей, которых мы должны вырастить и пустить в мир, наши начинания бессмысленны...

— А наша свободная жизнь — эйфория на высоте две тысячи пятьсот три метра? — опять вмешался Алексей. Повернулся к Алику: — Эй, сын леса? У тебя большой опыт жизни среди природы: свобода — это эйфория?

— А что это? — спросил чуть захмелевший чикиндист. Алексей объяснил.

— Нет! — замотал головой Алик. — Свобода — тяжелый труд, риск, это когда тебя каждый мент хочет унижить и растоптать. Короче, как в драке, когда бьют, а ты знаешь, что никто не поможет.

— Ты говоришь об одиночестве, а не о свободе, — возразил Сергей.

— Тут не докажешь. Это все равно, что домашняя и дикая свиньи будут спорить, кто свободней. Домашняя и скажет: кому ты мозги пудришь, у меня гарантированный срок жизни, а тебя и сосунком сожрать могут; мне не надо каждый день думать о брюхе, о ночлеге, я сплю в тепле... Каждому свое, как тут докажешь.

Виктор улыбнулся, взглянув на Алика, и что-то шепнул Людмиле. Алексей рассмеялся:

— Ой, молодец! Мы тут спорим месяцами, а ты нам мозги вправил и сразу все объяснил.

— Бр-р! — передернула плечами Аня. — Кому нужна такая свобода и для чего?

— Чтобы быть вольными и жить, — робко обнял ее Алик, стараясь не дышать.

— Алик! — возмущенно вскочила Таня. — Думала хоть ты не философ, не болтун. Как вы мне надоели. Давайте включим музыку и потанцуем.

Ее муж сбросил лопухи наушников, переспросил, чего от него хотят, и с радостью выполнив предложение:

— Вынесем колонки! Один момент, я сам все сделаю.

— Алик, пойдем со мной, — потянула чикиндиста за руку Таня. Они опять оказались на кухне.

— Что от мужа прячешься? Зови! — Алик тряхнул флягой и снова разлил на две чашки.

— Это он не будет пить. Водку бы или спирт. И вообще... Прибереги — на двоих в самый раз.

В распахнутом тулупчике она выскочила во дворик, бросила горсть снега в лицо Алексею, схватила бубен, закружила вокруг костра, споткнулась, упала, хохоча.

Сергей схватил ее за руку:

— А ну, дыхни!

Таня задергалась, вырывая руку:

— Пусти, дурак!

И тут выстрелом в тишине прозвучала пощечина. Таня пискнула, бросилась, целясь ухватить Сергея за бороду, он оттолкнул ее. Она осела в снег под окном, но тут же вскочила и юркнула за дверь.

Сергей сел. Руки его дрожали, лицо было бледным и смущенным.

— Я всегда говорил: пьянство и община несовместимы. Мы погубим и себя, и идею, — голос его срывался. Слова эти предназначались для Алика.

Недобрая усмешка расплылась по лицу Виктора.

— Так что ты там говорил про свободу личности? Лучше всех знаешь, как сделать нас счастливыми? — Вдруг он с кошачьей ловкостью метнулся к распахнувшейся двери. В проеме стояла Таня с обрезом. Тот самый — узнал Алик. Прогрохотал выстрел, завизжала, рикошета по скале, размазываясь по ней, дробь. Алик пригнулся, телом прижав к земле Анну. Сверху лавиной обрушился снег, накопившийся на маскировочной сетке.

Алик поднял голову, стряхивая с волос снег. Грохот выстрела еще звенел в ушах. Сергей, белый и припорошенный, дрожащими руками искал на лице очки. Его жена с воплем бросилась на Татьяну и наткнулась на Виктора, держащего обрез за теплый ствол.

— Повеселились?

— Повеселились! — громко и спокойно сказала Людмила. Встала, прямая, гордая, отстранила мужа от двери.

— Она могла тебя убить! — в истерике билась жена Сергея.

Алик, довольный устроенным скандалом, тоже оставил костер, вошел в зал следом за Анной, выскользнувшей у него из-под руки, встал возле погасшего камина. Не замечая его, вошел Виктор, перепрыгивая через две ступеньки, мягко взбежал по лестнице на второй этаж.

Алик придвинул кресло, сел. Остро пахло теплой золой. Хмель проходил, в ушах все еще звенело. Лишь мгновение при свете костра он видел Татьяну с обрезом. Но уже по тому, как она его держала, как поднимала, прицеливаясь, бросался в глаза навык к оружию. «Неужели она, Куколка?»

Алик встал, поднялся в свою комнату. Здесь было тепло и уютно. Под абажурчиком из блестящей жести горела маленькая лампочка. Во фляге булькало — оставалось еще не меньше половины. Алик поискал глазами посуду — не было. Открыл шкаф. Надписи на планке не было — чуть приметен был след от скобления.

В дверь постучали. Он сунул флягу под подушку, открыл, разочарованно вздохнув, пропустил Татьяну.

— Анку ждал! — то ли спросила, то ли заявила она, и в глазах ее полыхнул высокомерный холодок. — Анка — натура тонко чувствующая, глубоко переживающая, это только я могу все терпеть. И вообще, — ухмыльнулась подкрашенным ротиком, — не придет твоя Анка, у нее... мигрень... У тебя что-нибудь осталось?

Алик вытащил из-под подушки флягу, потрянул ею возле уха.

— стакан бы?!

Татьяна вышла и вскоре вернулась с кувшином напитка, с пухлой лепешкой и с двумя чайными чашками.

Алик разлил самогон, посмеиваясь:

— А ведь ты могла замочить этого гуся, как пить дать!

Татьяна плутовато улыбнулась. Веселое настроение возвращалось к ней:

— Пугнула бы, и все дела. А ты уже подумал наверное, что я зоолого-патологический убийца. — Она помолчала, держа чашку в руке, кокетливо вздохнула:

— Все вы, мужики, сволочи! Если бы не Файка да не Витька, он бы у меня на коленях прощения просил.

— Будто вы, бабы, не сволочи? — чокнул чашкой о чашку Алик.

— За сволочей, которые хотя бы не прикидываются альтруистами!

Алик выпил, крякнул, отщипнул кусочек лепешки.

— Я не все заумные слова знаю — институтов не кончал?

— А это вроде Сереги, — тряхнула она милой головкой. — На словах — сама любовь, а на деле — сам видел... Неудачники любят поучать и воспитывать.

— Веселая у вас компашка. Сначала казались мне такими благочинными, как богомольцы, а потом — как все. — Он закурил. — Меня не удивишь. Жизнь потеряла. Сызмальства этого коллективизма хлебнул. В летнем саду бывало кино гонят — надо успеть место на дереве занять — значит, без ужина остался. Ночью придешь, есть хочется, лезешь в хлеборезку, а там уже ждут воспитатели. И по морде тебя твоим куском: у кого ворует, у себя ворует, тебя народ кормит-поит, а ты? Треплются-треплются, потом нагребут нашей же жратвы полные сетки, тебя подзовут: «Отнеси ко мне домой!» — И твою же конфетку тебе за работу.

Мы тоже, как вы, жили дружно, одной семьей, — криво усмехнулся он. — В седьмом классе подрался я с дружком, тот и кричит: «Да ты, Алик, нерусский — я сам видел твои документы». Я ему не поверил сперва, а потом узнал — и вправду не Константинович, а Кошибаевич. Паспорт получать, думал-думал: ну, кто я! Поставил в графе прочерк. Мне и написали — «русский».

С умыслом все это рассказывал Алик, хитрил, поглядывая на «куколку», пытался навести разговор на внутренние их раздоры.

— Мне б твои проблемы, — вздохнула Татьяна. — Чепуха все это... Все люди братья — произошли от обезьян. Все устроится, и будет Анка твоя. Она у нас одна без пары — мутит воду...

— Не такая уж и чепуха, — скрипнул зубами Алик, — я пятый пункт тонко чувствую, не то, что вы — с виду чистые русские, а в душе — кызылбаши!

— Это что такое? — спросила Татьяна.

— Казахи да киргизы так строителей коммунизма называют — дескать, без роду, без племени. Меня всю жизнь за мою рожу да за паспорт под такого подгоняют... Малик-то твой — все молчит при ваших базарах про древнерусские дела, а черные глазенки ой как недобро поблескивают. Будут у вас еще разборки. — Он резко мотнул головой и спросил вдруг: — Стрельбой занималась?

— Кто, Анка? — кукольные глаза в пушистых ресницах метнулись по стене, по потолку и вернулись к Алику в своей прежней ясности, с холодной запрятанной насмешкой.

— Соблазнить тебя вместо Анки, Алимбек-кызылбаши, или не надо? — притворно зевнула она, игриво потягиваясь.

— Спросила бы сначала, захохочу ли с тобой? — усмехнулся Алик. — Шибко не люблю, когда за меня решают и это.

— Да?! — откровенно кокетничая, придвинулась к нему Татьяна, коснулась его плеча грудью, не мигая посмотрела в глаза. — Неужели? А я всегда думала, что это мы, женщины, за вас все решаем...

Что-то предательски дрогнуло в душе — дурное желание, глупая надежда. И эта растерянность отразилась в его звериных глазах: светло-коричневых, почти желтых.

— Запросто! — оттолкнулась от Алика женщина, заметив слабинку. — Только не хочется... Да и спать пора! — Она вдруг рассмеялась, встала и шагнула за дверь.

Утром постучали. Алик поднялся и сел в постели. В голове чуть-чуть шумело от выпитого вчера и слегка подташнивало.

— Заходи! — кашлянул он, морщась от сухости во рту.

Вошел Сергей. Длинные волосы и борода его были аккуратно расчесаны.

— Алик, спустись, пожалуйста, в зал к завтраку. Это очень важно, по крайней мере, для меня.

За столом сидели все, даже Борька с Глебкой, и как-то странно улыбались. Алексей тараторил без умолку — веселил народ.

— ...А как еще баб воспитывать? Намочить лозы с осени, спустить штаны или задрать юбку, и по голому задку: мол, люблю тебя, милая, потому и деру, чтоб лучше стала... Мне, может, каждый вечер выпить хочется, а потом Свет Ванну, — потянулся к жене. — Свету сам воспитал, ванну сам сделал, — каламбурил напропалую Алексей.

Сергей поднялся:

— Я был не прав. Ты, Таня, прости меня. Больше такого повторится не может: мне очень стыдно.

— Квиты! — хохотал Алексей. — Чуть не пристрелила баба мужика. Фая, ты мужнины штаны проверяла? Сыры не были?

Сергей жалко улыбнулся.

— Я был не прав. Но и сейчас скажу: если в нашу жизнь войдет спиртное — это конец. Лучше сразу разбежаться, чем ждать развала... — И к Алику: — Ты человек новый, у тебя свои привычки... Мы всегда, конечно, рады видеть тебя, но постарайся не приносить спиртного.

Ведь прекрасно жили до вчерашнего дня. Разобраться — всему виной алкоголь и только он... — начал было с прежним азартом заводиться Сергей и умолк, будто натолкнулся на преграду. — Ты прощаешь меня, Таня?

Она непринужденно кивнула, рассмеялась:

— В следующий раз распустишь руки — не промахнусь!

— Договорились!

— Целоваться! — хохоча, закричал Алексей. За столом смеялись, стучали ложками, ладонями, кулаками:

— Це-ло-ва-ть-ся!

И даже муж ее, Малик, что-то возбужденно говорил, улыбался, но черные глаза порой попыхивали холодом и настороженностью. «Что-то держит на уме, — подумал, наблюдая, Алик. — Давно, наверное, камушек за пазухой припас».

Не верил он им, но после вчерашнего ночного разговора с Татьяной не такой ждал развязки. Даже зевнул от тоски. Подумал: надо сматываться. Спроси его: с какой целью явился? Сказал бы: звали! Но самогон, веревка, бинокль в рюкзаке — все это было не случайно и обратный путь вычислен. Виной всему — азарт и любопытство, развитые за долгие годы жизни среди природы. Снайпер был одной из загадок и, пока ей не было объяснения, Алику было как-то не по себе: будто заноза сидела под кожей.

Он напомнил Виктору об уговоре: теперь они охотятся на пару, проверяют петли и капканы по очереди. Через несколько дней колонист должен был начать свой первый самостоятельный обход. Алик же стал собираться домой. Обратный путь был выбран за «Спиной Динозавра» к перемычке, затем через хребет и по глубокому снегу — спуск в Кудалау.

Он вышел на перемычку. День был ясный: свежий снег и солнце слепили глаза. Колонисты с детьми отправились наряжать елку на склон. Они не рубили деревья, поклоняясь только живому. «Потеха!» — не то раздраженно, не то удивленно думал Алик.

На перемычке он бросил рюкзак и стал осматривать в бинокль крутой склон гребня. Верхняя его часть была завалена причудливыми сугробами. Склон был припорошен вчерашним снегом. Это была почти отвесная стена. Добраться по ней к жандарму казалось невыполнимым. Даже если среди колонистов есть скалолазы, путь этот потребовал бы много времени. Или... Стрелок шел по гребню у всех на виду. А следовательно, о нем должны знать все.

Алик выбрался из ущелья в долину реки и сквозь шум воды услышал рокот машины. На всяких случай он слегка изменил маршрут, направляясь напрямик к скотопрогонному мосту, на котором были сложены мешки с эфедрой. Он не ошибся: машина выползла на заметенную снегом дорогу и остановилась. Шофер, заметив чикиндиста, даже не стал сигналить: высунулся из кабины с улыбкой на лице.

— Повезло, что ты уже здесь, ночевать не придется. Мигом загрузимся, и назад! К полуночи будем в городе.

Возле моста шофер заскочил в кузов, стал швырять на снег связки мешкотары. Последним перекинул через борт тяжелый, перетянутый веревкой мешок.

— Это тебе, хлеб!

— Вроде не просил?! — подхватил тюк Алик.

— Сосед твой заказывал. Мимо проезжаю, а его уже нет: в город смотался на праздники... Возьми, сухарей насушишь. Не везти же обратно.

Алик перетаскал мешкотару под мост, в сухом месте подвесил хлеб. Надо было сходить в избушку и накормить кошку. Но шофер поторапливал — боялся ехать через перевал в потемках. «Не сдохнет», — подумал чикиндист. Одет он был по-городскому — для Анки старался. Документы при себе. Вдвоем они быстро загрузили машину и выехали в город.

Все было как всегда: первое ослепление разрисованными новогодними витринами, конфетти и серпантином, желание слиться с праздничной толпой. И снова город, равнодушно обнюхав чужака, швырнул его на обочину своих сияющих проспектов. Алик вернулся бы на участок через неделю, но нужно было разделаться с бумажными делами, до которых придирчив местный участковый.

Второго января он явился в контору за новым договором: нижняя губа его была разбита, под глазом красовался синяк, другой глаз и вовсе заплыл. Алик толкнул было дверь управляющего, но там теперь была бухгалтерия. Индеец переехал в самую большую и светлую комнату. Против входа стояла полированная мебельная стенка с пустующими книжными стеллажами, на которых вкривь и вкось были пристроены несколько пропыленных томиков Ленина, уголовный и гражданский кодексы. В углу — старинный литой сейф, на нем, как положено — портрет вождя. За полированным столом сидел сам Индейкин, без бороды, в костюме и с синяком под глазом.

— С Новым годом, Алик! Что тебе подарить? — управляющий схватил со стола пачку «Беломора» — Возьми хоть это, — швырнул чикиндисту. — Вижу, погулял на славу!

Алик сел, устало вздохнул:

— Все, что хотел, получил: пил, дрался, был в вытрезвителе... И все удовольствия в три дня и за шестьсот рублей.

— Да? — откинулся на спинку кресла Индеец. — У тебя талант... Ну, поделись, куда деньги деваешь?! Да за шестьсот рублей в лучшем ресторане, с юными шлюшками, через гостиницу... Еще бы шампанским наутро опохмелили и на такси в контору привезли...

— Чем делиться? — хмуро пробубнил Алик, трогая пальцем коросту на губе. — Стою на остановке, при деньгах, трезвый. Встречаю корешка — в детдоме в одной комнате жили. Взяли по одной, сели у него дома. Друзья пришли. Я дал денег на ящик — не бегать же сто раз в магазин. С одним из той компании мой знакомый сидел в Семипалатинске: такой из себя крутой, но я-то знаю, кем он был в зоне. Ну и сказал, что о нем думаю. Потом мы с ним дрались, после они меня почему-то все пинали, очухался — в вытрезвителе. Говорят, на улице подобрали... Ты-то как фонарь заработал?

— Пускай не лезут! Налаживал деловые связи... Поскользнулся, упал... В райком звоню, говорю, не могу больше на такой работе: что ни достань, везде пить надо. Сопьюсь! А мне говорят: вылечим, а потом выгоним, — Индеец вскочил, раскланялся: — Здравсьте, Марья Ивановна. С праздничком, здоровьица вам в Новом году!

В дверях стояла пожилая уборщица с ведром и шваброй.

— Бок болит, — пожаловалась с серьезным видом.

— Так отлежались бы, тут я и сам могу подмести...

В кабинет влетела полная женщина в очках и собольей шапке.

— Александр Васильевич... Безобразие! С утра в слесарке пьют, — боком меж стульев стала пробираться к телефону. — Я им так и сказала, сейчас вызову милицию.

Глаза управляющего строго блеснули.

— Кто? — спросил он .

Женщина-бухгалтер назвала фамилии старых чикиндистов.

— Сходите в столовую, купите закуски и отнесите им... Надо помнить, за чей счет мы с вами получаем зарплату.

Бухгалтер выскочила из кабинета, а управляющий, с чувством исполненного долга, опустил голову и стал заполнять договор, бормоча под нос данные из паспорта Алика.

— Выгонят тебя! — серьезно сказал Алик. — Хорошо еще если не посадят. Гляжу, вокруг уже одна торговая чернота вьется, из шашлычников ты их набирал, что ли?

Управляющий поднял бритое лицо с лиловым синяком. В темных глазах мелькнул фанатический блеск:

— Зато к любому чикиндисту приду, скажу — обнищал, дай на твоём участке машину эфедры нарежу — не откажет. Никому из своих плохого не сделал.

— Да уж, — придерживая пальцем разбитую губу, криво улыбнулся Алик. — С твоего кресла на волю еще не уходили.

— Буду первым! — отрезал Индеец и протянул договор, закрепляющий за Аликом участок на следующий год.

6

От последнего в долине реки казахского села почти до лесного кордона Алик доехал на попутной машине — везло ему в новом году. До избушки оставалось часа три ходьбы. К тому же колею машины, вывезшей эфедру, еще не замело, идти по ней было легче, чем по сугробам.

Засветло он добрался до моста и, наверно, в этот день не полез бы под него за оставленным хлебом, но увидел на снегу странные следы: ни куница, ни белка... Следы эти уходили под мост. Алик сбросил рюкзак и заглянул туда.

— Мяу! — раздалось из полумрака.

— Кис-кис! Ты, что ли?

Кошка вылезла откуда-то из-за венцовых бревен на свет, отчаянно заголосила, с обидой и укором. Алик протянул руку, подманил ее:

— Иди сюда, иди! Ну, не ори, бичовка... Всего-то полмесяца посидела одна.

Он сунул кошку за пазуху, удивляясь, что она ушла от дома так далеко. Хотел прихватить с собой пару булок хлеба, но мешок был пуст, а в нем продрано отверстие диаметром как раз по кошке.

— Ничего себе! — Алик удивленно вытряхнул на снег последние крошки, заглянул в круглые кошачьи глаза, ощупал живот. — Пятнадцать булок захавала. Да куда в тебя влезло?

Он спустился к воде и тут нашел множество следов, незаметных сверху. Кто только не подкармливался из мешка: и мыши, и сойки. Приходили горностаи.

В избушке было холодней, чем под открытым небом. И все же Алик не стал сразу разжигать промерзшую сырую печь: сел на нары, закурил — наконец-то он был дома.

Темнело. Жарко потрескивала печь, светила керосиновая лампа, булькал в кастрюле последний, иссохший и вымерзший кусок кабанятины. Кошка, успокоившись, свернулась на спальном мешке и громко мурлыкала, изредка поднимая настороженную голову, отрывисто мяукая и содрогаясь после пережитого. За стенами холодало. Яркие звезды высыпались на черное небо. Алик выходил на крыльцо, задирает голову к Большой Медведице, заглядывал с мороза в свою теплую конуру с мерцающей лампой, на душе было покойно и радостно.

Широким ножом он накрошил в миску лука, залил его кипящим бульоном, лезвием зацепил из кастрюли кусок мяса. Суетливый и скандальный город был далеко, визит вспоминался как что-то давнее и ненастоящее.

Через день Алик собрался на охоту: откопал спрятанную двустволку, очистил ее от ржавчины. Заодно решил проверить петли и капканы: если Виктор и обходил их неделю назад, стоило подстраховаться — он мог что-то забыть. ЧикинDIST пошел вниз левым берегом реки. Здесь, на солнечной стороне, снег уже стоял, но ручей, где стояла первая группа капканов, был в свечных наплывах льда. Здесь среди кустарника он нашел след Виктора. Чуть ниже наткнулся на волчьи следы. Стая шла прямо на капканы и вдруг повернула в сторону. Косолапя, по-звериному склоняя к земле голову, будто вынюхивая путь, Алик зашагал по следам стаи, распутывая маленькую лесную головоломку. Когда все прояснилось, сел, закурил.

Выходило так, что стая шла снизу, наткнулась на марала и погнала его вверх по склону. Устроив прогон в пару сотен метров и не найдя изъяна в беге животного, волки отказались от погони, но спустились к берегу уже выше того места, где их ждали капканы.

На следующий день Алик пошел вверх по реке по левому берегу, переправился через русло и, проваливаясь в сугробы, зашагал по пади. В тех местах, где весной так хорошо ловилась рыба, были лед и снег — плотный на открытых местах, рыхлый под елями. У излучины речки, там, где черной водой парила большая полынья, следы рассказывали смешную историю. Две рыси — коты, встретились у переправы — обледеневшего круглого бревнышка, переброшенного с берега к берегу. Коты потоптались на месте, грозя друг другу с разных берегов, не решаясь перейти в чужие уголья. Наконец тот, что понахальней, ступил на переправу и чуть было не перешел на чужой берег. Соперник испугался и отбежал за деревья, но смельчак сорвался и упал в воду — на снегу видны были отпечатки его мокрых лап. Трухнувшего кота купание противника так вдохновило, что он скреб кору на ближайших деревьях, делал огромные скачки. Глядя на отступавшего соперника, он тоже вскочил на бревно переправы и тоже вылез на берег мокрым и присмирившим.

Алик подошел к переправе, потрогал бревно. Его концы неустойчиво скользили на камнях. Под тяжестью зверя ствол проворачивался под лапами. Алику представилось вдруг лицо Виктора, провалившегося в студеную воду, и он расхохотался на весь лес, кривя поджившую губу.

По пади стояло больше двадцати петель из стального троса. В тенистых местах хорошо сохранились лунки следов Виктора. Ступая в них, Алик вышел из леса и увидел на снегу круглые отпечатки лап барса. Зверь шел вдоль вытянувшегося на солнце, подмытого течением склона, в заросли кустарника, туда, где стояли петли.

— Куда ж тебя несет?! — пробормотал охотник и зашагал быстрее.

Издалека он увидел в кустарнике растерзанного волка. Даже приличного куска шкуры, чтобы получить вознаграждение, на нем не осталось.

— От ко-озел! — в полный голос ругался чикиндист. Не задерживаясь возле кровавых останков, пошел дальше по следу барса и увидел его под берегом. Он прятался возле корней засохшей как камень осинки. Видны были только круглые аккуратные ушки и блестящие глаза. На всякий случай, держа пальцы на курках, Алик подошел к нему метров на пять, выглянул из-за ствола березки.

— Что, влип, ишак?! Мешал тебе мой волк, да?..

Барс зарычал, оскалив белые острые клыки.

— Пристрелить бы тебя, да ведь посадят за твое благородие.

Барс, мигнув круглыми кошачьими глазами, снова зарычал, глядя на охотника. Он влез в петлю головой и одной передней лапой. Алик сел напортив, положил ружье на колени, закурил, прикидывая, что перестрелить стальной тросик можно, но сделать это надо было как можно ближе к туловищу, чтобы зверь не запутался еще раз где-нибудь в кустарнике и не удавился. Если кто-нибудь найдет его полуразложившийся труп и настучит, после не отбрешешься: твоя петля — тебе и сидеть за злостное браконьерство. Конец троса был закреплен за корявый комель окаменевшей осины. Чтобы перебить петлю, нужно было дать ей натяжку. Барс даже не намотал ее на ствол: нашкодил, попался и сидел не дергаясь.

Алик выломал дубину, ругаясь, подошел к зверю, ткнул его в спину. Барс обернулся, сделал неловкий выпад. Охотник слегка огрел его по голове и снова ткнул в бок. Барс накрыл голову лапой, прижался к комлю и зарычал. Алик даже вспотел, но, надавав тумачков и тычков зверю, заставил его три раза обойти вокруг осины, наматывая поводок петли на комель. Затем он отошел в сторону, вытер лицо рукавом, вложил в один ствол пулю, в другой патрон с картечью: этот патрон был стар, с пятнами зеленой окиси на латунной гильзе. «Если придурок кинется, а патрон даст осечку? — подумал Алик, сплюнул. — Хреново будет!»

Он укрылся за березкой, сунул нож за голенище сапога, намотал куртку на левую руку и выстрелил с трех метров по натянутому тросику петли. Барс сжался в комок от выстрела, дернулся и почувствовал, что свободен. Мгновение он лежал, растянувшись на камнях как толстая пятнистая змея. Потом вскочил на короткие крепкие лапы, прижимаясь к земле, мелкими шажками отбежал в сторону, скакнул раз, другой и пустился во всю прыть. Алик сунул два пальца в рот и засвистел. Этот миг стоил того, чтобы жить, даже досада из-за разодранного волка проходила.

В верховьях пади он вновь остановился, слегка ошеломленный: точно помнил — ставил петлю меж трех молодых елей, а ее не было. Подошел ближе — покусанные ветки, потертая кора, капли крови. Явно здесь сидел волк и был снят неделю назад Виктором. Почему он так старательно замаскировал это место? Почему снял с дерева остатки запутанной петли? Хотелось верить, что компаньон сделал это по природной своей аккуратности. Но настроение падало: слишком много в прошлом случалось распрей из-за копеечной выгоды. Не денег было жаль — товарища.

Виктор пришел вскоре после выпавшего снега. Алик рубил дрова возле избы: шапка набекрень, из-под нее рассыпались по плечам густые волосы, из-под жилета торчала рубаха, из сапог — портянки. Он услышал, как загремел на тропе камень, выпрямился, воткнул в чурку топор. В добротной ватной куртке, в кроличьей шапке из-за елей вышел Виктор и странно улыбнулся. Из-за его спины выглянула Аня. Алик в первый миг не узнал ее: в пуховке, в шерстяной шапочке она походила на мальчишку.

— Проходите, чай еще горячий. — Он пропустил гостей вперед, а сам торопливо стал заталкивать подол рубахи за пояс, застегивать брюки, висевшие на одной пуговице.

Они сели на нары не раздеваясь. Алик недавно сделал приборку и ему казалось, что в избе чисто. Но, увидев, как Аня украдкой огляделась вокруг, он вдруг посмотрел на свое жильё ее глазами: засаленные одеяла, спальник, черная от сажи посуда.

— Ты не смотри, что она не блестит, — кивнул он на кружку, наливая чай. — Снутри у меня все чистое.

Виктор улыбнулся, взглянув на женщину, она решительно поднесла кружку к губам, а он расстегнул куртку, вытащил из кармана деньги.

— Твоя доля. Я волка поймал.

Алик сгрэб пятерней деньги и, не считая, бросил на пыльную полку. Оттаял стывший в груди комок.

— Волчара уже околевший был?

Виктор, отхлебывая мелкими глотками наваристый чай, кивнул.

— А как обдирал?

— Пришлось к себе тащить, оттаивать... Здоровый был кобель. Лешка купил шкуру. Тебе ведь все равно, кто платит?!

— Все равно! — загромыхал чайником Алик. — Я неделю назад был в Арналау. За осыпью в петле барс волка в клочья разорвал. Я его из петли вынимать не стал. Внимательно там все осмотри, чтоб чего не подумал. Отпустил я барса. — И Алик в лицах стал рассказывать о встрече со зверем. Виктор слушал внимательно, пока чикиндист не начал повторяться. Потом взглянул на часы:

— Пойду проверю капканы. К вечеру вернусь.

Он ушел. Алик остался с Анной.

— Надолго в гости? — спросил, снова закуривая: наедине с ней он почувствовал себя неловко. Ей тоже было отчего-то не по себе. Она, не ответив, кивнула неопределенно и сбросила пуховку.

— Принеси воды, а я тебе посуду помою... Могу блинов напечь, хочешь?

Она опять была новой: не такой, как при последней встрече: расторопная хозяйка, простая и деловитая. «С такой бы иметь общих детей!» — подумал он, вскочил с нар.

— Какой разговор? — засуетился. — Варить, посуду мыть, стирать — самая тяжелая для меня работа. И блинов я давно не ел.

За время снегопада он спалил почти весь запас дров и теперь взялся за их заготовку. Печь топилась непрерывно: Анна сварила обед, выстирала вкладыши от спальника. Алик время от времени заходил в избушку погреться, присаживался,

незаметно наблюдал за ней: красивой, молодой, влекущей женщиной из другого, чистого, аккуратного и вежливого мира. У него никогда не было таких женщин. Алик бросал затаенные взгляды на ее белое лицо с правильными чертами. Уже полдня они были вместе, но неловкость не проходила. Он был в растерянности, догадавшись вдруг, что почти никогда не сближался с женщиной в трезвом виде. Чтобы устранить эту отчужденность, нужно было выпить, но не было даже одеколона. Будь у него водка или хорошее вино, может быть, все бы и встало на свои привычные места.

Темнело. Алик протер стекло лампы, зажег керосинку. Он накурился до одеревенения языка и чая напился до оскомины, но непринужденного разговора не получалось, хотя все время что-то говорил, а Анна, внимательно слушая, ускользала от его взглядов, которые становились все пристальней. Перебрасываясь словами, после ужина они лежали на нарах не касаясь друг друга, прислушиваясь к звукам за стенами. Оба почувствовали облегчение, услышав шаги Виктора.

Утром Виктор ушел рано. Сам затопил печь, разогрел завтрак и притворил за собой дверь. Потом Анна встала и загремела посудой. Алик снова проснулся, раздумывая, чем бы заняться.

— Э! — пробормотал, закуривая натошак. — Да ведь сегодня новый год по старому стилю! Встретим?

— Встретим! — улыбнулась Анна.

— А что будем пить?

— Чай!

Алик полежал, почесываясь, глядя в потолок, набранный из жердей.

— На охоту, что ли, сходить? Подстрелить бы тетерева или куропаток нащелкать. Если их по уму, да с жиром испечь, ничего вкусней не бывает.

Он позавтракал и стал собираться, чтобы опять не оставаться с ней наедине.

— А тебе не будет скучно одной? — спросил.

— Нет. Иди. Я читаю. У тебя много хороших книг. Откуда они?

— Из библиотеки! В селе почти никто не читает по-русски. Поэтому и книг хороших много.

Он прошлялся по склонам гор до полудня, вошел в теплую прибранную избушку с радостным предвкушением, что в ней тепло, не одиноко и готов обед. Анна, в ярком свитерке, сидела на нарах, каштановые волосы были расчесаны на прямой пробор и рассыпались по худеньким плечикам. Впервые ее ускользавший взгляд встретился с его светло-кариими, по-волчьи настороженными глазами. Он вдруг впервые увидел ее в упор, так, что лицо врезалось в память и, наконец, запомнилось.

— Не скучно? — спросил, переступая порог. Она поднялась с нар, непринужденно подалась ему навстречу, так, что у него промелькнуло желание обнять ее. Он скинул потрепанную куртку, вывалил из рюкзака десяток выстывших куропаток, сел ближе к печке.

— Завари-ка чайку покрепче, — обронил непринужденно.

Вскоре незаметно стемнело, высыпали звезды. Алик, переодетый в чистое, умытый, бросил на плиту зеленую ветку можжевельника, изба стала наполняться терпким ароматом. Анна потыкала ножом тушки, уложенные на сковородке одна к одной.

— Еще семи нет, — сказала вздохнув. — Почти год живу в горах и все не привыкну к этим долгим вечерам. — Она села рядом с Аликом, не настолько близко, чтобы коснуться его локтя, безнадежно и потерянно опустила плечики, зажав коленями ладошки.

Тронутый нахлынувшим сочувствием к этой странной женщине, Алик осторожно обнял ее, и она покорно положила голову ему на плечо...

— Так зыбко все, ненадежно! — прошептала со слезой. — Не по-настоящему. — Закрывая глаза, она подставляла Алику шею, щеки и прятала губы. Куропатки стали подгорать. Анна легко высвободилась из его рук — он ее не удерживал, — убрала сковороду, сняла свитер, оставшись в красной мужской рубашке, легла лицом вниз на чистый белый вкладыш.

— Расскажи мне о себе, — попросила.

«Я родился в Сибири в семье рыбака...» — дурашливо запел было Алик и осекся, взглянув на ее незащитные плечики. Сказал серьезно: — По мелочам-то я тебе все уже рассказал. А по жизни: первые пятнадцать лет — в детдоме, потом два года в ремеслухе, после сразу армия. А с двадцати лет так и живу. Пару раз, правда, с дуру, заносило в города, но не надолго: и года не выдерживал. Ну, что еще? В детдом попал вроде из Уйгурского района, по паспорту — черте что. До шестнадцати лет фамилию как только не писали, после в паспорт внесли — хорош, думаю: пусть такой и остается. На морду — явно не уйгур, не казах, не кавказец, вроде как хреноватый, но русский. А кто и сам не знаю... Наверное — сын леса, как Лешка говорит...

— Ты был женат? — спросила она, уткнувшись лицом в спальный мешок.

— Много раз! — Об этом Алик мог рассказывать долго, с юмором, и он, ухмыльнувшись, собрался уже начать повесть о своих любовных похождениях, которые вспоминать любил, но Анна вдруг всхлипнула:

— Неужели тебе не страшно одному в лесу?

— Кого же здесь бояться? — удивленно осекся он: — Звери не люди — ради забавы не убивают и не бьют! Если знаешь их повадки — никто тебя не тронет. В лесу хорошо: надежно и спокойно.

Алику страстно захотелось загасить лампу и прижаться к женщине. Он положил ладонь ей на спину, ткнулся лицом в теплое плечико. Она не пошевелилась, не отозвалась, а ему так не хотелось принуждать ее к ласке или напрашиваться на нее.

Он встал, подбросил в печку дров, надел сапоги и вышел в одной рубашке нараспашку. Свежий морозец ожег кожу и колко вошел в грудь. Свет окна чуть освещал затянутый льдом ручей, толстую черную ель. Мерцали звезды. Тихо, сонно этот миг переходил в другой год по какому-то иному исчислению.

Когда он вернулся, Анна уже разделась и, завернувшись во вкладыш, лежала молча: то ли дремала, то ли не хотела говорить. «Ну что ж? — без досады подумал он. — Пусть все будет само собой, как тогда, на озере. Или вообще ничего не

будет». Навязчиво вспомнились гнусные городские забавы, немыслимые на трезвую голову, пьяные разговоры и разборки, пьяные чувства. Он мотнул головой и лег на нары вверх лицом, не гася лампы. Даже не укрылся. В избушке было тепло. Вспоминались женщины, с которыми жил в горах: в Джунгарии была китайского вида бабенка, ласковая, как котенок, женственная — даже слишком. Алик купил ее в Чулакской бригаде за литр водки. Вернее, она сама пошла за ним, а он заплатил выкуп.

От ее ласк он и на работу перестал ходить. Приласкала, обстирала, накормила и ушла: или не нашла в нем то, что искала, или, устроив праздник, унесла свое гибкое тельце и черные глаза к другим отчаявшимся и застывшим в своем одиночестве. Алик и не искал ее — понимал, всегда так жить нельзя.

Была сбичевавшаяся татарка, забывшая свое настоящее имя и прежнюю жизнь, — работающая и деловая баба — пока трезва. Но с ней ни разу не выстаивала и трех дней брага. Эта ушла с деньгами за продуктами и пропала — побоявшись вернуться ни с чем.

Алик открыл глаза — неужели задремал? Аня сидела, свернув обнаженные ноги калачиком, и пристально смотрела на него. Он придвинулся, приподнявшись на локте, обнял, коснувшись лицом ее груди. Ткань рубашки потрескивала, цепляясь за облупившуюся кожу на мозолях рук. Боясь сделать ей больно, Алик бережно прижал ее к себе и подумал, обращаясь к своему богу — бестелесному лесному духу: «Сделай так, чтобы ей было хорошо».

Он проснулся поздно в протопленной избушке. Анна с короткой косичкой на затылке, в свитере, разогревала чай и остатки ночного пиршества. Алик по привычке потянулся к сигаретам.

— Не кури натошак! — она присела рядом. — Мне сегодня надо вернуться. Проводишь?

— Что так? — удивился он. Казалось, все было так хорошо. В полночь, прижавшись друг к другу, они ели куропаток и пили чай. Она и уснула на его груди...

— Надо, Алик! Не обижайся, мне с тобой хорошо... Мы еще увидимся. Да и Витька сегодня вернется, мало ли что потом Людке придет в голову.

Алик вытащил из банки окурок, чиркнул спичкой:

— А мне показалось, вы так любите друг друга, — усмехнулся он.

— Да уж... Двенадцать сволочей в одной камере — какая любовь? — сказала она с жесткой усмешкой, но тут же отвела похолодевшие глаза, ткнулась лбом в его плечо: — Давай заработаем денег и уедем куда-нибудь...

— Зачем? — он удивленно пожал плечами. — Хочешь я тебе настоящий дом построю... А ты мне родишь пять сыновей и пять дочерей, похожих на тебя. А что, я в лесу всегда деньги заработаю, было бы для чего.

Она вздохнула, улыбнулась, ничего не ответив на его робкое предложение.

— Кстати, — отстранилась, глядя в сторону, — займи мне пятьдесят рублей.

Алик, пошарив рукой на полке, протянул ей смятые деньги.

— Бери все. До весны я все равно в город не поеду! А ты куда собралась? У вас-то там, — кивнул на гору, — деньги зачем?

— Они везде нужны, — суховаато отрезала Анна. В глазах ее вспыхнул и затаенно погас знакомый блеск, характерный для глаз хронических алкоголиков. Она смущенно опустила голову, будто догадалась, что замечена в чем-то непристойном, аккуратно положила деньги в карман куртки.

Алик проводил ее до кулуара, помог пристегнуться к беседке. Почти всю дорогу она молчала, а прощаясь, оживилась, и даже как-то запросто хохотнула:

— А ты действительно похож на медведя!

Первым делом Алик поставил за печку флягу с дрожжами и сахаром. Виктор пришел через пару дней, мрачный и усталый.

— Есть что-нибудь? — с порога крикнул Алик, увидев его на тропе.

Он поднял руку, показывая два растопыренных пальца, тяжело ввалился в избу и бросил у порога рюкзак. Алик весело подкинул дров, поставил чайник на огонь, вытряхнул на пол две волчьи шкуры, стал их рассматривать.

— Стрелял? — сунул палец в пулевую дыру.

Виктор хмуро кивнул. Веселым его и прежде нельзя было назвать, но тут в угрюмости было что-то иное. «Неужели насчет барса что-нибудь заподозрил?» — смутился Алик, но расспрашивать об этом не стал.

— Пить будешь? — кивнул на флягу. — Молодая еще, но можно уже, если душа горит. После переходов хорошо пьется.

— Буду! — Виктор бросил на полку шапку.

Алик нацедил ему литровый ковшик, налил и себе в стеклянную банку. Колонист неторопливо осушил ковш и хмуро закурил.

— За удачную охоту! — звякнул своей банкой по пустому ковшику Алик, выпил большими зычными глотками и спросил:

— Что как побитый?

Виктор молча пожевал лепешку, сам подлил из фляги в ковшик.

— В гробу я видел такую охоту, — пробурчал. — Вот эту маленькую, — кивнул на шкуру под ногами, — задушил. — Он выпил еще, не дожидаясь товарища. — Подхожу — сидит. Живая. Глаза затравлены, как у собаки. Я чуть было о ней плохо не подумал. А она, сеголеточка-девчущечка, до кости грудь петлей разорвала, боролась за жизнь, как настоящая волчица. — От дурной, невыстоявшейся бражки и от усталости Виктор на глазах хмелел, язык его начал заплетаться. — Там густой кустарник: дубиной не размахнуться, не ударить. А я с дуру вместо ружья тот самый обрез взял. Думал, все равно не охочусь, с ним полегче ходить. Три раза стрелял, в упор, изранил всю. Она уже еле на ногах стоит. Я продрался сквозь кустарник, с полутора метров... Картечью. Она уже ждала, бедная, когда ее прикончу, смотрит... Морда в крови, глаз вытек, а живая. И как завоет... — Виктор смахнул слезу рукавом, высморкался в платок. — Будто в лицо мне плюнула. Кинулся я через кусты, думаю — покусает, так мне и надо. И удавил ее, девочку, а обрез в реку бросил... Не для меня все это.

Здоровенный мужик сидел на нарах и всхлипывал. Алик захохотал, катаясь по нарам, на душе у него потеплело: нет, не Виктор обстреливал его возле каньона.

— Такой амбал, а волчицу ему жалко, — сквозь хохот просипел он. — Я думал — тебе человека убить плевое дело. Как ты тогда купца отделал?!

— Так то человека! — сказал Виктор, вытягиваясь на нарах. — По-моему, каждый нормальный мужик должен посадить дерево, родить ребенка и убить подонка. — Лютой жестокостью повеяло от него, жуткий мрак шевельнулся в замутневших глазах. Хоть и шумел в голове хмель, а мурашки пробежали по спине Алика.

— Ничего себе, фотограф! — пробормотал он, перестав смеяться, и подлил себе в банку, а ему в ковшик. — Только теперь я усек, что в тебе не понимал: обычно такие здоровяки — добрые, а ты... Ну, даешь... Котяра. — Он толкнул товарища в плечо: — Эй, Вибрам, давай еще бухнем?!

— Не тронь, спать буду! — пробормотал Виктор в подушку таким тоном, что Алик понял — лучше с ним не шутить.

Виктор отлеживался и на следующий день до обеда. Опохмеляться отказался. Стал собираться к себе. Хмурость его прошла. Теперь на лице Виктора была вымученная гримаса. Алик же еще только разгулялся. Подумывал, не пойти ли в село к Богутеку. Спросил, посмеиваясь:

— Охотиться будешь? А то вчера костерил кровавую работу. Помнишь?

— Мы же договорились быть в паре до весны, — вздохнул Виктор. — Двойной Вибрам привык держать свое слово.

Стояла хорошая погода. Весь февраль и половину марта Алик резал траву, сделал четверть годового плана. Через чабанов доходили слухи, что в совхозах большой падеж скота. Видно потому волки спустились ближе к людям, шныряли возле чабанских зимовок, в горах с охотой на них не очень-то везло. Два раза приходил Виктор, делал очередной обход угодий, передавал от всех и от Анны приветы. Но она больше не навещала Алика, да и не звала. Правда, в марте компаньон уже настойчивей стал приглашать на праздник.

— И Анка зовет? — жеманился Алик, желая, чтобы его поуговаривали.

— Все зовут! — уклончиво отвечал Виктор.

Третья декада марта началась туманами и нудной снежной крупкой, Алик попробовал было работать на склоне в такую погоду, но вернулся через два часа промокший. Целый день он провалялся возле печки, но небо не прояснялось. Он нагрел воды, отмылся, оделся почище и отправился в гости, решив заодно проверить петли в верховьях Байсаурки.

Алик пошел левым берегом реки, по мокрой поникшей прошлогодней траве. В лесочке, напротив устья рыбной речки, в толстой волчьей петле сидел полузадохнувшийся лисенок — и как только хватило силенок затянуть трос? Алик ткнул зверька палкой, он оскалился. Охотник изловчился и схватил его за шкуру, щипнул шерсть с живота — линяет. Уворачиваясь от острых зубов и когтей, Алик освободил лисенка из петли и швырнул на землю. Приготовившийся умереть, зверек не сразу понял свое освобождение: лапы его подкосились, он упал на бок. Потом вскочил, сделал несколько неловких прыжков и снова упал за корнями ели, удивленно поглядывая оттуда бусинками глаз. Алик сел, закурил, подобрал еловую шишку, легонько швырнул в зверька. Тот вскочил и бросился в кустарник.

Подниматься по ущелью не было смысла: раз здесь появились лисы, значит, ушли волки. В нескольких сотнях шагов была та самая падь, где осенью медведь поймал вороватого волка. Алик посидел, поглядывая в ту сторону — время еще было — и зашагал туда просто так, посмотреть.

Белая слизь тумана висела над припорошенным склоном. Но охотник без труда нашел обглоданный волчий скелет и маралий позвоночник. Он поднялся по пади еще метров на пятьдесят и наткнулся на свежий медвежий след. «Проснулся старина!» — подумал и только сейчас, не смотря на липкую хмарь, почувствовал, что пришла весна.

Алик плохо знал повадки медведей и, будь хорошая видимость, обязательно задержался бы здесь, чтобы понаблюдать за зверем. Но в такую погоду, да еще весной, это было опасно. Охотник повернул обратно, чтобы переправиться вброд через реку, зашагал правым берегом к знакомому кулуару, где недавно опять сошла лавина. Не так уж безопасен был и подход к колонистам.

Лебедку крутил Малик. Он первым встретил его в Башне, как-то по-свойски, смеясь и подмигивая:

— В нашем полку прибыло! Как сам-то? Здоров?.. Ну, вот и хорошо... Анка? А вот она как раз приболела. Пустяки, у нее бывает!

В зале был сильный запах выпекаемого хлеба. У Алика от этого духа потекли слюнки. Он сбросил куртку и сапоги в кочегарке, вошел в жилой зал. Деревянные Леля с Ладой были обвешаны цепочками, бантами и брошками. Что-то чадило и шипело на кухне. На полу был мусор. В дальнем углу Сергей с Алексеем из веток и соломы собирали чучело с раскинутыми руками, высотой под потолок. Из-за их спин выскочили близнецы, завопили:

— Дядя Алик! — повисли на нем.

— Ты кто? — спросил он одного.

— Боря!

— Значит ты — Глеб?! — ткнул пальцем в другого.

— А что ты нам принес? — наперебой спрашивали и теребили его мальчишки.

Алик растерялся: он забыл про детей. Да и что он мог им принести?

— Привет! — сказал, улыбаясь. Вспомнил, что в рюкзаке лежат три снятых капкана. — И капканы! Будете ловить крыс.

— Ну, давай нам свой привет и капканы!

На кухне Виктор с мокрым лбом вертел ручку мясорубки. С румяными лицами возле печи суетились Таня с Людой.

Алик спросил, где Анна. Сказали, у себя в комнате, болеет. Он поднялся наверх, вошел в такую же маленькую каморку как и та, в которой ночевал сам. Она лежала в постели. Услышав скрип двери, вздрогнула, широко раскрыла лихорадочно блеснувшие глаза с темными припухшими мешками. Алик сел на краешек постели, упираясь коленями в переборку, взял ее холодную, подрагивающую руку:

— Что с тобой?

— Пустяки! — хрипло прошептала она. — Завтра должно все пройти... Жаль, что не могу тебя встретить.

Алик не подал вида, что удивлен ее болезнью, и расспрашивать ни о чем не стал. Она высвободила руку и спрятала ее под одеяло.

— Извини, — опять прошептала, тяжело дыша. — Одной мне легче болеть... Завтра большой праздник. Утром, как проснешься — сразу ко мне. И постарайся ни с кем не разговаривать, ни с кем не встречаться... А сейчас иди. Ладно? Только не обижайся, так мне легче.

Алик провел шершавой ладонью по ее осунувшемуся лицу и вышел. На кухне уже орудовал Малик. Виктор одевался.

— Есть хочешь? — спросил он. — Перехвати чего-нибудь. Ужин через два часа. — И хлопнул по бедру пробежавшую Татьяну: — Накормите Алика.

Все были заняты, все при деле. С горячими шаньгами, на ходу пережевывая, Алик послонялся из угла в угол, предложил помочь одним, другим.

— Если не устал, давай напилим дров, — сказал Виктор. — Завтра этим некогда будет заниматься.

У западной стены Башни лежал целый штабель сухих бревен, присыпанных толстым слоем рыхлого снега. Алик прислонил к нему пилу и отчетливо проговорил:

— У Анки отходняки! Уж я-то в этом кое-что смыслю.

— Какие отходняки? — пожал плечами товарищ, глядя куда-то в сторону.

— Месяц побухай, будет такая же болезнь. Опохмелили бы ее — что мучаете?

Виктор чуть приметно усмехнулся, не желая об этом разговаривать.

— Да она спиртное на дух не переносит! Это у нее проблемы по женской части. Пройдет.

Алик закурил и взялся за пилу: «Черте что. Все у них не как у людей!»

Его поселили в той же комнатке-клетушке с узким и длинным окном вдоль потолка и попросили не курить: вонь от табака проникала за тонкие перегородки в другие жилые помещения и держалась там несколько дней после его ухода. Виктор здесь в доме, кажется, вообще не курил. Может быть, он скрывал от колонистов свою слабость к табаку или боролся с ней.

Алик долго ворочался в чистых, проглаженных до жесткости простынях, забылся только за полночь, а проснулся рано, когда слышались голоса и шаги в коридоре. Он перевернулся на другой бок и снова уснул. Открыл глаза — в узком оконце под потолком уже блистало солнце, а внизу звучала музыка. Алик встал, перекинул через плечо полотенце и вспомнил, что должен зайти к Анне. Он выглянул в коридор — никого не было. Толкнул дверь и вошел к подружке без стука.

Она лежала почти в той же позе, в измятой постели, натянув на голову одеяло. Но при этом была причесана и подкрашена. Что-то противоестественное было в этом ее одиночестве, заброшенности и в равнодушии к ней других обитателей дома. Она взглянула на Алика прямо и открыто с болезненной лаской в глазах. Жалко улыбнулась, поманила его к себе. Алик сел, наклонился, она сжала его щеки ладонями и поцеловала в губы.

— Ты что? — спросил он, конфузясь.

— Иди! Так надо!

Кроме Анны, все уже были в зале. По ухмыляющимся лицам колонистов Алик понял, что ждут его и затевают что-то именно против него. Босой, в висящих на

худощавом теле мешковатых джинсах, он спустился с лестницы, удивленно поглядывая на загадочно притихших за столом людей.

Резко поднялась со скамьи Людмила, выпрямилась, будто выкидной нож раскрылся, глаза ее пылали, на щеках выступил смущенный румянец. Стройная, высокая, строгая, она сделала несколько решительных шагов в сторону гостя, положила руки на его голые плечи, и звучно поцеловала. С ней он, кажется, ни разу даже не разговаривал.

Как в минуту опасности, вода по сторонам настороженными глазами, Алик подобрался, сутулясь, прикрывая левым локтем живот. Едва отстранилась от него Людмила, неприметная «учителька» Фая, жена Сергея, как змея выскользнула из-за спины подруги, обвила его шею гибкими руками... Алик успел подумать: «Да ведь она очень красивая женщина, когда без очков!» Ее мягкие губы коснулись его губ и чуть дрогнули, да так влекуще, что пол качнулся под ногами. Фая отстранилась, проведя ладонью по его обветренной щеке, будто снимала свой поцелуй и свои чары.

— Теперь со мной, — смущенно развела руками жена Алексея — Светлана, будто предлагала чокнуться. Алик уже пришел в себя и принял правила игры. Он шутливо обнял ее, поцеловал сам. И тут из-за спины вынырнула эта ведьма с огромными глазами и с кукольно красивым лицом. Татьяна припала к нему так плотно, что он ощутил каждую округлость ее молодого здорового тела. С каким-то недобрым вызовом она шевельнула бедрами, втираясь в его жилистую плоть. Алик, задыхаясь, оторвался от нее, но вся его привычная тоска по женщине рванулась навстречу этой бестии. Татьяна скакнула в сторону, смеясь:

— Алик — ого-го какой мужчина! Зверь!

Зал грохнул от хохота. Алик, растерянно посмеиваясь, опустил руку с полотенцем.

— А у нас тут ходят слухи: Алик — отшельник, женщины ему по боку. Как это ты почти всю зиму в одиночестве? — покатывался со смеху Алексей.

— А у меня по соседству медведица в берлоге.

— У-у-у! — удивленно зашумели за столом. — Ты — герой дня... Сегодня медведи и змеи — первые люди!

— Ну, бабыньки, дело чести породниться с медвежьим родственничком, — сказал Виктор, вставая из-за стола.

Сергей протянул руку:

— Я же говорил, Алик наш человек! Медведь!

Забегали, засуетились женщины. На столе появились крестообразные хлебы, круглые блины.

— Это у вас что, проводы зимы? — спросил Алик.

Сергей кивнул и поправил:

— Языческая масленица.

— Весело живете. Как ни приду — у вас праздник.

— Так и должны жить нормальные люди: работа — подготовка к празднику, праздник — отдых перед работой, — серьезно ответил Сергей, оглаживая густую бороду.

Таня обносила всех румяными пирожками. Остановилась возле Алика.

— А как быть с ним? — спросила, отстраняя тарелку.

— У него Анка есть! — крикнул через стол Алексей.

— Она же чуть живая, садисты! — Таня пронесла тарелку мимо. — Подожди, Алик.

Тут Виктор крикнул, вынул из своего пирожка металлический рубль и, подбросив его на широкой ладони, кинул на стол. Таня удивленно взглянула на гостя, в ее смеющихся глазах мелькнули колючие льдинки. Она качнула головой и со странной серьезностью сказала:

— А ты приносишь неудачу! — отдала оставшиеся пирожки Алику и детям.

Колонисты оживленно загалдели, только на лице Людмилы выступили розовые пятна.

— Ну почему же неудачу? — сказала она. — Кто-то должен это сделать!

— Это справедливо! — как ребенок запрыгала вокруг стола Татьяна. — Сегодня тепло, не то, что в прошлом году... Я за всех отдувалась.

Дальше произошло невероятное. Алик сунул в рот блин и забыл надкусить его. Людмила резко встала, подошла к горящему камину, сбросила майку, шорты... Когда она скинула последнее белье — челюсть чикиндиста и вовсе отвалилась. Женщина наклонилась к огню, протянула связку можжевельных веток, они вспыхнули. Людмила обернулась с пылающим лицом, подняв факел, быстрыми шагами пошла вдоль скальных и венцовых стен, обмахивая их дымом. У нее были полные ноги, широкие бедра и тонкая талия; подвижное тело с неестественной стройностью натянутой струны придавало ее движениям странное изящество. С каменным лицом она пролетела мимо Алика, задымила ванную и кухню, вернулась к камину.

Вокруг что-то говорили, шутили, смеялись, чикиндист же словно оглох. Наконец ему удалось проглотить блин. Он попытался сделать непроницаемое лицо. Людмила бросила можжевельные ветки в камин, невозмутимым движением отстранила цеплявшихся близнецов, вытащила из огня пылающую головню и шагнула к двери. Все потянулись за ней во двор и дальше, за стены Башни. Босая женщина с пылающей головешкой побежала по снегу вдоль скалы.

Сырая мартовская облачность редела. Робкие рассеянные лучи солнца падали на обнажившуюся землю альпийских лугов. Алик не пошел следом за всеми вокруг Башни, представляя, как вылезли бы у него глаза на лоб, если бы раньше, когда не знал о колонии, увидел в бинокль на скале обнаженную женщину с пылающей головней.

Он обернулся. Рядом стоял, переминаясь, Виктор с овчинным полушубком в руках. Появилась Людмила. Проскочила мимо Виктора, швырнула головню в камин. Тут он и подхватил ее на руки, укутал в овчину, понес в ванную, откуда по потолку стелился жаркий парок.

И тут у Алика словно пробки выскочили из ушей: все вокруг зашумело. Орал Борька, которому брат залепил в лицо куском оттаявшей земли. Фая, гремя чайником, неслась в ванную. Алексей, просунув за дверь голову, что-то горячо советовал вытянувшейся в воде, продрогшей женщине. Малик щелкал кнопками магнитофона, меняя кассету. Алик сел на прежнее место. Обмакнул надкусанный блин в масло и принялся жевать с самым серьезным видом.

Весь день стол был уставлен едой. В скальном дворе разожгли большой костер. Вниз по лестнице слетел косматый Сергей в вывернутом полушубке. Алексей скакал в недавно добытой волчьей шкуре вокруг бедер, Малик — в меховом жилете, Виктор был по пояс гол и в кроличьей шапке. У мужчин на шеях болтались волчьи и кабаньи клыки. Женщины были в тонких трикотажных разрисованных костюмах в обтяжку. Фая и Светлана, с длинными распущенными волосами, подрисовывали друг другу змей на щеках. И опять Алик удивился: как он прежде не замечал жену Сергея? У нее стройная фигурка, и танцует она, пожалуй, лучше всех.

Колонисты, извиваясь, прижимаясь друг к другу, кружились у костра. Потом с хохотом выволокли чучело и бросили в огонь. Алик вдруг почувствовал, что впервые в жизни пьян без вина. Тоже рычал, взлохматив волосы, прыгал вместе со всеми вокруг костра, ощущая себя медведем из пади Аурулы. Он видел вокруг блистающие глаза, распаленные без хмеля лица и уже не удивлялся этому.

Стал затухать костер, веселье переходило в другое русло: спокойное, чувственное. Вот Людмила вытянула над огнем руки и что-то бросила в него. И другие стали бросать старую обувь, тряпки, бумагу. Бледная, но посвежевшая, к костру вышла Анна, что-то бросила на угли и протянула Алику листок бумаги с карандашом.

— Напиши, от чего хочешь избавиться, и сожги!

Он нацарапал, прислонившись к бревенчатому срубу: «Пьянка и город». Смял бумажку, она вспыхнула и рассыпалась пеплом.

— Перед тем, как лечь спать, зайди ко мне, — сказала она и, чуть сутулясь, ушла в дом.

Костер умирал, истлевая мерцающими углями. Было уже темно, холодало. Празднество перешло в дом. Опять ели, опять танцевали, все ласковей, тише, все тесней прижимаясь друг к другу. Все чаще Алик оставался одиноким и лишним среди танцующих, увлеченных друг другом. Распаленный и взвинченный праздником, он поднялся к Анне.

— Ложись со мной, — сказала она, отодвигаясь к стене.

— Тебе не будет плохо? — обнял ее Алик, чувствуя, что плохо может быть ему, если она отвергнет его.

— Ничего, — прошептала она. — Сегодня нужно, чтобы весь год тебя любили... Ведь это самое главное, правда?

Он слышал, как бешено заколотилось ее сердце, почувствовал, как ее кожа покрылась холодной испариной.

— Ну вот, — горячо дыша, сказала она. — Все хорошо. Надо бы эту ночь быть вместе, но я еще нездорова. Будешь уходить — зажги лампу.

Алик понимал, что его опять выпроваживают. Вздохнул:

— Ты тут пропадаешь, а мы веселимся... Нехорошо как-то. Может, чего принести?

— Праздник ведь. А я сама виновата... Переболею, и все, буду жить как все... С тобой. Может быть еще и детей нарожаю.

Электричества не было. Электростанция уже заглохла и затихла музыка. Алик натянул брюки, чиркнул спичкой, зажег керосиновую лампу и пригасил фитиль,

чтобы тот чуть светил. Вышел в темный коридор. За дверью большой комнаты — «детской» услышал приглушенную возню, подумал: «не спят ребяташки». Душа просила продолжения праздника. Он хотел было войти к ним и поговорить с детьми перед сном. Но почувствовал, что делать этого не умеет. Из щели между косяком и тонкой дверью падал в коридор мутный свет свечи. Алик неохотно зашагал в свою одинокую конуру.

Проснулся он на рассвете. В доме была тишина — все спали. Он прошел в выставший зал, вытащил заслонку из трубы и растопил камин. Дом быстро наполнялся теплом, но никто не спускался вниз. Алик послонялся по нижним помещениям с неубранной посудой, поднялся на второй этаж, заглянул в «детскую». Детей там не было. Не было даже топчанов. На полу под белыми пододеяльниками, один к одному, как кильки в банке, лежали все восемь колонистов. Возле стены напротив двери черные волосы Малика путались с рыжей копной Татьянинных волос.

Алик прикрыл дверь и, еле сдерживая смех, ввалился к Анне, уткнулся в ее одеяло лицом и затрясся от хохота:

— Они там все вместе, групповухой... Ну, даете, артисты-колонисты.

— Такой уж праздник! — улыбнулась Анна. Ее лицо порозовело, посвежело. Отходила подруга, выздоравливала.

— Не может быть, чтобы вы серьезно во все это верили... Игра! — сказал он и погасил невидимый при дневном свете, но чадающий огонек лампы.

— Ну и пусть игра. Хочется же хоть во что-то верить!

К одиннадцати часам на кухню спустилась Фая. Детишки давно уже носились по дому, что-то перевернув на кухне и позавтракав без старших. Она опять была в очках, с учительскими льдинками на стеклах, опять волосы были закручены на затылке. Фая разогрела чайник, положила на тарелку несколько остывших пирожков.

— Где люди? — спросил Алик, зевая.

— Расползлись по углам, — она незаметно вздохнула, разливая чай. — Ничего, к вечеру сделаем уборку, и опять все будет хорошо.

— После пьянки тоже так, — ухмыльнулся Алик. — Видеть не хочется тех, с кем бухал.

Холодные лучики на стеклах очков испытующе впились в него. Фая что-то хотела сказать, но сдержалась, взяла чайник, тарелку с шаньгами и ушла наверх.

После полудня, действительно, все спустились в зал, даже Анна. Навели в доме порядок, разогрели остатки вчерашнего пиршества и перекусили за общим столом. За стеной уже тарахтела электростанция.

— Надо бы еще дров напилить, — цыкая сквозь зубы, напомнил Алексей. — Если одной соляркой обогреваться — нам до тепла ее не хватит.

— Мы с Аликом вчера пилили, — пробурчал Виктор.

— Извините, ребята, у меня давление подскочило — уже две таблетки дибазола выпил. — Сергей измучено приложил руку ко лбу.

— А мне надо почистить топливную систему, — общее недоброе молчание Алексей принял за недоверие и раздраженно бросил: — Погаснет печь среди

ночи... А солярка капает. Какая-нибудь искорка — и дай бог живыми отсюда выскочить, да голяком до Алика добежать.

Малик, недобро поблескивая черными глазами из щелочек прищуренных глаз, без особого энтузиазма, согласился поработать. Следом стал одеваться Виктор. Алику ничего не оставалось, как присоединиться к ним.

Еще не начало смеркаться, из дома вышел Сергей в высокой шапке, в полушубке, похожий на раздобревшего попа. С ним рядом шариками катились Борька с Глебкой в наглухо застегнутых одинаковых куртках, туго обвязанных шарфами. Хрустя настом, они пошли гулять. Не прошло и пятнадцати минут, как Сергей вернулся, слегка запыхавшийся. В руке у него была подозрительная труба.

— Алик, возле твоего дома какие-то люди.

ЧикинDIST взял у него трубу, обошел скалу Башни. Прислонившись к выступу, навел окуляр на свою избушку.

— О-от, сволота! Дверь ломают! — выругался он, опять припал к оптике, по одежде узнал лесничего. С ним у Алика были хорошие отношения. «Может, что случилось?!» — подумал он и сказал, возвращая трубу: — Идти надо!

— Помочь?! — с готовностью предложил Виктор.

— Кажется там охотинспекция. Зачем тебе лишний раз светиться? Сам разберусь.

Он прошел через зал в лебедочную камеру. Рюкзак лежал в кочегарке. Толкнул дверь — Алексей лежал на узком топчане и читал странную книгу.

— Только что закончил чистку, — сказал, оправдываясь, — надо понаблюдать, как работает печь.

Алик пожал плечами — какое ему дело до этого? Странной формы книга привлекла его внимание. Он потянулся.

— Библия! — смущенно сказал Алексей, показывая корочку. — От деда чудом осталась. — Он оживился, заговорил с азартом, хотя все сказанное предполагало слушателя на десять голов грамотней Алика: — Ты знаешь, я не то, чтобы в нерусского бога верю, но здесь нахожу такие философские глубины, такие решения, куда там Кантам-Гегелям-Марксам, которыми нас измордовали в институтах.

— А я верю в бога! — сказал Алик, набросив на плечо рюкзак. — Всю жизнь только он мне и помогает!

— Все мы верим во что-то, — вздохнул Алексей, вставая: — вопрос — во что? Религий много, и в каждой свой бог.

— Ваше дело, конечно, в кого верить. Но узнают казахи про этого, с длинной балдой, засмеют. А скажете, что это русский бог — всех русских опозорите: над всеми, кто живет в округе потешаться будут... И у меня с ними отношения испортятся.

Лицо Алексея вспыхнуло. Он подскочил, будто колючка попала под зад. Алик повел глазами по скальной стенке, мотнул головой, не зная, что сказать.

— Ты мне поможешь спуститься?

Алексей отложил книгу. Подрагивающие руки его были чистыми, будто и не работал. Закрепившись к концу троса, Алик кивнул колонисту:

— Ты там за меня попрощайся, скажи что-нибудь. — Он оттолкнулся ногами от скалы и заскользил вниз. Чтобы не оставлять следов, он пробрался по камням и по лавинному выбросу до вытаявшей полянки под кулуаром, там нашел свой старый раскисший след, потоптался на нем и зашагал к дому, посмеиваясь. «Пусть инспектора поломают голову, если захотят выследить, куда ходил».

К избушке Алик подошел в темноте. Из трубы летели искры, среди кустарника желтело окно, затянутое полиэтиленом. Хозяин переступил порог с дубиной в руке, сел на порог.

— Алик?! — засуетился лесничий. — Мы тебя ждали до темноты. На верхней дороге машина сломалась... Герасимович ногу подвернул... опухла.

— Это кто? — кивнул Алик на двух незнакомцев, не глядя в их сторону.

— Из Алма-Аты, охотинспекция, — виноватым голосом заговорил казах-лесничий, потряхивая двумя руками ладонь чикиндиста. — Опухла нога...

— Меня ваши ноги не колышут! — процедил Алик. — Я в городе в чужие дома не лезу, хотя бывает — спать негде. Может, у меня здесь был магнитофон за полторы тысячи? Докажи, что не украли?

Седой русский мужик, лет пятидесяти, вытащил алюминиевую флягу, набулькал в кружку, протянул ее хозяину избы:

— В горах другие законы — здесь друг другу помогать надо!

— Уж кто бы говорил про это, только не ваш брат. — Алик выждал секунду, не принимая кружку, но все-таки взял.

— Выпей, поговорим, — протянул бутерброд с городской колбасой тот, что помоложе, чернявый, русский или татарин. — Мы к тебе по делу.

Алик выщедил холодную водку, подобрел, обмяк. Наложил в тарелку соленых груздей, выставил на стол, бросил заварку в кипевший на печи чайник.

— Барсов встречал? — спросил старший, примериваясь к милицейскому тону, входя в начальственный раж.

— Мало ли кого я встречаю, — угрюмо проворчал чикиндист.

— Поймать сможешь? — снова подлил ему из фляги седой.

— Я любого инспектора за грешным делом поймать могу, а вот привлечь, как они меня, не получается, — ухмыльнулся Алик, совсем подобрев от выпитого.

— Короче, все официально, за хорошие деньги нужно отловить двух барсов и четыре горных барана. Сети, снасти дадим. Возьмешься?

— Я этим не занимаюсь!

— Да брось ты ломаться, будто мы не знаем, чем ты на Усеке занимался...

— Убивать — убивал! — куражливо закурил Алик, выпустил струю дыма. — Но живьем дикарей не ловил. Нет на мне такого греха.

— Да какая разница? — заносчиво вспылил молодой.

— Нехорошо! — серьезно ответил чикиндист. — Свободному зверю умереть плевое дело. А чтоб в клетку, моими руками... Во! — сунул он дулю под нос инспектору. Тот смутился, сразу став похожим на благородного туриста-очкарика.

— Все под богом ходим! — пробормотал.

— Только бог у каждого свой и дорога тоже! — отрезал Алик и полез в спальник. Фляжка была пуста, засыпая, он подумал, что надо обить дверь жестью,

навесить прочный пробой и с какого-нибудь столба содрать табличку с перекрещенными костями: «Не влазь! Убьет!»

7

В апреле стояла хорошая погода, и Алик почти каждый день работал на склоне. Давно ли казалось, год только начинается, все еще успеется, но вот уже май на носу, скоро зацветет эфедра, а он не нарезал плана. В конце апреля потянулись вверх по ущелью на конях местные браконьеры, сняли несколько волчьих петель. Вскоре должны были появиться охотники за пантами. Для Алика охотничий сезон кончился. Он сложил в рюкзак спальный мешок, котелок и отправился убирать на лето капканы и петли.

Вернулся всего-то через четыре дня. На тропе были следы трех лошадей в заводских подковах. Еще издали Алик приметил с облегчением, что замок цел и дверь на месте. Только в десяти шагах увидел разорванный на оконном проеме полиэтилен.

— Ну, сволочи, — выругался, сбрасывая рюкзак.

Снял замок. Открыл дверь. В избе все было перевернуто: одежда вытряхнута на пол, одеяла сброшены с нар. Даже мешочек, где хранились нитки и иголки, вывернут. Явно искали оружие и патроны. Зачем? Алик сел, закурил. Капроновая веревка, стекла от керосинки были на месте. Если бы вор был из местных казахов, он бы в первую очередь забрал эти вещи. Похоже, что наведывалась милиция или охотинспекция... Или егеря, проезжая на охоту, мимоходом залезли в избу, посмотреть как живет здешний бич. Забрали топор и забрали свитер. Попользуются и бросят где-нибудь.

Пропало настроение работать. Но все равно надо было ждать две недели, чтобы нарезанная эфедра высохла, а уже потом спускать набитые мешки к дороге. В запасе были припрятаны от завистливых глаз две волчьих шкуры — почти триста рублей, да в перспективе тысяча за сданную траву — жить можно.

Алик нагрел воды, вымылся, приделся и отправился к колонистам. Хотелось увидеть Анну. Она... Деньги... Обыск в избушке... Лето. Все это складывалось в какой-то путаный узел, а хотелось ясности. Если бы она поехала с ним в город, сдали бы вместе траву, продали волчьи шкуры, закупили чего надо и вернулись бы, чтобы беспечно прожить лето. Может быть, он бы и не пил в городе, если бы поехал туда с ней.

Алик поднялся к знакомой елке, откопал кнопку и держал на ней палец, пока на скале не появился Алексей. ЧикинDIST свистнул, замахал руками. Извиваясь, в чистой синеве воздуха змеиными кольцами полетел к нему шнур...

В доме колонистов было тихо: ни музыки, ни воплей мальчишек, ни плача грудного ребенка, не тархтел движок электростанции, а лампочка в кочегарке горела. Алексей, заметив удивление на его лице гостя, рассмеялся:

— Запустили водяное колесо: теперь жить веселей.

Они вошли в зал, за прошедший месяц здесь почти ничего не изменилось: только камин теперь не топился, попахивая сыростью золы. На этот раз цепочками

и бантами был обвешан скалящийся деревянный истукан — мужик с преогромным членом, упрятанным под стол.

— А это кто? — раздался хриплый голос сверху. Алик обернулся. На лестнице, под самым потолком, стоял незнакомый кучерявый мужик и угрожающе тарасился на него.

— Человек! Не видишь, что ли?! — ответил чикиндист, пристально глядя в черные, как пуговицы, такие неприятные на белом лице, глаза.

— Какой человек? — напористо спросил тот.

— Свободный!

— Это он Аньку трахает? — грозно прорычал новоявленный колонист.

— Иваныч, сделай одолжение — исчезни, — с усталостью в голосе попросил его Алексей и приглушенно выругался. Мужик скакнул через ступеньку на одной ноге, разворачиваясь лицом к лестнице, качнулся и, ухватившись за перила, заорал:

— Тащимся, тащимся!

— Не обращай на него внимания, — хмуро сказал Алексей, с трудом стараясь вернуть лицу прежнее беззаботное выражение. Жилистой рукой с короткими пальцами работяги вытер лоб и принужденно рассмеялся: — Семья не без уroda! Так ведь, охотничек?

— А где люди?

— Пашут. Завтра сев: скачки, пляски и все голяком. Чтобы глаза от удивления не повылазили, ты бровями делай вот так! — Алексей комично нахмурился, стараясь отвлечься от разговора с черноглазым.

— Понятно! — с пониманием кивнул Алик. — А где они? Может сходим?

Алексей показал руки с черными ободками мазута под ногтями:

— У меня своя работа. Сходи один к озеру. Там все.

Комната, в которой останавливался прежде Алик, была занята Черноглазым. Алексей провел его в конец узкого коридора, в детскую. На полу были разбросаны игрушки.

— Располагайся пока здесь!

Алик бросил тощий рюкзак, вынул из него бинокль и повесил на шею. День был солнечный. Прохладный ветерок струился по альпийским лугам, по зазеленевшим склонам и шевелил копну волос на голове гостя. В ложбинах лежал мокрый снег. Чикиндист, привычно сутулясь, направился к каньону. Не стреляли. Возле штыря, у обрыва в каньон, все было истоптано толстой рифленой подошвой. Возле отпечатка, который был поотчетливей, Алик опустил на колени. Такой обуви он не видел ни у кого из колонистов. Таких размеров никто из них не носил. Оставался пришлый мужик. Что делал он здесь? Алик свесился вниз, разглядывая скалу под штырем. Возле небольшой трещины, на уступе, присох комок земли, вывалившийся из фигурных выемок подошвы. Чикиндист дотянулся до него, держась одной рукой за штырь, повертел в руках, затем вложил в отпечаток. Комок ссохшейся грязи вошел в него, как ключ в замочную скважину.

Алик долго разглядывал в бинокль жандарм, но не заметил там никого. Алик сунул бинокль за пазуху, затер свои следы и зашагал в обратную сторону. Спускаясь с перемычки к озеру, уже с другой стороны скального гребня, он сел,

долго рассматривал отвесный склон в бинокль, метр за метром обшаривая взглядом скалы и нашел то, что искал. Несомненно, здесь был единственный подход к жандарму — узкая скальная полка на пологих участках склона переходила в чуть приметную тропу. Но был один участок длиной метра три—четыре, где скала уходила вниз отвесно. Горные бараны могли перепрыгнуть это место, но человеку для переправы нужны были приспособления: какой-нибудь мостик или натянутые перила. Их-то Алик не увидел в бинокль.

Пуховый костюм, мускулистая сухощавость, кое-какие альпинистские словечки, наконец, бывшая профессия, связанная с хождением и лазаньем... Итак, Алексей. Вот тебе и балагур! Алик выплюнул окурок, дал отдохнуть глазам и снова стал осматривать отвесный участок. Видны были даже редкие сухие травинки. Одна из трещин наискосок пересекала отвесную стенку. В нее могла войти ступня — это уже кое-что.

Он сбросил потрепанную штормовку. Здесь было теплей, чем наверху возле дома в скале, ветер не попадал в ложбину. Внизу, на берегу голубого озера, бегали голышом Борька с Глебкой. Алик встал и, придерживая качающийся на животе бинокль, заскользил вниз по осыпи. Мальчишки заметили его и скрылись среди скал. Не успел Алик подойти к ним, как из лабиринта вышел Сергей с всклокоченной бородой, в мокрой от пота рубахе и босиком.

— Думали, не придешь. Виктор говорил, что у тебя неприятности, — он болезненно повел обгоревшими плечами, в вырезе рубахи пламенела пунцовая грудь.

— Перезагорал? — спросил Алик, улыбаясь.

— Увлёкся. Сегодня солнце печет прилично. Да и спим долго: на полевые работы надо выходить затемно. Прошу на наши поля, — указал рукой на зеленеющую между скал лужайку. — Около десяти соток картошки. Пшеницы немного и всякая мелочь: редиска, морковь, свекла.

В скальном лабиринте на берегу озера узкие и широкие проходы между глыбами были взрыхлены и возделаны.

— Здорово придумали! — одобрил Алик. — С вертолета не заметишь ваши огороды.

— Стараемся вживаться. Для нас жизнь без земли теряет смысл... Обрати внимание, что здесь огороды защищены от ветра. Микроклимат как в теплице.

Светлана сидела в тени возле разбросанной одежды и кормила грудью ребенка. Она была в одних шортах. Глаза Алика дрогнули, он поежился, отвернулся.

— Алик, здравствуй, — улыбнулась, ничуть не смутившись, женщина, будто они расстались только вчера. В той же отутюженной красной рубашке на голом теле откуда-то выскочила Анна, с наигранной радостью повисла у него на шее.

— Что так долго не приходил?

Вот и пойми этих женщин! Глаза ее опять искрились, как когда-то у этого же озера, движения были порывистыми.

— Ой, мамочки! Я тоже обгорела... Алик, привет!

Он обернулся — Татьяна была совсем голой.

— Что глаза тарачишь? Никогда красивых баб не видел? — рассмеялась она, выгнулась со страдальческим лицом от боли в спине, при этом рельеф ее груди

был предъявлен всем на обозрение в полной своей красоте. Она выдернула из кучи одежд халат, тот самый, в котором он впервые встретил здесь Анну. — Интересно, что сегодня Людка приготовит на ужин?

— Хочешь посмотреть наши поля? — спросил Сергей.

Алик встал, оглянувшись на Анну.

— Сходи, — разрешила она, — а мы пока поболтаем.

Он отправился следом за колонистом по узким извилистым полям среди скал.

— Ну, вот и дождались! Завтра самый главный день и главный праздник весны — сев. Повезло нам, успели подготовиться.

С лопатой на плече навстречу им шел Малик. Он был уже загорелым до смуглости. Вся его одежда состояла из рубахи, намотанной на голову.

Они вернулись с работ гурьбой, когда солнце легло на западные вершины гор. Посуда на столе бы расставлена. Людмила, оживленная, улыбающаяся, похожая на модельершу, вышла в белом фартуке. Мужчины первыми отправились в душ. Алик зашел в ванную комнату вместе с Маликом и Сергеем. Следом за ними в прихожую с умывальниками, перед ванной комнатой, заскочила Татьяна в халатике, с полотенцем на плече. Увидела раздевающегося чикиндиста.

— Смутить тебя еще раз или не надо?

— А как тебе больше хочется! — таким же тоном ответил Алик.

— Ладно, живи! Пусть тебя Анка смущает, — она выскочила в зал, забыв притворить дверь. — Людочка, ну скажи, что на ужин? Пирожки, да? Скажи, а то сама посмотрю.

Анна зашла в ванную одна, последней. Вышла с влажными пядями каштановых волос на плечах, села за стол рядом с Аликом.

— Я гостя в детской поселил. Бабыньки, дайте ему белье! — зычным голосом пророкотал Алексей.

— Не надо! — тряхнула мокрой головой Анна. — Я его к себе возьму.

— Вот умница! Дай я тебя поцелую! — вскочил со скамьи Алексей, не дотянувшись до Анны, плюхнулся на свое место и тут же забыл про нее.

Алик взял ложку, пальцы его дрожали.

— Иваныча позвать надо, неудобно как-то, — предложил кто-то.

— Храпит он. Я только что был наверху, — пробубнил набитым ртом Алексей. — Не маленький, сам поест.

Такой ночи в жизни Алика еще не было. Он вдруг понял, что у него никогда не было не то, что любимой женщины, но даже такой, которая ему действительно нравилась. Он не надолго забылся на узкой, тесной койке и открыл глаза от приглушенного стука. Шаркая башмаками, кто-то спустился в зал. Рассветало. Анна спала, чуть повернув красивое лицо к стене, забросив за голову руку. Чуть пульсировала синяя жилка в ее локтевом суставе, по ней тянулась розовая цепочка шрамиков и темнели два свежих прокола.

Алик зажмурился, ему так захотелось, чтобы это был сон. Он полежал с закрытыми глазами и колотящимся сердцем — сон не приходил. Мучительно тянуло закурить. Но он, уткнувшись лицом в подушку, все сжимал веки. Теперь

стало ясно: и отчего так резко меняется ее настроение, и порывистые движения, и неестественный блеск глаз — все, что так нравилось ему.

Женщина перевернулась на бок, сунула обнаженную руку под подушку. Алик полежал несколько минут, тихо встал, оделся и вышел. В коридоре на линолеуме темнели следы тех самых рифленых подошв.

«Ведь все знают, чем занимается Аня, и делают вид, что ничего не замечают», — с горечью подумал он. Спустился в зал, сел в кресло напротив обвешанного цепочками деревянного мужика. Он скалился и таращил глаза, будто в штаны ему насыпали раскаленных углей.

— Первыми встали мужчины — хороший знак, — приветствовал его Сергей, спускаясь по лестнице и позевывая. — Сегодня великий день. Ярило, помоги нам, — дотронулся до истукана. — Что такой хмурый с утра? С Анкой нормалек?

— Все нормально! — пожал плечами Алик.

— Ну и молодцом! Все зло от баб, живущих без мужиков и от мужиков без баб, — Сергей хлопнул дверью ванной, зафыркал, умываясь.

Вскоре спустились Анна. Радостная и беззаботная она махнула полотенцем, стараясь задеть Алика, наклонилась, чмокнула его в щеку. Он ответил ей, улыбаясь как мог, взгляделся в блестящие глаза: «Уже успела зарядиться!» И глядя ей вслед, с болью и тоской вспомнил прошедшую ночь. «А может быть это не так и страшно? — подумал. — Ну и будем жить в лесу: постирает, приготовит и много счастливых ночей еще будет у нас...» Будто бес ухмыльнулся за плечом: «Пока ее не увидит участковый... Тут оба и загремим. А сроки по статье за наркоту, жизнь моя жестянка, — до десяти лет».

После завтрака Сергей прочитал проповедь, из которой Алик мало что понял, и все собрались идти к озеру на сев. Снова был прекрасный день с ясным небом, чуть подернутым легкими прозрачными облаками.

Пахло оттаявшей землей и свежей зеленью. Струилась по альпийским лугам весенняя прохлада с запахом ледников. Синело внизу оттаявшее озеро.

— У меня к сельхозработам призвания нет, — сказал Алик. — Могу дров попилить или по дому чем помочь.

Толпа колонистов ушла по тропе к озеру, без него.

После ужина опять была музыка, были танцы. Черноглазый исчез рано утром, и о нем никто не вспоминал. Алик заикнулся было раз другой, наводя разговор на пришлого, но натолкнулся на упрямое нежелание говорить о черноглазом. Веселье тяготило его, думал он с утра об одном и том же, как начать важный разговор: даже как приличный пригласил Анну танцевать, вздыхал, потел, но все слова, что подбирал с утра, были не те.

Ласковой тихой ночью, лежа в чистой каморке в обнимку с красивой женщиной, которая была в хорошем расположении духа, он решил отложить разговор об их будущем и стал звать Анну к себе, вниз, а потом в город, налегая на то, что у них будет много денег, можно даже куда-нибудь съездить. Он был уверен, что она согласится и вдруг почувствовал странное, непонятное ему упрямство. Анна не хотела уходить из колонии и даже не могла объяснить почему. «Боится остаться без «ширева», — обиженно решил Алик и вдруг подумал, что если их поймают в

городе или на пути к нему с дурью, впрочем, как и в его избушке — она пойдет по облегченной первой части статьи уголовного кодекса, а вот он по второй: за распространение. «Ну и любовь, — вздохнул. — С какой стороны ни глянь — не семерик так чирик корячится».

Алик проснулся с твердым намерением уйти к себе и как можно скорей: сдать траву, а уж потом, если удастся, вернуться сюда при деньгах. Сев был не закончен. Утром колонисты опять собирались к озеру. Ни загорать среди грядок с голым задом, ни бездельничать возле Башни ему не хотелось.

— Мне надо возвращаться! — заявил он за завтраком. — Пора траву сдавать.

Анну это сообщение не расстроило и, кажется, не очень-то заинтересовало. Впрочем, и других тоже. «Ясное дело, нахлебнику рады, пока он нужен», — без обиды подумал Алик.

— Иваныч тебе настроение испортил? — спросил Сергей. — Так его уже нет: рано собрался и ушел. Теперь будет где-нибудь шляться несколько дней, отходить от запоя. Живи...

— Я сегодня в доме останусь, — заявил Алексей. — Вы теперь и без меня управитесь. К тому же Алику надо помочь спуститься вниз.

— Я сам, — отмахнулся Алик, тайком наблюдая за лицом механика. — Спущусь через каньон или через перемычку.

Если стрелок сидел за столом, он не мог не отреагировать, и Алик намеренно подливал масла в огонь.

Колонисты ушли. Анна попрощалась ни тепло, ни холодно: чмокнула в щеку, сказала — приходи, буду ждать. В доме остались Алексей и Татьяна — была ее очередь готовить ужин.

— Зачем тебе лишняя морока, давай спущу на лебедке? — снова предложил колонист.

— Надо посмотреть, может быть, уже рыбка появилась в речке. Прошлый год я там хорошо порыбачил. Хочешь, пойдем вместе? Если повезет — ухой всех накормишь.

Алексею, конечно же, было не до рыбалки. Прощаясь, Алик подумал: «Дай бог, если стрелять будет он. У Черноглазого с похмела руки наверное трясутся».

— Веревку даешь?

— Бери, — хмуро разрешил Алексей. — Там и оставишь, я к вечеру схожу, заберу.

ЧикинDIST направился к каньону с альпинистской веревкой через плечо. Татьяна сунула ему в карман сверток с обедом.

— На Купалу приходи, — сказала.

— Всем праздникам праздник, — повеселел, поддержав ее, Алексей. — Голыми при луне скакать будем. Какую бабу схватишь — та твоя. — Он опять смеялся и шутил.

«Артист, — глядя на него, думал Алик. — Ну хоть бы одна жилка на лице дрогнула, хоть бы в глазах что-нибудь мелькнуло!» Стараясь тоже не подавать вида, он протянул руку, задержал в ней мозолистую ладонь Алексея — не дрогнула и она. «Железный парень!» — с восхищением подумал Алик.

Он шел, внимательно глядя под ноги. Время от времени оглядывался на жандарм. Вышел на след Черноглазого, поводил носом по сторонам и уверенней зашагал дальше.

Стрелок не ждал, когда Алик снимет рюкзак и распустит веревку. Да и не нужно было этого делать — на штыре висела другая веревка. До обрыва оставалось метров пятнадцать. Взбив фонтанчики пыли, возле штыря пропели три пули.

«Аккуратно стреляют, даже любя», — ухмыльнулся Алик и повернул обратно. Нужно было как можно быстрее добраться до Башни, опередив стрелка. Алик проскочил сквозь трещину скального входа, приоткрыл дверь и увидел на кухне Татьяну. Возле колеса электростанции лежал, загорая, Алексей. Алик не стал прощаться еще раз и зашагал к перемычке, внимательно разглядывая следы на сухой почве. Можно было у всех на виду забраться на жандарм, но это уже был бы откровенный вызов, откровенное вмешательство в чужие дела, за которое в горах и порядочные люди, бывает, убивают. А он все-таки был лесным человеком и с пониманием. Следы ничего не подсказали чикиндисту. Он вышел на хребет, сел, вынул бинокль.

В начале июня Алик сдал траву и до конца месяца проболтался в городе. Деньги растратил, но не все и даже слегка приоделся: купил десять пар носков, резиновые сапоги. Еще до загула купил огромную, самую дорогую, коробку конфет и не открывал ее пока не уехал на попутной машине в горы. Но по дороге нечем было закусить и он вытащил пару блестящих конфет.

Местный водитель, на хорошем русском языке азартно рассказывал как привозил к леснику троих городских:

— Уважаемые люди, в костюмах, при галстуках, как начальники, водки полный портфель, а сами не пьют, только губы мочат, как куры... Мне полсотни дают — вези к киргизам под перевал... Один остался у лесника — двое в кабину сели, поехали к знакомой киргизке.. Не мое дело, конечно. Привожу, они, анау-манау, зашли в дом, поговорили, выскакивают — глаза дурные. В машину садятся, один вытаскивает кусок опиума, стал им зубы чистить, другой у него из рук вырывает... Откусили кусок, спрятали от третьего и меня просят — не говори ему. Приезжают к леснику, давай на печке в поварешке варить, иглу вытаскивают. А третий кричит: «У меня на лбу жила хорошая — коли!» Они ему иглу в лоб. Я смотреть не могу. У того глаза вылезли, думал сдохнет, он — брык на пол... Ну, вас, — думаю, — бежать надо! Две бутылки взял и уехал, чтобы не видеть... А сначала такие уважаемые люди казались... Из города.

Алик поспрашивал, как выглядели эти трое, но разговор про наркоманов не поддержал. Налил себе почти полный стакан, сказал, тряхнув стриженной головой:

— Наш наркотик лучше! — выпил залпом и сунул в рот таящую конфету.

Отлежавшись в своей избушке, он не стал ни охотиться, ни рыбачить, а собрался с подарками в гости к колонистам. Уложил в рюкзак новый электрический фонарик, веревку, обмотал мешковиной помявшуюся коробку конфет, сунул бинокль за пазуху. Стараясь не оставлять следов, он поднялся вверх с каким-то странным предчувствием: все казалось ему, что наверху, в Башне,

никого нет, что все бывшее там почудилось по пьянке. Но, как и прежде, после сигнала на скале появился человек.

В доме были Анна, Алексей и Людмила. Анна опять поблекла, подурнела, злилась по пустякам и дрожащей рукой подливала себе в чашку крепкий чай. Спросила без обиды, но с раздражением:

— Что так долго не приходил?

— Работал... Бухал, — пожал плечами Алик. — Вынул из рюкзака коробку конфет, потерявшую свой вид. Конфеты в ней тоже были мятые: шоколад в пластмассовых розетках растаял, паскудно пустовали в коробке два гнезда. Алик даже смутился: в городской своей компании вынул бы из кармана такую закуску, обдул прилипший табак и чувствовал бы себя королем. А среди этих, грамотных, балбес балбесом.

— Джентльмен! — сказала Анна, не то одобрительно, не то с насмешкой и торопливо съела конфету, запивая крутым чаем. — Угощайтесь! — резко толкнула мятую коробку на середину стола.

Людмила поставила чайник и тарелку с горкой оладий, политых вареньем, села, взглянув на Алика с любопытством и даже дружески. По-прежнему неторопливо и размеренно текла внешняя жизнь колонии. После городских бичевален, блатхат, вытрезвителей казалось, будто после разборки попал прямо на небо.

— Что ты на меня так смотришь? — дернула подбородком Анна, оттолкнула чашку.

— А может быть, я свататься пришел! — улыбнулся Алик и смахнул испарину со лба. — Могу и выкрасть, если что.

— Другим разом, — равнодушно проворчала она и снова подвинула к себе чайную чашку. — Не до этого.

— У меня в сакле погостить не хочешь? Пожили бы вдвоем.

Анна качнула головой. Не соглашалась:

— Здесь спокойней.

— Ну, а у себя приютишь?

— Живи, вдвоем веселей! — она попыталась даже улыбнуться и взглянуть на него ласково, но это получилось так грубо, что он в душе чертыхнулся: «Ну и мымра!»

Едва они остались вдвоем, Анна раздраженно спросила:

— У тебя деньги есть?

— Осталось немного! — Алик смущенно отвел глаза.

— Займи сотню! — впилась в него нехорошим взглядом Анна.

Он вынул из заколотого булавкой кармана мятый полиэтиленовый мешок с паспортом и деньгами, отсчитал сто рублей засаленными трешками и пятаками. Анна, повеселев, выхватила их из его рук, сказала ласковой:

— Ты располагайся у меня. Прими ванну, а я скоро приду.

«Вон как у них дело поставлено! — с неприязнью подумал Алик. — Будто в городе». Там были большие перемены. Раньше, бывало, ночью не купишь спиртное, а теперь в любое время приезжай в «турчатник» — азербайджанский район, плати и хоть запейся.

Анна шмыгнула на кухню, где гремела посудой Людмила. Алик услышал, как она отрывисто спросила у нее:

— Где Малик?

Людмила, помолчав, что-то тихо ответила. Анна, опустив голову, быстрыми шагами прошла через зал к двери. Алик пошел за ней в скальный дворик. Его подружка, не оборачиваясь, уходила к перемышке. «Ну вот, — подумал чикиндист. — Врач-то аптекарем подрабатывает».

Анна вернулась минут через сорок. Вскоре пришли с огородов колонисты, веселой толпой расселись за столом, стали расспрашивать о городе. Сергей с Алексеем сокрушались, что не заказали ему газет.

— Мы тут ночами от транзистора не отходим, — азартно поблескивал стеклами очков Сергей. — Время-то какое... Недавно передавали, на Урале община свою деревню строит и никто их за это в дурдом не упекает. А мы тут прячемся как мыши. Может быть, скоро плодородную землю можно будет взять в аренду, построить свое село или брошенную деревню занять — в России, на Алтае таких деревень полно. Как можно жить, как жить, лишь бы только эти номенклатурные твари в нашу личную жизнь не лезли. Нравятся им дебилские цитаты своих классиков — пусть живут по своим талмудам. Лишь бы от нас отстали.

— Плодородная земля — это конечно хорошо, — хмуро опустил глаза Алексей. — Но я в это, — обвел взглядом стены, — вложил все, что у меня было. У тебя хоть квартира в городе есть. Мне отступать некуда.

— Да о том ли разговор, Алексей, — запальчиво кипятился Сергей. — Я не о нас, я вообще, за идею. Давно ли, за одну только высказанную вслух мысль, меня выперли из аспирантуры, затаскали и упрятали. А теперь такие возможности...

Было далеко за полночь. Колонисты спали. Луна на ущербе клонилась к западу. Ее свет упал на постель через узкое окно, в котором — протяни руку — скала со сверкающей звездами полоской неба над ней. Анна была и ласковой, и страстной, и благодарной. Не говоря о своем пристрастии напрямик, она уже ничего не скрывала, понимая, что Алик обо всем давно догадался.

— Сегодня ты меня спас, Медведь!

— Зачем ты это делаешь? — как можно мягче спросил он и провел пальцем по исколотым венам. Она отдернула руку.

— Я же тебя не спрашиваю, зачем ты пьешь всякую гадость!

— Бросала бы ты и выходила за меня замуж Я бы и дом построил, и пить по свински бросил, — Алик постарался сказать это серьезно и торжественно, но почувствовал, что получилось комично.

Анна прыснула, уткнувшись лицом в подушку. Успокоившись, повернулась к нему. Ее губы змеились в полутьме.

— Была уже замужем. Был муженек, не тебе чета, пару костюмов имел перед свадьбой, квартиру и даже «москвич». Правда, когда пьян — мало чем от тебя отличался. И какое значение для вас имеет образование, гардероб: все вы одинаково похожи на скотов. Как я вас ненавижу! — вдруг с сильным чувством прошептала она. — Отец был алкоголиком, муж попался не лучше: напьются, облюются, распустят слюни, заведут свои пьяные беседы... Вонь, грязь... Ты меня

такой видел? Вот в том-то и разница, мой милый Медведь. Лучше вообще не иметь мужа, чем пьяницу!

Такого Алику еще не говорил никто. Его много раз унижали в жизни, но не так. Вся прежняя жизнь, все, чем дорожил, было попорчено. Да, пил он порой некрасиво, но ведь не алкаш. Выпивка давала ему и удаль, и уважение знакомых, и самоуважение, и умные мысли, и глубокие чувства. Как встретиться с другом и не выпить? Страдать или радоваться без бутылки? Он верил в глубине души, что даже лежа в полном отрубе среди улицы или сидя в «обезьяннике», он был Аликом-волчатником, да, бухариком, но ведь не гнусным пидором — дохлой наркотой. На какое-то время он даже растерялся от ее слов и молчал: это она, оказывается, не желала снисходить до него и по какой причине... Обида клокотала в горле.

— Не сравнивай бухло и иглу, — заговорил он срывающимся голосом. — Я могу пить, а могу и не пить... А ты через пять лет старухой станешь... Если доживешь!

Анна резко поднялась, подтянув колени к груди, сжавшись в комок, как ежик.

— Уходи! — прошипела с такой злобой, что говорить о чем-то или извиняться ему не пришлось в голову. — Получил за сотню молодую красивую бабу у нее на квартире и в расчете!

Алик вздохнул, свесил босые ноги на пол, стал одеваться. Сколько он думал об этом разговоре, подбирая слова. Все равно вышло не так. Он спустился в темный зал. Тускло мерцала маленькая лампочка. Лунный свет падал на пол через окна. Скалился во тьме деревянный мужик, усы его топорщились, бессонные глаза буравили мрак. Девочка Леля восхищенно смотрела в каменную стену глазами будущей женщины. «Наверное, все это они бросят, и опять год за годом будет стоять Башня, такой, какой ее для чего-то создал Бог, — подумал Алик с тоской. — А может быть, пусть живут, как умеют? — Но тут же выплеснулась обида: — Да я пятнадцать лет в лесу... Будут они меня учить, как надо жить. На склон! Пусть поработают, как я. За свободу платить и платить надо!»

Он пробрался в кочегарку, где оставил рюкзак, вынул и проверил фонарик. Плотно закрывая двери, вернулся в зал, коснулся рукой плеча девочки: «Леля, помоги мне!» Через дворик тихо вышел на перемышку и, изредка мигая фонариком, направился прямо к гребню.

Ему пришлось на ощупь полазить по скалам, прежде чем он нашел тропу. И луна, как назло, была на другой стороне гребня. Наконец-то он добрался до места, где полка обрывалась. У края в трещину был вбит скальный крюк, его нельзя было заметить снизу. Значит, здесь и ходит стрелок. Но не таскает же он всякий раз с собой лестницу. Алик стал светить по трещинам возле себя и вскоре нашел короткую веревку с двумя карабинами на концах. Сел, размышляя, как ей пользоваться.

Это были перила, и для того, чтобы их навесить, нужно было найти, по крайней мере, еще один крюк. Скорей всего их должно было быть — три. Один из них — под рукой. Алик положил найденную веревку на место, достал из рюкзака свою и пропустил конец через ухо скального крюка. Удерживаясь за нее рукой, свесил ноги в пропасть и стал на шаривать носком сапога трещину. Ноги нашли

надежную опору: иначе и быть не могло. Он посветил вверх и увидел серьгу карабина, висящего на другом скальном крюке. До него можно было дотянуться рукой. Сделав еще шаг, Алик пропустил веревку через этот карабин, распластавшись по стене, сделал еще один шаг. Теперь он уже знал, где искать третий крюк. Прижимаясь животом к скале, он сделал еще шаг, вылез на полку, прополз несколько метров на четвереньках, встал, выдернул за собой веревку, и, подсвечивая под ноги, пошел к жандарму.

Это был настоящий дзот, прикрытый сверху тентом палатки. Он был аккуратно выстелен сухой травой и мхом, уютен, как мышинное гнездо. К скале была прислонена мелкокалиберная винтовка в овчинном чехле. В расселине лежал распечатанный блок целевых патронов и маленькое зеркальце. Уже рассветало. Алик посмотрел на спуск в каньон и рассмеялся: если бы даже он мчался оттуда на коне, стрелок все равно первым добрался до Башни.

Он вынул из чехла однозарядную длинноствольную винтовку с оптическим прицелом, передернул затвор, вставил в патронник желтенький патрончик, удивляясь мастерству стрелка: по скорости его стрельбы Алик думал, что винтовка если не полуавтоматическая, то, по крайней мере, многозарядная.

Прошло, наверное, больше часа — Алик даже подремать успел — вдали, за ледниками, показался краешек солнца. Кто-то торопливо бежал от Башни к гребню. Это была Татьяна.

— Вот стерва! — беззлобно выругался Алик. Приятно было, что Леха и Виктор ни при чем. — Я ведь с этой мочалкой даже пил... Обед заботливо засунула в карман, а через пятнадцать минут обстреляла. Все знала и посмеивалась. Нехорошая девочка!

Скоро он услышал ее шаги. Раскрасневшись, Татьяна шагнула в дзот и застыла с широко открытыми глазами. Алик улыбался, зажав между колен расчехленную винтовку.

— Ку-ку! Бухнуть не хочешь?

Колени женщины подогнулись, она села, обхватив голову руками:

— Ой, дура-дура!

— Конечно, дура! — усмехнулся Алик. — Надо было в лоб целить, а ты все вокруг да около.

— Дай сигаретку?

Алик швырнул ей мятую пачку и спички. Она неумело раскурила, ее пальцы дрожали.

— Я не убийца, Алик, и зла тебе не хотела. Хотя, не поверишь, Тимоха мне предлагал целую пачку денег... И зачем ты полез в нашу помойку?

— А ты зачем полезла?

— Про меня другой разговор, — вздохнула она. — Мне деваться некуда. Год проработала в магазине — растрата. Тимоха говорит — тюрьма... Я же копейки не взяла, — как девочка, всхлипнула она. — Только не в тюрьму — лучше отравиться. — Вытерла кулачком слезы, пососала гаснущую сигарету, сплюнула прилипший к губам табак. — Теперь уж все равно — вернусь и отравлюсь.

— Я тебе не судья, закладывать не собираюсь, но и сидеть за ваши дела тоже не хочу. — Он с любопытством взглянул на Татьяну: — Ты что, беглая каторжанка?

Она заплакала навзрыд:

— Тимоха уговорил: спрячься на годик-другой, чтобы не судили под горячую руку, а там разберутся. Привел сюда нас с Маликом. А теперь говорит, еще три года за побег.

— Что за Тимоха?

— Ленька Тимофеев, Леонид Иванович, да видел ты его...

«Тимохин друг!» — сказал перепугавшемуся купцу Виктор при первой их встрече, вспомнил Алик. — И он, друг и компаньон, Виктор, все знал».

— Алик!? — Татьяна кинулась к нему. Он отодвинул винтовку, выставив вперед ногу. Женщина села, затянулась мокрой от слез, потрескивающей сигаретой. — Я не хочу в тюрьму! — закричала, стуча кулачками по коленям.

— Не хочешь, а впуталась в такое дело, которое лет на десять строгача тянет, да еще оружие, стрельба — теперь меньше чем пятнашкой не отделаешься.

— Ты не знаешь Тимоху, какой это подлец.

— Что, кроме вас с ним, никто не занимался наркотой?

— Все! — закричала Татьяна, и ее кукольное личико некрасиво сморщилось. — Все сволочи, и твоя Анка тоже. Тимоха — ее бывший муж, он ее и приучил к опиуму. А знаешь, чем она ему платит за это?

— Заткнись!

— Догадываешься! — спокойней сказала Татьяна. Брезгливо пососала мокрую сигарету и бросила ее на землю.

— Скоро урожай собирать будете? — усмехнулся Алик. — Что, «ширево» тоже голяком обрабатываете да с проповедями, или как?

— Будут они пачкать свои ручки, жди, — не поняла иронии Татьяна. — Все догадываются, на какие деньги живем, и делают вид, что ничего не понимают. Я одна — за всех расплачиваюсь! Конечно, они все могут вернуться в город. А мне что делать?.. И Малик здесь из-за меня. Он — врач, квалификацию теряет...

Она вытерла сырые пальцы о камень, достала вторую сигарету.

— Как же, будут они пачкаться.. — повторила сварливо. — Того хлеба, что Сергей выращивает, нам на неделю не хватает. Но он работает и считает, что ест свое. Витька с Людой отдают шестьсот рублей в год и не хотят ни о чем думать. Лешка потратил пять тысяч на дом, здесь все — его. Анка — готовит. Все, вроде, имеют право жить. А вот не даст Тимоха две тысячи осенью, и не будет Колонии Разума...

Сволочи, закупают продукты, деньги в руках держат и не думают, откуда я их беру. Я их всех содержу, работая у Тимохи сторожем. А он, прежде чем деньги дать, еще издевается... Женщина из тюрьмы — это ужасно, — снова всхлипнула она.

— Печальная история, — сказал Алик. — А стреляешь ты здорово.

— Подавала надежды в институте. Была кандидатом в мастера спорта.

— Я бы такой больше платил, чтобы только портянки стирала, еду готовила, ну и любила иногда. Отсидишь, возвращайся — цены тебе не будет... Малик-то, наверное, задержится, как добропорядочный муж, — съязвил чикиндист и тут же пожалел о сказанном. Глаза Татьяны полыхнули, пронзительно впились в него.

— Причем тут Малик, — спросила она, бледнея.

— Ну, а как? Муж все-таки. С него и спросят на следствии — куда смотрел? — заюлил чикиндист, уводя в сторону от сказанного. Татьяна немного успокоилась.

— Так что же нам с тобой делать?

— Все равно, — вздохнула она. — С меня хватит. Поступай как знаешь, я и так увязла, и с каждым годом все хуже. Пойду в город, узнаю все и если тюрьма — отравлюсь... Все надоело, — опять всхлипнула она. — Жить хочу нормально, на работу ходить, ребенка родить хочу... Чтоб все законно.

— И чем же я могу тебе помочь?

Татьяна качнула головой:

— Никто мне уже не поможет!

— Тогда ты идешь домой, сегодня молчишь, а завтра поступай как знаешь. Урожай ваш я выдеру, сама понимаешь, сидеть мне тоже неохота: найдет плантацию участковый, он вас искать не будет — цап меня за шкуру, а себе очередную медальку на грудь. Ну, а теперь по домам?

Алик встал, рассовал по карманам патроны.

— Винтовку я конфискую, а то еще пристрелите.

— Я не враг тебе, Алик, — сразу как-то повзрослев лицом, сказала Татьяна. — Но, насколько понимаю, — урожай на корню продан и в это замешаны такие люди, что и твоему участковому голову оторвут и тебя из-под земли достанут... Только не пойми, что я угрожаю.

Они расстались возле перемычки. Алик махнул рукой, прощаясь:

— Желаю выпутаться... Ну а если подашься в бега, приходи, всегда устрою. —

Он стал спускаться к озеру, чтобы оттуда кружным путем выйти в каньон. Держался ближе к скалам. Как знать, может быть Тимоха крутится где-то рядом и уже начал за ним охоту. Алик поднялся по каньону всего лишь метров на пятьдесят и увидел узкую грядку. Стройные, высокие маковые стебли такой величины, какой он никогда не видел, стояли здесь не шелохнувшись. На надрезанных головках в опадающей кроне светло-розовых листьев тяжелыми каплями выступило вязкое белое молоко.

«Вот оно — сердце колонии», — подумал чикиндист.

На винтовке не было ремня, а выпускать ее из рук Алик боялся. Он отрезал кусок веревки, повесил ружье на плечи, вынул острый складной нож. Предстояло поработать.

Маковых стеблей было много. Срезав их, Алик сложил небольшой стожок, еще раз обшарил каньон — но больше ничего не нашел. Хвороста вокруг хватало, и вскоре на открытом месте запылал жаркий костер. Огонь с шипением пожирал урожай, тяжелый дым тек вниз по ущелью.

Наверное, Татьяна сдержала слово. Или Тимохи не было поблизости, а колонисты не хотели ввязываться в его дела. Но костер догорал, а в каньоне было тихо. Алик залил угли водой из чистого, журчащего в траве ручейка, еще раз огляделся и пошел вниз, бормоча:

— Вот теперь попробуйте быть свободными, за свой счет!

Судя по солнцу, было около десяти часов утра. Он выбрался к лесной пади притока реки. Хотел остановиться, наловить рыбы и позавтракать, а ноги сами несли вниз, подальше от каньона. Вот и река. Алик не стал раздеваться: вытащил

из карманов патроны и спички, вошел в воду выше колен и переправился на другой берег.

Теперь спешить было некуда: участок от впадения Арналау в Байсаурку до самой избышки хорошо просматривался с Башни. Конечно, колонисты могли устроить засаду ночью, возле сакли, но в темноте у Алика было больше шансов обнаружить их первым. Он разложил костер из недымящихся веток, сбросил мокрые сапоги и портянки, сел на замшелую мягкую валежину. «Надо же было так вторгнуться в мои-то годы!» — подумал, морщась и сплевывая в сторону от огня. Если бы не страх потерять самое ценное в жизни — свободу, уже готов был согласиться жить с наркоманкой, рожать на свет несчастных уродцев или травить их, единокровных, в утробе жены. «Бог спас! Радоваться надо», — убеждал он себя. Но нудная пустота саднила внутри, будто из груди откачивали воздух. Напиться бы, да нечем. К тому же, только-только пришел в себя после города. Рискнуть, полезть в драку... Впрочем, драка только начиналась. Татьяна предупредила, что просто так это ему с рук не сойдет.

Поблизости была та самая падь, где медведь задрал марала и волка. Алик закурил, поглядывая на розовые скалы вверху, бросил окурок в огонь, взял за ствол лежавшую на коленях винтовку, отставил ее в сторону. Чуть просушив у огня портянки, намотал их на ноги, затем натянул скрипучие сырые сапоги.

Неужели медведь нападает на человека? Зная повадки других зверей, в это не очень-то верилось: никто тебя в лесу не тронет, если будешь вести себя по правилам и законам леса. Попробуй, зайца загони в угол, он тоже бросится. Но слишком уж много баек об агрессивности этого зверя. «Может быть медведь опасен во время гона?» — подумал он и зашагал вверх по склону к старой ели, из-под которой когда-то наблюдал за зверем.

В жизни лесного бродяги много удивительных совпадений. Одно из них произошло и в этот день. Алику даже не пришлось искать медведя: он мирно жевал траву на том самом месте, где они виделись в прошлом году. Кормежка была в разгаре. Зверь, устав стоять, падал на живот, сгребая передними лапами траву в пучок, рвал ее зубами, мотая от удовольствия большой лохматой головой.

По глубокому убеждению Алика, не только звери, но даже птицы, которые по сравнению с хищниками совсем дуры — чувствовали, вооружен или не вооружен человек. Он прислонил к смолистой ели винтовку, выложил на сухую подстилку из хвои патроны, подумав, воткнул в кору нож. Ветер дул сверху, и в голове уже складывался план подхода к медведю: руслом сухого ручья, по осыпи, до небольших скальных столбов. Возле них, пожалуй, и стоило держаться — по поляне ближе к зверю не подойти.

Алик спустился и проделал этот путь, оказавшись метрах в сорока от медведя. Забавная мысль пришла ему в голову: он сорвал пару широких листьев, сунул их стеблями за отворот афганки и сел, выпрямив спину, на видном месте. Перед ним была небольшая долина с высокой сочной травой. Весной здесь широко разливался ручей, текущий с верховий пади, пересыхавший к середине лета. Слева из склона выпирали небольшие скальные зубья, а за спиной была осыпь.

Заметив движение, медведь обернулся, стал пристально всматриваться маленькими подслеповатыми глазками и тоже сел, вытянув шею. Алик повертел

головой с болтающимися лопухами и разлегся на траве. Медведь поднялся, осторожно двинулся в его сторону, прижимая к груди то одну, то другую лапу после очередного шага. Он приближался не напрямую, а в обход, слева, то и дело останавливался, щурил глазки, шевелил черным влажным носом.

Хоть и верил Алик в медвежье благоразумие и звериную гуманность вообще, но когда стали видны чуть попорченные желтые клыки и зеленая слюна на шерсти, ему стало не по себе. Медведь сел, отвернул голову в сторону, вроде бы даже потянулся носом к какому-то кустику, но блестящие глазки то и дело с недоумением поглядывали на человека. Не глядя на него, медведь сделал еще три шага вперед. И только тут Алик сообразил, что он отрезан он скал. Маневр зверя был понятен — не слишком-то доверяя глазам, он хотел выйти на ветер и определить, что за нахал посягнул на его уголья.

«Неужели сожрет?» — простучала кровь в висках, и мурашки побежали по телу. Черт подери, Алик снова хотел жить. В нем смешались страх и любопытство. Он жутковато заорал, зверь отпрянул, потянулся к нему влажным носом. Алик схватил камень, швырнул, попав медведю в грудь. Тот, кажется, даже не понял, что произошло, не двинулся с места, зарычал, выгоняя чужака на открытое место. Алик швырнул еще один камень и, не выдержав, отступил. Пролетев мимо зверя, камень загрохотал по осыпи. Медведь оглянулся — опасаясь подмоги. Был миг, когда надо было шагнуть ему навстречу, чтобы не пустить на край склона. Но Алик не смог заставить себя сделать этот шаг — подрагивали колени. Медведь придвинулся и растерянно выпучил глаза, будто получил удар дубиной по морде. Ветер пахнул на него едкой кислятиной человеческого пота. С кошачьей ловкостью он подпрыгнул на месте — комья земли брызнули в лицо Алику, медведь поскользнулся, растянулся, прокатившись юзом по осыпи, кувыркнулся и сменил направление, быстро удаляясь.

Алик лег на траву. Сердце билось легко и ровно. Было даже грустно от того, что и среди зверей он чужак, и среди людей. Но пустота в груди заполнялась, и тоска отступала. Теперь заныло, засосало в желудке, и он только сейчас вспомнил, что не ел со вчерашнего ужина.

Алик поднялся и вернулся к оружию, срывая на ходу гроздь смородины. Вскоре он подстрелил пару куропаток, выпотрошил их у ручья, испек на углях и съел без соли. Теперь можно было жить до ночи.

Луна вошла не сразу: сначала в потемках знакомыми тропами, потом при лунном свете Алик пробрался к своему ручью. Но здесь не пошел по тропинке, а стал карабкаться в гору, чтобы спуститься к избушке сверху, через крышу. В полусотне шагов от нее он затаился, долго прислушивался. Когда из выгребной ямы вспорхнула ночная птица, захлопала крыльями, путаясь в кустарнике, Алик уверенно спустился к двери, отпер ее и, завесив окно одеялом, засветил лампу.

До утра можно было отдыхать спокойно. Колонистам не по силам шляться в темноте. Он затолкал в рюкзак кое-что из вещей и растянулся на нарах, похрустывая сухарем. В ногах свернулась кошка. По законам леса она, домашняя тварь, не могла целый год жить здесь, оставаясь подолгу без хозяина. Но ведь как-то умудрялась выживать. Теперь урчала, свернувшись в ногах, радовалась, что

хозяин вернулся. Жаль было кошку. Вдруг и выживет: вода рядом, мышей много. Ну а если нет, то примет смерть, достойную зверя и не будет торчать ее хвост из помойки.

Утром, чуть зачирикала ранняя пташка в кустах, Алик выложил на пол пару черствых лепешек, потрепал кошку по загривку, запер избу и ушел к перевалу, вверх по пади. Там среди последних, закаменевших на ветрах, деревьев спрятал мелкокалиберную винтовку, завернув ее в старые тряпки и сунув в сухую выгнившую изнутри валежину. Здесь ей не опасны были ни дождь, ни снег. Снова кочевал Алик.

8

В город он попал будто по вызову. В конторе как раз формировалась бригада из бичей, уголовничков и беглых каторжан — Индеец принимал меры для гарантированного выполнения годового плана. Среди этого сброда были знакомые из старой чикинды, потерявшие свои участки или возвращавшиеся на забубенную стезю после очередной попытки устроиться и выжить в городе. Забрасывалась бригада в труднодоступный горный район. Во дворе «Травлекпрома» была поставлена палатка, возле нее валялись спальные мешки, рюкзаки и чемоданы.

— Подмога прибыла! — увидев Алика, похмельно захохотала Зинка, скаля прокуренные зубы. Ее лицо до черноты было прожжено солнцем, на острых коленках в выцветших хэбэшных штанах лежал тяжелый дробовик. Года три назад, когда у Зинки с Удавом был свой участок в приграничном районе, Алик частенько бывал у них.

— Где бичуете? — спросил он, присаживаясь рядом на свой тощий рюкзак.

— Да вот, прошлый год как путевые устроились на работу, нам и комнату в бараке дали. Володя-то запил. Оно и понятно. Попробуй, удержишься, когда магазин через дорогу... А участок мы потеряли. Индеец к зиме обещает новый дать.

Алик кивнул и подумал, глядя на нее: «Пока никому не сдам свой участок. Кто знает, как еще все обернется».

— На охоту собираешься? — кивнул на дробовик.

— Наши пошли на разборку в Черный Ишак. Кого-то там местные обидели. Скоро прибегут. Может и побитые. Жду вот!

Зинка откинула полог палатки, там стоял ящик с вином. Вытащила бутылку:

— Подкрепись пока!

Алик вздохнул:

— С возвращением, Алик Кошибаевич! — скovyрнул жестяную пробку и, почти не отрываясь, опорожнил бутылку. Крякнул. Был тихий загородный вечер, быстро темнело.

— Слышишь?! — вытянула шею Зинка. — Топают... И кричат. Ты пока хоть дубину возьми.

Въездные железные ворота были заперты, но узкая дверь в них с грохотом распахнулась. Через нее, матерясь, кинулись сразу несколько человек. Двое перескочили через ворота. С той стороны кто-то завыл.

— Зинка, чего вылупилась? Стреляй! — заорал Удав, размазывая кровь по лицу. Алик выломал точеную ножку от старого стола управляющего, выброшенного из конторы, кинулся к двери, зафехтовал удобной дубинкой, но с улицы напирала и дверь закрыть не удавалось. Он не слышал выстрелов, просто резко дернулись и гулко загудели ворота. Нападавшие вместо того, чтобы разбежаться, посыпались сверху, как картошка из куля, забегали по двору. Заскрипела тормозами машина, Алик успел заметить, запирая дверь, — милицейская. В груди неприятно похолодело.

С той стороны властно затарабанили:

— Эй, кто стрелял?

— Никто не стрелял! Это я ворота захлопнула, — хриплым ележным голосом ответила Зинка и выглянула за калитку. Алик, забившись между складом и забором, вытирал рукавом разбитый нос. Кто-то дергался у него под боком. Он оглянулся: незнакомый парень, затиснутый им в глубь щели, извивался ужом и поскуливал, топчась на пышном крапивном кусте.

— Ну, ничего себе грохот. Как из шестнадцатого калибра, — удивился тонкий голос со стороны улицы.

— А ты кто?

— Сторожиха «Травлекпрома», — с готовностью выпалила Зинка. — Рабочий день закончен, пускать никого не велено...

Машина отъехала. Из щелей, из крапивы осторожно вылезали мужики — свои и чужие.

— Я тебя чем бил, паскуда? — уже напирал на кого-то Удав, седой, лысый, безносый, кривой от стародавнего выстрела дробью, снесшего ему пол-лица. — Я тебя честно, кулаком, а ты меня кружкой по морде, напишу, падла!

Кто-то прыснул за его спиной, и вдруг этот нервный смешок превратился в дружный хохот. Удав еще матюгнулся раз-другой и тоже захохотал, разинув сомовью пасть, сплевывая кровь с беззубых десен.

Свои и чужие допили ящик дешевого вина, толпой отправились куда-то искать брагу — магазины уже были закрыты. Опять Алик был среди своей, нелюбимой, но понятной толпы.

В город он выбрался из ударной бригады только через два месяца с машиной нарезанной эфедры. Траву сдал, деньги получил. А в магазинах за вином и водкой толкалась очередь, будто за мясом. «Ну, блин... Да чем так давиться — лучше в «турчатник» на такси съездить».

— Алик! — пискнул чей-то голосок в толпе. Он бы и внимания на него не обратил. Кто-то толкнул его в бок.

— Тебя что ли зовут?

— Кто? — удивленно оглядел толпу Алик и у самого прилавка увидел знакомое лицо. Он не сразу узнал в подкрашенной горожанке в учительских очках Фаю. Кинулся в толпу, радостно сжимая в кармане деньги.

— Бог мне тебя послал! — протолкнулся к ней. — Хоть бы пару флаконов купить!

— Не хочешь постоять в очереди вместо меня? — Фая затравленно вздохнула, устало улыбнулась, поблескивая холодными лучиками учительских очков.

— Еще бы, не хотеть? — весело втиснулся Алик. — Жабры горят... Ты только никуда не отходи, я на двоих возьму.

— Да мне и нужно-то одну бутылку водки! — виновато оглянулась она.

— Зато мне — много!

Давали по одной бутылке водки в руки, а вина — по три, да еще больших восьмисотграммовых бутылки. Алик взял на двоих и выбрался из толпы, прижимая бутылки к груди как охапку поленьев.

— Ну, живем!.. Не нужны мне твои деньги — так забирай... В турчатнике с меня бы больше взяли, да еще мотор... Я сегодня богатый! — И только тут Алик заметил, что в руках у Фаи тяжелая хозяйственная сумка, от которой ее стройная фигурка кособочится на сторону. Выбираясь из очереди, он уже прикинул, что водку сунет во внутренний карман пиджака, два «огнетушителя» в боковые — остальное унесет в руках. Взглянул на Фаю виновато: понимая, что надо бы ей помочь.

— Ты куда с этим мешком, — кивнул на сумку, — домой?.. Ловим мотор и я тебя попутно заброшу.

— Я неподалеку отсюда живу. Если ты мне поможешь — я еще кое-что куплю.

Она порхнула как пташка и исчезла в толпе. Прошло минут пятнадцать, Алик стал беспокойно поглядывать вокруг и чертыхаться. Наконец-то появилась Фая с пакетами.

— Ну, ты чо так долго? Буксы-то горят... Я же только с гор.

— Да вот тебе сетку купила и оберточной бумаги выпросила, чтобы бутылки завернуть.

— Чо их заворачивать? Я так все унесу: за пазуху две затолкаю и вперед с твоей кошелкой в зубах.

Фая опять смущенно оглянулась и сказала приглушенно:

— Алик, я не могу идти рядом с мужчиной, у которого из всех карманов торчит стеклопосуда. Да еще бормотуха.

— Ну, интеллигенция! — нехотя стал заворачивать он свои бутылки. — Как живете-то... Детишки, муж, все нормально? Колонию бросили?

— Пришлось! — насмешливо и строго взглянула на него Фая и шагнула к выходу. С сумками в руках он двинулся следом. Что-то очень не понравилось Алику в ее мимолетном взгляде. «Завлекут как волка в кружало и пришьют за свою планташку», — с тоской подумал он, понимая, что не сможет вот так посреди улицы бросить ее сумку и убежать. А Фая, распрямившись после ноши, с прямой как у балерины спинкой, с чуть приподнятыми плечиками, с вытянутой шейкой, урожденная горожанка, летела в нескольких шагах впереди. Чуть выбрались они в относительно безлюдное место, свернув в тихую улочку с опадающей золотистой листвой тополей, она обернулась и приблизилась.

— Дети в порядке! — сказала, будто Алик только что задал вопрос. — А Сергей нас бросил... Ты молодец, конечно, всех заставил показать свое истинное лицо... Ну вот, мы почти пришли.

На тополях нагло и безбоязненно расселись жирные городские вороны: в лесу они никогда бы не подпустили людей так близко. Окруженный каменными многоэтажками и состарившимися деревьями, в тупике стоял древний двухэтажный дом, обшитый черными досками, жалкий и ветхий среди гигантов. Фая, не спрашивая, желает ли Алик заходить к ней, позвенела ключом и открыла дверь. Он поставил сумки в простенькой, но чистой прихожей и облегченно распрямился.

— Дети у матери. Проходи, будем ужинать! — скомандовала она, кивнув на распахнутую высокую дверь в узкую комнату с окном во всю стену. Когда-то это был просторный балкон.

Алик сел за круглый стол. Фая долго не появлялась, позвякивая посудой где-то в глубине квартиры. Он содрал зубами пластиковую пробку с бутылки, сдул пыль с вазы для цветов. Налил в нее и выпил.

Фая вошла с закуской на подносе. Она была теперь в тонком спортивном костюме, подчеркивающим стройную фигуру, с распущенными по плечам волосами и без очков. Такой Алик и запомнил ее во время праздника весной.

— Я уже выпил, — ухмыльнулся он. — Жабры высохли, не дождался.

Она терпеливо кивнула, улыбнулась одними глазами, расставила фужеры, села, подперев подбородок кулачком. Каштановая волна волос заструилась по руке к локтю. Алик растерялся под ее спокойным, оценивающим взглядом, наполнил фужеры. Она лишь коснулась стекла губами, он же снова осушил свой до дна и почувствовал, как теплая волна хмеля ласково обволокла его и жизнь стала праздничной. Он насмешливо посмотрел через стол.

— Курить можно?

Фая подвинула ему блюдце вместо пепельницы.

— Из наших никого не встречал, как они? — спросила она.

— Так я же там не был с тех самых пор, как мы виделись в последний раз! — удивился Алик. — Два месяца с бичами воевал. В глаза бы их не видел. В контору идти не хочется.

— Так ты совсем ничего не знаешь? — будто даже обрадовалась Фая.

— Ну, может быть, только кое-что! — пожал плечами Алик.

— Там такое началось сразу после твоего исчезновения. Муженек мой тайком набил рюкзак и сбежал с Танькой, бросив детей. Малик бился в истерике и кричал: «В гробу я видел ваши русские пляски с голыми задницами, вернусь в город, обрежусь, язык выучу — мусульманский мир поможет нам!...»

— Анна как?

— Анюта как всегда, на другой бок перевернулась, укололась и дела ей ни до чего нет. Ну и доколосась. В Ташкенте сейчас твоя Анюта на принудительном лечении.

Алик срезал пробку со второй бутылки.

— Может быть хватит, а то упадешь? — обеспокоенно спросила Фая.

— Сергей теперь с Танькой живет? — спросил он, криво усмехаясь.

— Если бы так, — вздохнула Фая и опустила большие и незащитные без очков глаза. — Алик, у тебя такая необычная жизнь, — сказала дрогнувшим вдруг голосом, — неужели тебе никогда не приходилось убивать людей?

Он не растерялся от странного вопроса и внимательно посмотрел на нее. Медленно стряхнул пепел с сигареты, членораздельно выговаривая:

— Красивой бабе об этом думать ни к чему!

— Красивой, говоришь? — в ее обнаженных глазах вдруг блеснул холодок. — А хочешь, я с тобой буду жить в горах, в лесу, в пустыне — где скажешь? За одну только еду — работой буду... По крайней мере два года!

— Почему только два? — настороженно спросил Алик и плеснул в фужер из непочатой бутылки.

— Через два года дети пойдут в школу и придется вернуться в город... Но к тому времени, может быть, Анка освободится.

— Заманчиво, — опять выпил Алик, крякнул, снял с блюдца дымящийся окурок. — Так может, прямо сейчас и начнем обмен женами? — нетрезво рассмеялся и почувствовал, как от этой шутки Фаю покорило. Она брезгливо вздрогнула, опустив глаза и, бледнея, выговорила:

— Условие есть... Убей Сергея!

Дым сигареты стал поперек горла, и Алик кашлянул:

— Ну, ниче себе, кхе-кхе... Колония Разума.

Лицо Фаи обострилось, глаза сузились, в них блеснула ненависть:

— Пять лет в нищете... Он ведь больше ста рублей никогда не зарабатывал, да еще алименты первой жене платил — там тоже двое. И вот опять нашел единственную и любимую, которая его полностью понимает. Бросит и ее. Он — вурдалак, он — опасен, хотя бы ради той, ради третьей, ты должен убить его...

— Таньку что ли нашел?

— Да какую Таньку? Нужен он Таньке: будто она не знает, какая это сволочь! — Фая уронила голову на руки, и плечи ее затряслись. Она резко встала, закрыв лицо руками, вышла. Алик остался один, полупротрезвевший. Праздник был испорчен. Он лихорадочно соображал, что ответить и вообще, что делать.

Фая вошла. Чуть покрасневшие глаза ее были сухими, спокойными и грустными. Она села, жалко улыбнулась.

— Что, боишься, лесной человек?

Алик пожал плечами, не глядя на нее.

— Расстрельная статья... Ну, да закон-то обойти проще, чем самого себя... Не понимаешь ты, что говоришь. Человек — не баран...

Фая молчала. Пауза становилась неловкой. Алик принужденно хохотнул:

— Плюнь на него. Иди ко мне: полторы сотни в месяц обещаю. Продукты бесплатно, любовь по согласию. А что? Из ребятишек охотников сделаю... У меня бабе работы всего ничего — жратву сготовить да постирать... А что? Дом построю не хуже вашего...

Фая отодвинула свой фужер. Алик понял, что разговор закончен, поднялся, расталкивая по карманам бутылки.

— Глупые вы, городские, совсем башка не варит, что такое кровь... Курей и то за вас «дядя» режет. А туда же. Насмотрелись тут дурацких кин по телеку, — он заткнул недопитую бутылку хлебной коркой и тихо притворил за собой дверь.

Потом он пил с каким-то бичом за сараями, неподалеку от Фаиноного дома. Здесь их взяла «побирушка». Менты попались знакомые, усадили его с шутками, предлагали отпустить, если уплатит выкуп. Но Алик, доброй волей отдав им непечатую бутылку, решил переночевать в вытрезвителе: очень уж не хотелось идти в контору. На другой день, слегка опохмелившись пивом, он закупил продукты и отправился на свой участок — будь что будет! «Вдруг цела избушка», — маялся всю дорогу, будто на родину возвращался. Много курил. Проехали последнее село. Замелькали знакомые места.

Впереди на дороге маячила фигура человека. Пешехода в этих местах встретишь редко и почти наверняка это русский. Машина притормозила. Человек обернулся.

— Богутек! — закричал Алик, высунувшись из кабины. И шоферу: — Стой!

— Здорово, Богутек, друг! Первый раз вижу киргиза пешком. Разучился, что ли ездить верхом?

— Лошадь сбежал к леснику! — хмуро ответил чабан, забираясь в кабину.

— Из гостей идешь, подпитой конечно? — радостно скалился Алик.

— Из гостей!

На другом берегу реки, там, где было поле, вырос аккуратный домик и длинный низкий сарай. Казахам хоть руки выверни, они так красиво не построят.

— Что за кошара? — удивленно таращась, указал пальцем Алик. — Чья?

— Свинарник. Русский делает семейный подряд. Веселый русский, — угрюмость сходила с лица чабана, на миг забылись заботы о пропаже коня.

— Казахи говорят, русский пришел к председателю, анау-ману: я вам план по мясу чушками делать буду, дай землю и трактор... Бастык ему: «Перестройка... демократий... Собраний делать надо, народ спросить».

Казахи ругаются: мы — мусульмане, воду из одной реки пить будем с русскими чушками — не хорошо. Русский им говорит — не будет навоз: будет замкнутый цикл. Свинья свой навоз есть будет и толстеть шестьсот грамм в сутки. Чиста — муха не сядет. От свинарника запах — одеколон. Говорит, я вас научу свинину по-казахски варить.

Казахи плюются, а русский хохочет. Говорит, я ем казахский казы и глаза от удовольствия делаю узкий-узкий. Обещал: «Сам ферму сожгу, если в воде запах будет». Разрешили ему попробовать. Жена у него, дочка... Арак совсем не пьет, брага не делает, богу молится, говорят — китайский шпион или немец.

— Надо зайти, познакомиться, — обернулся к удаляющейся ферме Алик. — Какой ни есть, а сосед ... Моя изба цела, не знаешь? — спросил, затаив дыхание.

— В июле цела была. В августе — замок висел, — сказал Богутек. — Потом там не был.

Богутек высадился возле лесного кордона. Алик издали помахал вышедшему на крыльцо леснику, с которым у него были хорошие отношения, оставил возле

шлагбаума бутылку вина и проехал дальше. Около скотогонного моста он разгрузил машину, расплатился с шофером, сунул за пазуху бутылку водки и пошел к своей сакле. Сам того не желая, он то и дело убыстрял шаги, пока не останавливался, переводя дыхание, снова заставляя себя идти размеренно. Некоторое время даже шагал под счет. Вот, наконец, стал виден рубленый угол из желтых бревен. «Цела изба», — облегченно вздохнул чикиндист.

Кустарник чуть поредел из-за опавшей листвы. Поникла и пожелтела высокая трава по берегам журчащего ручья со старым следом лошади. Метрах в пятнадцати стала видна дверь. Алик боялся верить глазам: она была не взломана, в пробое висел замок. И даже окно не было вырвано после долгого его отсутствия.

Он поднялся на высокое крыльцо, потрогал заржавевший замок, с трудом засунул в скважину ключ и не смог его провернуть. «Неужели после всего придется взламывать дверь самому?» Достал из рюкзака бутылку с подсолнечным маслом, залил его в скважину, подергал дужку, простучал по тяжелому литому корпусу замка. На этот раз ключ со скрежетом провернулся. Ржавая дужка вылезла из корпуса.

Распахнулась дверь, в лицо пахнуло сыростью, прелой одеждой и мышами. Возле печки, как живая, сидела кошка, уткнув мордочку в подушечки передних лап. Местами труп погрызли мыши. Алик взял ее за шерстку на загривке, вынес на открытое место и положил на камень: грех в лесу закапывать мясо — для кого-то и эта тухлятина — жизнь.

Чувствуя вину перед брошенной кошкой, Алик бормотал, оправдываясь: — Мышей полно, вода рядом... Больше кошек брать не буду! — решил. — Приучу горностая.

Он натаскал дров, выбросил на солнце сырые вещи. Задымила выстывшая печь, взялась пламенем, загудела. Алик поставил на огонь чайник. Осмотрелся. Похоже, что сюда никто не заходил. Виктор знал, где ключ, если он и был здесь, то не оставил следов. Алик налил в кружку водки и выпил, радуясь тому, что все цело, не желая думать о том, чем может обернуться его возвращение.

Из продуктов была еще мука, попорченная мышами, ее можно просеять. Оставалась треть мешка вермишели, несколько килограммов гороха, пшена. Была соль. С теми продуктами, что он привез, можно было продержаться безвыездно полгода. Вот только разжиться бы керосином для лампы. Можно и к свинарю сходить: пятнадцать километров — не расстояние. Хороший повод для знакомства с соседом.

Стемнело. Горела и горела печь при распахнутой двери избышки. Сохло жильё. Высыпали звезды, то и дело чиркая по небу. Алик лежал с открытыми глазами и не загадывал желаний — их не было.

Через день он отправился левым берегом вниз. Прошел пустующую чабанскую зимовку, покурил на шербатом порубленном пороге, зашагал дальше. Ельники кончились. Впереди расстилались желтые поля с пожухлой травой, зеленые пятна кустарника на лысых склонах гор. Лишь вдоль реки, по кромке берега, тянулись густые заросли ивняка. То и дело выскакивали из-под камней зайцы, с фурканьем взлетали стайки куропаток. День был солнечный и по-осеннему нежаркий.

Вдали показалась свиноферма: аккуратный рубленый домик, какие в этих местах не строят, загон из жердей, длинный сарай из плах, все под шифером. Вместо веранды над крыльцом был большой навес, под ним стоял стол и два кресла, которые показались Алику знакомыми. Возле дома трепалось на ветру стираное белье. На порог вышла женщина в синей кофте. Голова ее была небрежно обвязана платком на казахский манер. Она заметила шагающего сверху человека, взглянула из-под ладони против солнца. И снова что-то удивительно знакомое показалось ему в этом жесте. И хоть смотрела она против солнца, но первой узнала гостя.

— Алик?! — вскрикнула, улыбаясь.

— Света? — удивился чикиндист. — Ты как здесь? — ляпнул невпопад.

Женщина тихо рассмеялась:

— Тебя не узнать — подстригся, помолодел. Ну, заходи в дом!

Из сарая выглянул Алексей, прислонил к забору лопату, сбросил брезентовые рукавицы.

— Я уж думал, ты совсем покинул наши места?

— Так это вы и есть свинари-арендаторы? — присел на знакомое кресло Алик, оправившись от удивления.

— Мы и есть! Семейный подряд, ферма... Как хочешь, так и называй.

— А что же колония?

— Он еще спрашивает! — хлопнул себя ладонью по ляжке Алексей и обернулся к жене. — С твоей легкой руки все и разбежались. Давно уже... Витька, правда, если не ушел напрямик, через ледники, в город или через перевал, на Иссык-Куль, то где-то там шляется. Ну, заходи. Чего мы здесь? Попьем чайку, поговорим. Есть что вспомнить!

Дом был разделен на две части кирпичной стенкой дымоходов от печи. В комнате на полу были постелены те же паласы, а стены, как в Башне, обиты прессованным картоном, при входе в дом и между комнатами были навешаны те же самые двери с пластиковым покрытием. Кажется, сюда был перенесен даже запах колонии. Но было и новшество: в углу висели новенькие, блистающие лаком, образа.

Под столом в полиэтиленовой упаковке стоял все тот же магнитофон, только вместо электрических лампочек висели две керосиновые лампы.

— Электростанцию еще не сделал? — спросил Алик.

— Нельзя! — нахмурился Алексей. — Нагрянут с проверкой бюрократы, потребуют документы на «чабанку» или на «генератор», а где теперь эти бумаги взять? Вяжутся, сволочи, ко всякому пустяку, взятки вымогают. Патриархальный и продажный Восток, что с него взять...

Что-то мужицкое появилось в Алексее. Там, в колонии, он походил на горожанина-туриста, здесь опростел. Но говорил по-прежнему много, перебивая, не давая слово сказать гостю:

— Аренда, конечно, не идеал: разве можно на земле быть временщиком? Но сколько ждать? Отцы всю жизнь прождали права на землю, и мы почти до сорока лет. Я тут почитываю классиков, да и сам извилинами шевелю... Коллективизм — он ведь тоже бывает разный: можно согнать сто человек в одну камеру и заставить

жить вместе. А можно, как в многоквартирном доме — каждый живет своей семьей, никто не лезет в чужие дела, а работу, что одиночке не по силам, делают сообща. Это же старо, как мир, и всем известно... Свет Ванна, где у нас варенье?..

Рано или поздно здравый смысл всегда побеждает. А пока, — он осмотрелся в неоштукатуренной, но аккуратной кухне, — можно и так пожить. Я почти месяц этот дом строил. Кое-кто, конечно, помог. Ну и Виктор попахал тут. На этот раз с прикидом строили: понадобится, разберу и перевезу свое хозяйство в другое место за неделю. А то эти твари все высматривают — как только мужик прирос к земле, так начинают из него кровь пить...

Алик кивнул, прихлебывая крутой чай. Алексей угадал его мысли, рассмеялся: — У нас все первосортное... Влез в долги, но купил у талгарских немцев пять брейтовских свиноматок... Индюков хочу развести, пчел...

Алик рассмеялся, скаля щербатые зубы. Звериные желтые глаза превратились в ехидные щелочки.

— Ты чего? — поднял брови Алексей.

— Да так, — ухмыльнулся чикиндист. — Мы это уже проходили.

— Зря смеешься, — не понял намек Алексей. — Хороший индюк полсотни стоит, а вырастить его — плевое дело. Деньги можно сделать за одно лето... Местная власть, конечно, не дремлет... Корма у них выпрашивать приходится. Да только арендатор и есть арендатор: чуть прижмут — я свиной перережу и на базар. Дом разберу, на тещином дачном участке поставлю — в накладе никак не останусь... Хочешь, договор покажу? — Алексей подскочил, стал рыться в каких-то бумагах.

Светлана, молчавшая до сих пор, спросила:

— Ты-то где пропадал?

— Работал в бригаде, вернулся, буду резать траву на том же месте, охотиться... Аня не знаешь где? — спросил застенчиво.

Светлана отвернулась к печи, загремела посудой. Алексей, забыв зачем встал из-за стола, криво усмехнулся:

— Без тебя тут такие дела начались. — Он даже растерялся на миг, не зная с чего начать. Причмокнул, качнув головой. — Тимоху, оказывается, выслеживали. Ждали, когда он повезет... Что он там выращивал? Ты лучше знаешь...

— Опий!

— Угу! А он пустым ехал, с Анкой. Так что ты его от верной тюрьмы спас. А вот Анку отправили на принудительное лечение — у нее ведь все вены были в дырках... Вот так! Скорей всего, Тимоха этому поспособствовал, чтобы выкрутиться. Они ведь расписаны — ты знаешь? — метнул на Алика быстрый взгляд. — В Ташкенте твоя Анка.

За спиной всхлипнула Светлана. Алик закашлял, отворачиваясь. Закурил.

— После твоего исчезновения Сергей труханул — у него с законом дружбы не было. И так был на крючке, а тут решил, что посадят, если в горах застанут. Малик перетрухал и сбежал в одиночку. Фая с детьми уехала. Мы с Виктором решили сюда перебраться — на одной картошке не проживешь. Но они с Людой заниматься хозяйством не захотели. Наверно, пробуют, как ты, эфедру резать. А нам со Светланой куда бежать?

Вот и вся история Колонии Разума. Сегодня, кстати, день блудниц... Был бы праздник! — вздохнул он. И снова бросил на Алика удивленный оценивающий взгляд: — Ловко ты нас выпроводил.

В глазах чикиндиста мелькнули жесткие огоньки, будто через мушку ружья посмотрел.

— А вы что думали? Накормили бича, обласкали, и он за вашу долбаную коммуны — десятирик мотать по позорной статье будет?

— Я же тебя не упрекаю, — опять вздохнул Алексей. — Правильно все. Что ни делается — все к лучшему! У меня даже смысл в жизни появился. А то все чего-то боялся... Видишь? — кивнул на живот жены. — Жду сына, крепкого русского крестьянина, который одинаково ловко будет владеть топором и компьютером... За что мне на тебя обижаться? Хочешь, оставайся, не обижу.

Алик мотнул стриженной головой: — Нет, эта жизнь не для меня. Вот если соседски пару литров керосина нальете — в другой раз и я вам помогу.

— Керосин в этих местах достать трудно, а солярка есть. Тебе для лампы?

Они вышли из дома. Возле загона в земляной нише стояла промазученная канистра. Алексей зашел в сарай, Алик увидел там штабели досок и шифера, груды водопроводных труб. Всего этого хватило бы, наверно, еще на одну колонию. Хозяин нашел запыленную двухлитровую банку и наполнил ее теплой тягучей соляркой.

Алик хохотнул и спросил насмешливо:

— Ярилу с Лелей вниз не попер? Иконы-то полегче?

— Не в этом дело, — серьезно ответил на шутку Алексей: — Поставь я здесь вместо божка голого мужика или голую бабу — сам опозорюсь среди местных и всех русских опозорю. В одну и ту же реку не войти дважды. А так, при своей вере, при национальности — уважают. — Он вспомнил вдруг, что как раз об этом когда-то говорил ему Алик. Рассмеялся смущенно. — Да! Ловко ты нас обул и по философской части тоже...

— Так вы же говорили, что Иисус Христос — нерусский? — усмехнулся Алик. Глаза его превратились в узкие щелки.

— Что делать, судьба такая, — вздохнул Алексей. — По возрасту мы уже — ого-го, а умишком-то — дети. Какая может быть у Бога национальность? Бог он и есть Бог! Воплотился в другом народе — и спасибо ему, значит нашим предкам доверял, не испытывал их. Читайте сейчас Евангелие и думаю: земная жизнь Иисуса — образец для патриота, любящего свой народ и свою родину.

Садилось солнце. Золотилась и алела долина реки между двух высоких хребтов, исполосованных тропами выпасов.

— Оставайся, ночуй! — предложил Алексей. — Что ж ты, на ночь глядя собираешься?

Но Алик наотрез отказался от ночлега: надоело кочевать, гостить, нажился по чужим углам. Домой тянуло. Места знакомые, луна скоро взойдет, да и ходу-то здесь всего три часа.

— Как знаешь, — протянул руку Алексей. — Хоп! Работы у меня много.

Алик поправил козырек «афганки», съехавшей к уху, подхватил дубину, оставленную возле крыльца. Обходя загон, чуть не столкнулся со Светланой.

Только тут вспомнил, что забыл попрощаться. Глаза молодой женщины были красны, и голос дрожал от слез.

— Алик, ты не думай про нас плохо! — сказала она, потупившись.

— Мне не за что на вас обижаться, — улыбнулся он, посмотрел на нее насмешливо и настороженно.

— Думаешь, мы специально тебе Аню подставили... Ну, из-за того, что все с мужьями, а она одна, — торопливо заговорила Светлана, поправляя платок на голове, глядя в сторону... — Честное слово, она очень хотела тебя полюбить. Уж я-то знаю. И мы надеялись, что через тебя она избавится от бывшего мужа, перестанет колотиться... Не вышло, — Светлана опять всхлипнула и ткнулась лбом в плечо чикиндиста: — Ты уж прости нас, что так получилось!

— Что ты, — смущенно оглядываясь по сторонам, пробормотал Алик. — Я сам во всем виноват — влез не в свое дело и только испортил.

— Заходи к нам, — Светлана смахнула слезы и протянула пакет с теплыми шаньгами. — Возьми, перекусишь в дороге.

Алик повертел в руках пакет, кивнул и сказал:

— Ты так косынку не повязывай — казахи уважать перестанут. И вообще — если хотите жить здесь долго — старайтесь на них поменьше походить.

Стемнело. Еще в сумерках выкатилась из-за хребта огромная яркая луна, поплыла над ущельем. Шумела вода в реке, шелестела сухая трава под ногами. Тропа была хорошо видна в призрачном таинственном свете. Струилась сверху прохлада. В привычном движении воздуха появился запах снега и зимы.

«Надо бы стены законопатить», — подумал Алик, присаживаясь возле журчащего в темноте ручейка. Представились в ночи колючая проволока, холодная затхлость казармы и Аннушка.

Кустарник вдоль ручья бросал на золотящуюся землю длинные, шевелящиеся на ветру тени. Алик вдохнул: казалось бы, колонисты за дурака держали, морочили всякими бреднями, в которые сами не верили, устраивали за его спиной темные делишки — разве не вправе он считать себя обиженным? Все, что случилось — справедливо. Но, отчего так пакостно на душе? Отчего Лешка так жалок, хоть и пыжится из всех сил показать себя хозяином? И Байсаур как-то осиротел, опростился. И ему представилось вдруг, что живут они, он и колонисты, одной деревней, каждый в своем доме, каждый сам по себе и все вместе. Живут и свято и грешно, и любя и ссорясь, но зная одно, они — свои. И что бы там ни было: радость и нужда — они друг другу помогут.

Алик даже хохотнул, представив Татьяну безалаберной многодетной матерью, черноглазого Тимоху — деревенским забулдыгой, а себя любовником его жены — Анюты. «Эх, туфта все это! — поднялся, потрянул головой. — Траву резать надо!»

Пропадали драгоценные солнечные дни. Утром он хотел пойти на склон, но, осмотрев в бинокль Башню, раздумал: показалось ему, что из-под карниза, под которым был вход в лебедочную камеру, курился дымок. Вдруг кто-нибудь там остался? «За день обернусь», — решил Алик и стал собираться.

Он даже не пытался подняться вверх по кулуару, где колонисты натягивали трос: отправился кружным путем через грибные места, которыми в этом году так и не воспользовался. Кое-где среди деревьев, на желтой траве уже белели хрупкие корочки снега.

Еще издали Башня показалась нежилой: основание скалы было припорошено белой крупкой, чаша водохранилища затянулась ледком. Не было даже будки от электростанции — вместо нее квадратная яма с обвалившимися краями. Алик шагнул в скальную трещину прохода, и в чистом альпийском воздухе почувствовал запах дыма, дух брошенного жилья. Он едва не споткнулся о пустоту в скале: небо над головой, изрытая площадка под ногами. Скальные стены с пятнами копоти. Черный провал бывшего камина. Проем в стене, на месте лебедочной камеры, был завешан пологом палатки. Алик приподнял ее край. Кто-то шевельнулся в полутьме.

— Заходи, террорист! — раздался простуженный голос Виктора.

Алик, пригнувшись, шагнул в полумрак. Посередине грота стояла круглая жестяная печка, какими пользуются чабаны на летовках. В углу, на спальном мешке, сидел бывший его компаньон. К скале был прислонен знакомый дробовик. В сухом месте на скале висела квадратная кожаная сумка с фотоаппаратами. Посреди этой норы рядом с печуркой лежал бывший Ярило с отпиленным божественным достоинством, с изрубленной головой.

Алик сбросил рюкзак, сел на край спального мешка, закурил, не находя, о чем говорить.

— Я знал, что ты вернешься! — сказал Виктор.

— Получить свой участок не так-то просто, освоить — еще сложнее, — в тон ему проговорил чикиндист, вытянул к печке мозолистые заскорузлые пальцы. — Леха — хозяйственный мужик. Построил внизу свинарник...

— Я ему помогал строить, — кивнул Виктор.

— Ты-то сам как? — тихо спросил Алик. — Я немного вмешался в вашу жизнь и все отчего-то перепугались.

— Мне чего бояться, — спокойно посмотрел на него Виктор. — Я наркотой не занимался... Пару раз вытащил Тимоху из-под ножа, а это не преступление с точки зрения уголовного кодекса. — Виктор окинул взглядом каменную конуру. — Вот, доем продукты, дожгу дрова и пойду куда-нибудь: Люда в городе, устроилась на работу, меня в одну приличную контору приглашают. Леха зовет на ферму работником-балдой, ты, наверно, тоже будешь что-то предлагать.

— Я на равных зову, в компаньоны, при освоенном участке, при построенной фанзе, — сплюнул под печку Алик. — Не в работники же... — Его начинало злить настроение товарища. — Думаешь, мне нравится траву резать? Да век бы я ее не нюхал. Но ведь это деньги, которые все время под рукой — пошел и сделал, сколько надо. И никаких начальников, никаких смен, инструкций. А когда деньги есть — если бы по уму их тратить — это же свобода. Хочешь, на этой неделе устрою тебе встречу с медведем? Знаю, где барс ходит — плевое дело выследить... Рысь! Шутя поймаю и к дереву привяжу. Ну, чего ты хочешь?

Виктор помолчал, опустив голову:

— Чего хочу? Понять кое-что хочу, — поднял усталые, слезящиеся от дыма глаза. — Каким бы глупым, каким бы унижительно нищим для своего возраста я ни был, как Людка сказала, но... Два года шляюсь в горах, а числюсь на работе, рабочий стаж идет, случись что — бюллетень оплатят, и образованием, и талантом не обижен, и какой ни жалкий, но есть у меня законный угол в родительском доме. У тебя ничего нет, еще и пьешь так отвратительно. А вот ведь, завидую... Все-то тебе ясно и понятно. И умишко твой, природный, оказывается покачественней нашего, замороченного образованием.

Алик пожал плечами, думая над его словами:

— А ты брось все, что у тебя есть в городе, и станешь таким же, да еще непьющим. Если сможешь, конечно. Среди лесных одиночек или пьяницы, или бичи со съехавшей крышей. Это ж как жить можно без бухла-то. И траву резать не надо — одни волки прокормят, — он раздраженно тряхнул головой: — Удивляюсь я иногда таким как ты, «котам», извини за правду. Что ты, что рыси с барсами, да и тигры, наверное, такие же — все Бог вам дал: здоровые, сильные, красивые, грамотные, не трусоватые — а духом слабы. Оттого они в Красной книге, а ты — в трех елках путаешься, от сытости, что ли такой?

— Какой? — в глазах Виктора блеснул живой огонек.

— Уж такой зажавшийся, такой счастливый от подарков Божьих, что от этого даже несчастный... Короче. Что-то я не пойму — пойдешь ко мне?

— Пойду! — вода невидящими глазами, кивнул Виктор.

Чикиндист подбросил в печку дров, вкрадчиво сказал:

— Что тогда время терять? Пойдем сейчас?! Избу подремонтируем, и на работу — пока снега нет. К охоте надо уже готовиться. Угодья обойти, капканы выварить...

— Можно и сейчас, — покорно согласился Виктор. — Вдруг и меня усыновит твой лес.

1989—2000 гг.